

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ЭСТЕТИКА

Дж. Рёскин

РАДОСТЬ НАВЕКИ И ЕЕ РЫНОЧНАЯ ЦЕНА

ИЛИ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ
ИСКУССТВА**

СОЧИНЕНИЯ

ДЖОНА РЁСКИНА.

РАДОСТЬ НАВѢКИ

и ея рыночная цѣна

или

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ ИСКУССТВА.

(Двѣ лекціи, читанныя въ Манчестерѣ 10 и 13 Іюля 1857 г.).

Дж. Рёскин

РАДОСТЬ НАВЕКИ

И ЕЕ РЫНОЧНАЯ ЦЕНА

ИЛИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ЭКОНОМИЯ ИСКУССТВА

Перевод с английского

Л. П. Никифорова

Издание второе, стереотипное

URSS

МОСКВА

Рёскин Джон

Радость навеки и ее рыночная цена или политическая экономия искусства: Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с. (Из наследия мировой философской мысли: эстетика.)

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося английского искусствоведа и социального реформатора Дж. Рёскина (1819–1900), написанная на основе лекций, прочитанных им в Манчестере в 1857 году. Автор ставит перед собой трудную задачу — внести мораль и эстетику в политическую экономию; частью решения этой задачи является стремление ввести элементы красоты в повседневную будничную жизнь человека, в его труд и производство. Настороженно относясь к современной ему машинной цивилизации и проповедуя свободный обогороженный труд, Дж. Рёскин высказывает ряд интересных идей о месте и роли государства, об открытии и применении таланта человека, о накоплении и распределении результатов труда и др.

Книга будет интересна философам, искусствоведам и специалистам в области истории экономической мысли, а также всем заинтересованным читателям.

Издательство выражает глубокую признательность Илье Никифорову, который предоставил для переиздания раритетные книги из своей личной библиотеки. Эти издания, сохранившие свою актуальность, стали библиографической редкостью.

Настоящая книга была предложена к изданию Ильей Никифоровым.

Репринтное воспроизведение издания 1902 г.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Подписано к печати 02.10.2006 г. Формат 60 × 90/16.

Бумага типографская. Тираж 500 экз. Печ. л. 9. Зак. № 659.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

13-значный ISBN, вводимый с 2007 г.:

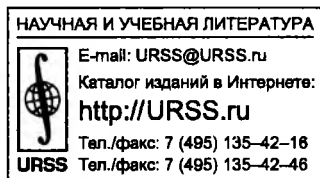
ISBN 978–5–484–00712–7

Соотв. 10-значный ISBN, применяемый до 2007 г.:

ISBN 5–484–00712–7

© Л. П. Никифоров, перевод
на русский язык, 1902, 2007

© КомКнига, 2007

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть предлагаемыхъ очерковъ является точнымъ воспроизведеніемъ лекцій, читанныхъ мною въ Манчестерѣ; но наиболѣе краткія положенія, встрѣчавшіяся при устномъ изложеніи, развиты мною здѣсь полнѣе и обстоятельнѣе и сопровождаемы значительнымъ количествомъ примѣчаній, для объясненія тѣхъ пунктовъ, которыхъ, за недостаткомъ времени, находившагося въ моемъ распоряженіи, я не могъ достаточно развить при чтеніи.

Вѣроятно, не мѣшаетъ извиниться передъ читателями за желаніе обратить ихъ вниманіе на предметъ, глубокое изученіе котораго, повидимому, несовмѣстимо съ моею спеціальностью. Но глубокое изученіе едва-ли нужно какъ пишущему, такъ и читателямъ, тогда какъ точное знаніе вопроса до извѣстной степени необходимо всѣмъ намъ. Политическая экономія на простомъ англійскомъ языкѣ значитъ „экономія гражданъ“, и ея основныя принципы должны быть поняты всѣми, берущими на себя отвѣтственность, сопряженную съ именемъ гражданина, подобно тому какъ хозяйственная экономія должна быть понята всѣми, принимающими на себя отвѣтственность за веденіе домашняго хозяйства. Къ тому же основныя принципы политической экономіи вполне ясны; но многіе изъ нихъ непріятны по своимъ практическимъ требованіямъ, и люди, обыкновенно, ссылаются на то, что не могутъ понять ихъ, единственно потому, что не желаютъ имъ слѣдовать или, вѣрнѣе, въ силу того, что обычное неповиновеніе этимъ принципамъ лишаетъ ихъ даже способности понимать ихъ. Да, изъ всѣхъ дѣйствительно великихъ принциповъ этой науки нѣтъ ни одного неяснаго или спорнаго, ни одного непонятнаго даже юношѣ, какъ только онъ начинаетъ зарабатывать свой хлѣбъ, или дѣвицѣ, начинающей принимать участіе въ домашнемъ хозяйствѣ.

Я скорѣе заслуживалъ бы упрека въ томъ, что считаю необходимымъ подробно выяснять тѣ пункты, которые, повидимому, должны

быть извѣстны всѣмъ. Но едва ли можно меня въ этомъ обвинять, такъ какъ явленія въ области промышленности, ежедневно сообщаемыя газетами, а тѣмъ болѣе поясненія, дѣлаемыя этими послѣдними, ясно указываютъ, что значительная масса, такъ называемыхъ, промышленныхъ предпринимателей такъ же невѣжественна относительно свойствъ денегъ, какъ и безпечна, несправедлива, и несчастна въ дѣлѣ ихъ употребленія.

Изложеніе экономическихъ принциповъ въ текстѣ — хотя я знаю, что если не всѣ, то большинство изъ нихъ уже приняты существующими авторитетами въ области этой науки — не подтверждаются мною цитатами потому, что я никогда не читалъ ни одного автора по политической экономіи, кромѣ Адама Смита, да и того двадцать лѣтъ тому назадъ. Каждый разъ, когда я раскрывалъ какую-нибудь современную книгу по этому вопросу, я всегда находилъ, что она загромождена изслѣдованіями по случайнымъ и второстепеннымъ промышленнымъ вопросамъ, слѣдить за которыми у обыкновеннаго читателя нѣтъ свободнаго времени, и сложность которыхъ, повидимому, не рѣдко лишаетъ самихъ авторовъ возможности понимать самую основу дѣла.

Въ заключеніе замѣчу, что если читатель будетъ склоненъ осуждать меня за слишкомъ радужное представленіе о возможныхъ измѣненіяхъ въ практикѣ политической жизни, то пусть онъ только подумаетъ о томъ, какъ дико показалось бы современникамъ Эдуарда I, если-бы имъ сказали, что современный намъ строй политико-экономической жизни не только неизбеженъ, но даже возможенъ. А я думаю, что нашъ прогрессъ со временъ Эдуарда I состоитъ не столько въ томъ, что нами уже достигнуто, сколько въ томъ, что мы имѣемъ возможность достигнуть въ будущемъ.

Политическая экономія искусства.

ЧТЕНІЕ I.

Въ числѣ различныхъ характерныхъ чертъ нашего вѣка, отличающихъ его отъ столѣтій, пережитыхъ нашимъ не очень старымъ міромъ, я считаю, что справедливое и разумное презрѣніе къ бѣдности является одною изъ самыхъ выдающихся. Повторяю: справедливое и разумное; хотя и замѣчаю, что нѣкоторые слушатели удивлены тому, что я высказываю такія вещи. Но увѣряю васъ, что я говорю вполне серьезно и не рѣшился бы сегодня вечеромъ обратиться къ вамъ съ этой рѣчью, если бъ не относился съ глубокимъ уваженіемъ къ богатству, — разумѣется, къ истинному богатству; ложное же богатство, какъ и все ложное, конечно не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія; и различіе между дѣйствительнымъ и ложнымъ или мнимымъ богатствомъ и есть тотъ пунктъ, относительно котораго мнѣ предстоитъ теперь сказать вамъ нѣсколькословъ. Да, я, какъ уже сказалъ, дѣлю истинное богатство очень высоко и раздѣляю, большею частью, то особенное чувство, въ силу котораго нашъ вѣкъ открыто воздастъ дань уваженія богатству, при чемъ не могу удержаться, чтобъ не замѣтить, какъ необычайно и какъ рѣзко отличается нашъ вѣкъ отъ всѣхъ прошедшихъ эпохъ тѣмъ, что у него нѣтъ ни философскихъ, ни религіозныхъ поклонниковъ дыряваго божества бѣдности. Въ эпоху классической древности не только находились люди, добровольно жившіе въ бочкахъ и серьезно защищавшіе преимущество жизни въ бочкахъ передъ жизнью въ городахъ, но даже греки и римляне, повидимому, смотрѣли на этихъ эксцентричныхъ и, — не смущаясь, прибавляю, — нелѣпыхъ людей съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ мы относимся къ крупнымъ капиталистамъ и землевладѣльцамъ; такъ что въ то время люди, мож-

но сказать, гордились пустыми, а не туго набитыми, кошельками. Насъ не меньше поражаютъ тѣ почести, которыя этотъ странный греческій народъ воздавалъ своимъ высокомернымъ бѣднякамъ, какъ и то презрѣніе, съ какимъ онъ относился къ богачамъ; такъ что нѣтъ никакой возможности долго прислушиваться къ нему или къ его подражателямъ—къ римскимъ писателямъ—безъ того, чтобъ не запутаться во всевозможныхъ благовидныхъ нелѣпостяхъ; при чемъ эти древніе греки и римляне стараются убѣдить насъ въ бесполезности накопленія тяжелаго желтаго вещества, называемаго золотомъ, и возбудить, вообще, сомнѣніе относительно всѣхъ установленныхъ политико-экономическихъ ученій. Въ средніе вѣка дѣло обстояло не лучше. греки и римляне довольствовались тѣмъ, что осмѣивали богатыхъ людей и сочиняли забавные разговоры между Харономъ и Діогеномъ или Мениппомъ, въ которыхъ перевозчикъ и циникъ ликують при видѣ того, какъ плачевныя толпы царей и богачей приближаются къ Ахерону, бросая свои вѣнцы въ мрачныя воды и тщетно отыскивая въ своихъ сокровищницахъ ту монету, которая могла бы оказаться имъ полезной. Но этотъ языческій взглядъ довольно снисходителенъ сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ въ средніе вѣка, когда богатство въ глазахъ лучшихъ людей казалось не только презрѣннымъ, но и преступнымъ. Кошель съ деньгами, висящій на шеѣ, является во всѣхъ изображеніяхъ ада однимъ изъ главныхъ указаній на вѣчное осужденіе, а Духъ Бѣдности чтится съ такой же сердечной теплотой и искренней почтительностью, съ какой честный рыцарь относился къ дамѣ своего сердца и вѣрноподанный къ своей парижѣ. И дѣйствительно, нужно обладать извѣстной смѣлостью, чтобъ совсѣмъ отдѣлаться отъ этихъ чувствъ и открыто признать ихъ односторонность или ошибочность, что мы принуждены, однако, сдѣлать. Вѣдь богатство есть, въ сущности, просто одна изъ великихъ силъ, ввѣренныхъ въ руки человѣка; сила, которой нельзя, правда, завидовать, потому что она рѣдко даетъ счастье, но которую, тѣмъ не менѣе, нельзя ни презирать, ни отталкивать отъ себя, такъ какъ она, въ настоящее время и въ нашей странѣ, является тѣмъ болѣе серьезной, что власть богача проявляется не въ грудахъ золота и не въ сундукахъ, наполненныхъ драгоценными камнями, а въ массѣ людей, направляемыхъ на различные отрасли труда и надъ тѣломъ и душой которыхъ богат-

ство, судя по обстоятельствамъ, имѣть или вредное или благотворное вліяніе, становясь, такимъ образомъ, источникомъ праведности или гибели.

И вотъ, въ силу того, что вы, судя по названію, признаете обширное собраніе англійскихъ картинъ тоже за ваше сокровище, т. е. за извѣстную частицу или крупину дѣйствительнаго богатства вашей страны, я и думаю, что вы, можетъ быть, не безъ интереса прослѣдите за нѣкоторыми коммерческими вопросами, находящимися въ связи съ этой особенной формой богатства. Большинство людей выражаетъ удивленію по поводу ихъ количества, такъ какъ прежде они не имѣли никакого понятія о накопленномъ въ Англіи количествѣ произведеній хорошаго искусства; и потому, я надѣюсь, далеко не безынтересно будетъ для васъ разсмотрѣть, какое политико-экономическое значеніе имѣетъ это накопленіе, какого рода трудъ оно представляетъ собою и какъ, вообще, этотъ трудъ можетъ быть примѣненъ и экономизированъ съ цѣлью дать наилучшіе результаты.

Я попрошу васъ нѣсколько набраться терпѣнія, такъ какъ, прежде чѣмъ разсмотрѣть специально этотъ вопросъ, мнѣ необходимо коснуться нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ и установленныхъ пунктовъ въ области политической экономіи; хотя я и говорю, что они установлены, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ, и именно тѣ, на которыхъ мнѣ придется особенно останавливаться, далеко не общепризнаны; я не буду тратить времени на подробную защиту ихъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ необходимо ясно высказать вамъ, въ какой формѣ я желаю ихъ разсматривать, и считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что, можетъ быть, часть моихъ слушателей совсѣмъ не интересовалась, политической экономіей и желаетъ, тѣмъ не менѣе, узнать, какъ ея принципы могутъ быть примѣнены къ искусству. Поэтому я, съ вашего позволенія, злоупотреблю вашимъ терпѣніемъ и позволю себѣ въ началѣ коснуться нѣсколькихъ элементарныхъ положеній, а въ дальнѣйшемъ теченіи нашего спеціальнаго изслѣдованія изложить и нѣкоторые общіе принципы.

Итакъ, начнемте съ одного изъ этихъ необходимыхъ трюизмовъ: экономія государствъ, какъ и отдѣльныхъ хозяйствъ и личностей, есть искусство правильно управлять работой. Міръ такъ устроенъ Провидѣніемъ, что трудъ человѣка, правильно примѣненный, вполне достаточенъ, чтобы, въ теченіе жизни, снабжать его не

только всѣмъ необходимымъ, но и многими пріятными предметами роскоши, предоставляя ему возможность даже наслаждаться длинными промежутками для отдыха и полезнаго досуга. И трудъ націй, правильно примѣненный, вполне достаточенъ, чтобъ снабдить все населеніе хорошей пищей, удобными жилищами, и не только этимъ, но и доставлять ему хорошее воспитаніе, предметы роскоши и сокровища искусства, въ родѣ тѣхъ, которыя въ данную минуту окружаютъ васъ. Но, въ силу тѣхъ же законовъ Провидѣнія и природы, если трудъ націи или отдѣльной личности ложно направленъ, а тѣмъ болѣе, если онъ недостаточенъ, — если нація или отдѣльный человѣкъ лѣнны или неразумны, — то появляются страданія и лишенія, какъ разъ соотвѣтственно степени нерадивости и неразумія, соотвѣтственно нежеланію работать или ложному примѣненію труда. Всюду, въ окружающемъ васъ мірѣ, встрѣчая нужду, несчастіе или развращенность нравовъ, вы смѣло можете быть увѣрены, что они являются результатомъ недостатка въ трудѣ или ложнаго его направленія. Явленія эти не случайныя, бѣдствія эти не по волѣ Провидѣнія; не первородное или прирожденное зло человѣческой природы наполняетъ ваши улицы стенами и ваши кладбища воплями. Нѣтъ, всѣ эти бѣдствія произошли отъ того, что, вмѣсто предусмотрительности, явилась безумная трата, вмѣсто трудолюбія — сладострастіе, вмѣсто правильной подчиненности — своеволие *).

Въ настоящее время, мы придаемъ слову „экономія“ то значеніе, какого оно совсѣмъ не имѣетъ. Мы постоянно употребляемъ его въ смыслѣ простаго сбереженія или сохраненія; экономія денегъ означаетъ сбереженіе денегъ, экономія времени — сбереженіе времени и т. д. Но это совсѣмъ варварское употребленіе этого слова — варварское вдвойнѣ, потому что ему придается то значеніе, какого оно имѣетъ не на англійскомъ языкѣ, а на плохомъ греческомъ; тройнѣ даже варварское, такъ какъ ему придается значеніе не англійское, а дурное греческое и, притомъ, самое неточное. Экономія означаетъ такъ же сбереженіе, какъ и трату денегъ. Она означаетъ управленіе домоу, руководствомъ, т. е. какъ трату, такъ и сбереженіе съ наибольшей пользою или выгодой и денегъ, и времени, и всего. Въ самомъ простомъ и ясномъ смыслѣ,

*) „Много хлѣба бываетъ на нивѣ бѣдныхъ, но нѣкоторые гибнутъ отъ безпорядка“. Притчи, XIII, 23

экономія, и общественная и частная, означает разумное руководство въ тройкомъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ разумнаго примѣненія труда, въ смыслѣ бережнаго охраненія его продуктовъ и, наконецъ, въ смыслѣ своевременнаго и правильнаго распредѣленія ихъ.

Итакъ, прежде всего, экономія заключается въ разумномъ примѣненіи труда, съ цѣлью получить возможно болѣе цѣнныя и прочныя вещи: не выращивать овса тамъ, гдѣ можетъ расти пшеница, и не украшать тонкими вышивками гнилую матерію; затѣмъ, въ тщательномъ охраненіи продуктовъ труда, т. е. въ разумномъ сбереженіи вашей пшеницы въ складахъ на случай голода и вашихъ вышивокъ отъ моли; и, наконецъ, въ своевременномъ и правильномъ распредѣленіи продуктовъ—такъ, чтобъ вы могли немедленно доставлять ваше зерно въ тѣ мѣстности, гдѣ народъ голодаетъ и ваши вышивки, гдѣ народъ наряжается,—во всемъ исполняя слова премудраго относительно какъ царственной жены, такъ и царственной націи: „она встаетъ еще ночью и раздаетъ пищу въ домъ своею и урочное служанкамъ своимъ. Она дѣлаетъ себѣ ковры; виссонъ и пурпуръ—одежды ея. Крѣпость и красота—одежды ея, и весело смотреть она на будущее.“

Теперь замѣтите, что въ этой характеристикѣ вполне совершеннаго экономиста или доброй домашней хозяйки, вы находите обдуманное выраженіе уравновѣшеннаго раздѣленія ея заботъ между двумя великими группами предметовъ пользы и блеска; въ правой рукѣ—пища и прядиво для жизни и одежды, а въ лѣвой—пурпуръ и питье для чести и красоты. Любое совершенное хозяйство, или правильная національная экономія узнается по этимъ двумъ признакамъ: всюду, гдѣ недостаетъ хоть одного изъ нихъ—экономія не совершенна. Если преобладаетъ пышность, и заботы политико-эконома направлены только на накопленіе золота и картинъ или шелка и мрамора, то вы сразу можете рѣшить, что скоро наступитъ время, когда всѣ эти сокровища погибнуть и исчезнуть вмѣстѣ съ разореніемъ націи. Если же, наоборотъ, преобладаетъ элементъ пользы, и нація презираетъ заниматься искусствами, создающими предметы красоты и восторга, то не только извѣстная доля ея энергіи, предназначенная на проявленіе себя въ этихъ искусствахъ, тратится бесполезно, указывая на плохую экономію, но и чувства становятся болѣзненно извращенными, и низкая

жажда накопленія, ради простого накопленія, или даже труда, ради труда, изгоняетъ всякую отраду и нравственность изъ жизни націи сильнѣе и неблагороднѣе, чѣмъ даже расточительность гордости и легкомысліе наслажденій. И точно также, и даже вѣрнѣе, судить о частной экономіи домашняго хозяйства вы можете всегда по тому, насколько въ немъ польза сопряжена съ удовольствіемъ. Вы увидите, что садъ мудрой хозяйки красиво соединяетъ въ себѣ хорошо посаженный огородъ съ душистымъ цвѣтникомъ; вы увидите, что добрая хозяйка гордится красивыми скатертями и сіяющими чистотой полками не меньше, чѣмъ сытнымъ обѣдомъ и полными кладовыми; и уважая ее за ея серьезность, вы лучше познаете ее по ея улыбкѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я, сегодня и въ слѣдующій разъ, займусь больше экономіей сада, чѣмъ хозяйственнаго двора. Я попрошу васъ разсмотрѣть вмѣстѣ со мной тѣ законы, руководясь которыми мы можемъ лучше разбивать клумбы нашего національнаго сада и выращивать на нихъ наиболѣе пышный рядъ деревьевъ, пріятныхъ для взора (въ разумномъ смыслѣ), — съ цѣлью почерпнуть изъ нихъ подобающіе для насъ уроки мудрости. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію специально занимающаго насъ вопроса, позвольте нѣсколько остановиться, чтобы вмѣстѣ съ вами настоять на признаніи принципа управленія или авторитета, который долженъ служить основой всякой экономіи какъ въ дѣлѣ пользы, такъ и въ дѣлѣ удовольствія. Нѣсколько минутъ тому назадъ я сказалъ, что трудъ націи, хорошо направленный и примѣненный, вполне достаточенъ, чтобы доставлять всѣмъ хорошую пищу, удобный кровъ, одежду и пріятные предметы роскоши. Но хорошее, своевременное и постоянное примѣненіе труда составляетъ все. Когда наши здоровыя руки лишены работы, мы не должны дико оглядываться кругомъ въ поискахъ за какимъ-нибудь занятіемъ для нихъ. Если вы когда-нибудь чувствуете такую нужду въ работѣ, то это вѣрнѣйшій признакъ, что все ваше хозяйство не въ порядкѣ. Вообразите себѣ фермершу, къ которой въ полдень являются двѣ или три ея работницы и заявляютъ, что имъ нечего дѣлать, что онѣ не знаютъ, чѣмъ имъ теперь заняться; и представьте себѣ дальше, что эта жена фермера безнадежно осматриваетъ и свой домъ, и свой дворъ, находящіеся въ сильномъ безпорядкѣ, и, не зная, къ какой работѣ

приспособить этихъ работницъ, начинаетъ, наконецъ, горько сѣтовать на то, что ей приходится даромъ кормить ихъ обѣдомъ. Вотъ образецъ той политической экономіи, которую мы слишкомъ часто практикуемъ въ Англіи. Не скажете ли вы о такой хозяйкѣ, что она не имѣетъ понятія о своихъ обязанностяхъ? И не находите ли вы, что, при правильномъ веденіи хозяйства, хозяйка всегда будетъ рада имѣть нѣсколько свободныхъ рукъ, готовыхъ помочь ей? Что она всегда тотчасъ же знаетъ, къ какой работѣ ихъ примѣнить, какую часть завтрашней работы можно съ удобствомъ сдѣлать сегодня, какую часть работы будущаго мѣсяца можно благоразумно приготовить или какую новую отрасль производства выгодно начать? И что, съ наступленіемъ вечера, отпуская рабочихъ на отдыхъ или собравъ ихъ для чтенія вокругъ рабочаго стола, она должна быть увѣрена, что ни одна работница не была утомлена чрезмѣрнымъ трудомъ, такъ какъ ни одна не оставалась праздною, что все было выполнено, такъ какъ всѣ были заняты; что доброта хозяйки содѣйствовала ея смѣтливости, и болѣе легкая работа предоставлена была наиболѣе слабымъ, а наиболѣе трудная—наиболѣе сильнымъ; что никто не былъ обезпеченъ бездѣятельностью и ничьи силы не надорваны чрезмѣрнымъ трудомъ?

Дѣйствительно мудрой хозяйкой явилась бы нація, правильно понимающая политическую экономію. Вы жалуетесь на трудность найти работу для вашихъ людей, тогда какъ, въ дѣйствительности, затрудненіе должно состоять въ недостаткѣ людей для всѣхъ нужныхъ работъ. Серьезный для васъ вопросъ заключается не въ томъ, сколько людей вамъ нужно прокормить, а сколько выполнить работъ; наша праздность, а не голодъ разоряютъ насъ; не будемте никогда опасаться слишкомъ хорошаго аппетита нашихъ работниковъ: наша мощь въ ихъ силѣ, а не въ ихъ голоданіи. Взгляните кругомъ на вашъ островъ и опредѣлите, что вамъ нужно дѣлать. Море реветъ, ударяясь о ваши безпріютные утесы; вамъ нужно устроить волнорѣзы и гавани, могущія служить вѣрнымъ убѣжищемъ; заразные болѣзни, порождаемыя нечистотами, опустошаютъ ваши улицы; вамъ нужно спустить потоки съ вашихъ холмовъ и дать свободный доступъ воздуху; голодъ дѣлаетъ безкровными ваши губы и изнуряетъ ваше тѣло—вамъ слѣдуетъ осушить топи и болота, а не запускать ихъ, и не выдавливать изъ скалъ медъ и елей. Такія работы—и множество имъ подобныхъ—намъ предстоитъ

выполнять и теперь и постоянно на этой нашей обширной фермѣ; и никогда не предполагайте, что страна представляет что-нибудь иное. Тѣ же законы, которые примѣнимы къ правильному веденію хозяйства на фермѣ или въ имѣніи—пригодны и для процвѣтанія провинціи и страны. Тѣ упреки, съ которыми вы считали бы нужнымъ обратиться къ нерадивому хозяину дурно управляемаго наслѣдственнаго имѣнія, мы должны дѣлать и себѣ, заставляя народъ страдать отъ безработицы, страну—отъ неурядицы. Что сказали бы вы хозяину имѣнія, обращающемуся къ вамъ съ жалобой на свою бѣдность, на свое безсиліе выйти изъ нея, а на ваши указанія, что поля его наполовину заросли сорными травами, что всѣ изгороди поломаны, скотные дворы безъ крышъ, и работники лежатъ голодными подъ заборами, онъ отвѣтилъ бы вамъ, что окончательно разорился бы, если бъ очистилъ поля отъ сорныхъ травъ, покрылъ скотные дворы, что это все—слишкомъ дорогія для него предпріятія, что онъ рѣшительно не знаетъ, какъ прокормить рабочихъ и изъ чего платить имъ? Развѣ вы не сказали бы ему, что очистка полей отъ сорныхъ травъ не разоряетъ, а спасаетъ его отъ бѣдности, что бездѣятельность губить его и что, давая рабочимъ возможность работать, онъ тѣмъ самымъ найдетъ возможность и прокормить ихъ? Теперь, сколько бы вы ни прибавляли десятинъ или сколько бы вы ни расширяли имѣнія и ни увеличивали число ихъ, всегда для нихъ обязательны будутъ тѣ же простые законы хозяйства. Принципы, правильные при администраціи небольшого количества полей, не менѣе правильны для обширной страны съ безпредѣльными границами: празность великаго множества людей не перестаетъ быть разорительной только потому, что ею охвачены массы народа, а трудъ не перестаетъ быть производительнымъ, ставъ всеобщимъ.

Но вы возражаете, что есть одна существенная разница между хозяйствомъ націи и частнаго человѣка: послѣдній имѣетъ полную власть надъ своими рабочими; онъ можетъ всегда направить ихъ на необходимую работу, желаютъ ли они того или нѣтъ; онъ можетъ моментально прогнать ихъ, если они не желаютъ работать, мѣшаютъ работѣ другихъ или оказываются непокорными и сварливыми. Да, разница громадная, и на нее-то я и желаю преимущественно обратить ваше вниманіе, такъ какъ вамъ нужно, главнымъ образомъ, отдѣлаться отъ нея. Мы признаемъ необходимость

авторитета при управленіи фермой, флотомъ, арміей, но, обыкновенно, отрицаемъ ее въ дѣлѣ управленія страной. Однакожъ, остановимтесь нѣсколько на этомъ вопросѣ.

Французы, продѣлавая множество разнообразныхъ и злополучныхъ экспериментовъ въ дѣлѣ развитія и улучшенія соціальной системы, пришли, наконецъ, къ признанію одного, вполне вѣрнаго принципа—принципа братства. Пожалуйста, не пугайтесь этого принципа, опыты примѣненія котораго были вполне ошибочны, потому что при этомъ забывалось, что братство неизбѣжно устанавливаетъ другой, столь же важный, фактъ—фактъ сыновняго признанія одного общаго отца. Другими словами если мы разсматриваемъ націю за семью, то единство этой семьи столько же зиждется на признаніи, что у нея есть глава, отецъ, сколько и на солидарности или братствѣ всѣхъ ея членовъ. И этого-то мы никогда не должны забывать; не должны исповѣдывать только устами, отрицая въ дѣйствительной жизни. Каждое воскресенье мы знаемъ, что человѣкъ, одѣтый въ черное одѣяніе, будетъ обращаться къ намъ съ проповѣдью, какъ къ братьямъ, и высказывать намъ вещи, признаваемые нами за правду, но мы были бы сильно шокированы, еслибъ это вынуждало насъ къ признанію существованія братства между нами внѣ церкви. Мы едва ли найдемъ нѣсколько строкъ по политическимъ вопросамъ, въ которыхъ не говорилось бы объ „отеческихъ заботахъ правительства“, но мы поражены были бы ужасомъ при мысли о правительствѣ, претендующемъ имѣть надъ нами нѣчто въ родѣ отцовскаго авторитета. Послѣ только что сказаннаго, мнѣ кажется, что сравненіе и уподобленіе хозяйства фермы хозяйству страны, если и страдаетъ какимъ-нибудь недостаткомъ, то развѣ только въ томъ отношеніи, что примѣръ мой чрезмѣрно не узокъ, а широкъ, и что истиннымъ типомъ хорошо организованной націи должна служить не ферма, обрабатываемая наемными рабочими, которыхъ можно всегда моментально расчитать, если они отказываются работать, а ферма, въ которой хозяиномъ является отецъ, а работниками—его сыновья, и въ распорядкахъ которой имѣютъ значеніе не только принятыя на себя обязательства, но и узы любви и взаимной отвѣтственности членовъ одной семьи, гдѣ тягота всѣхъ дѣлъ и работъ не только облегчается братскимъ согласіемъ, но и подкрѣпляется отцовскимъ авторитетомъ *).

*) См. примѣчаніе 1-ое въ прибавленіяхъ.

Замѣтите, я отнюдь не думаю этимъ сказать, что мы должны передать такой авторитетъ въ руки какой-нибудь отдѣльной личности, группы людей или класса. Но я хочу этимъ дать понять, что, какъ каждый человѣкъ, мудро устрояющій свою жизнь, долженъ составить себѣ ясно опредѣленные правила жизни, которыя, тѣмъ не менѣе, могутъ оказаться порой стѣснительными или оскорбительными и которымъ онъ больше всего долженъ слѣдовать именно тогда, когда они кажутся наиболѣе стѣснительными, — точно такъ же и нація, желающая мудро жить, должна признать надъ собою авторитетъ царей, совѣтовъ или законовъ, которымъ и должна повиноваться, даже когда этотъ законъ или авторитетъ кажутся стѣснительными для массы народа или обидными для извѣстной группы націи. Этого рода національные законы имѣли до сихъ поръ только судебное или карательное значеніе, ограничиваясь только предупрежденіемъ и наказаніемъ насилія и преступленій; но, по мѣрѣ нашего преуспѣянія въ соціальныхъ знаніяхъ, мы будемъ стараться, чтобъ наше правительство имѣло не только судебную, но и отеческую власть, т. е. установимъ такіе законы и такой авторитетъ, которые будутъ руководить нами въ нашихъ занятіяхъ, защищать насъ отъ нашихъ сумасбродствъ и помогать намъ въ нашихъ бѣдствіяхъ; будемъ имѣть правительство, которое будетъ пресѣкать безчестность, какъ теперь караетъ воровство; которое покажетъ, какъ дисциплина массъ можетъ содѣйствовать развитію мирныхъ работъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ дисциплинировались массы для войнъ; правительство, у котораго будутъ свои войны плуга, какъ и войны сабель, и которое будетъ съ большей гордостью раздавать свои кресты трудолюбія, — золотые, какъ спѣлая нива, — чѣмъ теперь свои почетные кресты, бронзированные багряной кровью.

Я не имѣю, конечно, времени, чтобы подробно обрисовать вамъ характеръ и свойства такого рода правительства, и хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на ту безспорную истину, что признаніе дисциплины и вмѣшательства лежитъ въ самомъ корнѣ человѣческаго прогресса и власти и что принципъ невмѣшательства или предоставленія человѣка собственнымъ силамъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности есть принципъ смерти; что гибель грозитъ ему, гибель безспорная и окончательная, если онъ предоставляетъ на произволъ собственныхъ силъ свою страну, своихъ собратій, свою

собственную душу; что вся жизнь человека,—если это здоровая жизнь,—должна быть посвящена тому, чтобъ постоянно пахать и очищать, порицать и помогать, управлять и карать, и что только въ признаніи великаго какого-нибудь принципа принужденія и вмѣшательства въ національную дѣятельность, онъ и можетъ надѣяться обрѣсти тайну защиты отъ національнаго безчестія. Я нахожу, что народъ имѣетъ право требовать образованія отъ правительства, но лишь поскольку онъ признаетъ себя обязаннымъ повиноваться этому правительству. Я думаю, что онъ имѣетъ право требовать работы отъ своихъ правителей, но лишь поскольку онъ признаетъ за послѣдними право руководить и дисциплинировать его работу; и лишь, поскольку массы предоставляютъ людямъ, признаннымъ ими за правителей, отцовскій авторитетъ удерживающій ребячество національной фантазіи и направляющій свое правіе національной энергіи, постольку онъ и имѣютъ право требовать, чтобъ ни одно изъ народныхъ бѣдствій не оставалось безъ помощи, ни одно изъ злополучій—неисправленнымъ; чтобъ при каждомъ горѣ, при каждой наготѣ, при каждой гибели видна была протянутая рука помощи и приподнятый ограждающій щитъ отъа *).

Я остановился на этомъ вопросѣ дольше, чѣмъ слѣдуетъ для предмета нашихъ изслѣдованій, потому что, заговоривъ съ вами въ первый разъ о политической экономіи, я долженъ былъ ясно

*) Срав. статью Вордсворта о биллѣ относительно „Реформы закона о бѣдныхъ“. Я привожу изъ нея слѣдующій замѣчательный отрывокъ: „Если не безопасно касаться отвлеченнаго вопроса о правѣ человека въ социальномъ государствѣ помогать себѣ даже до послѣдней крайности, то не можемъ ли мы, однако, настаивать на обязанности христіанскаго правительства, стоящаго *in loco parentis* по отношенію къ своимъ подданнымъ, быть настолько предусмотрительнымъ, чтобы никому не грозила опасность погибнуть отъ небрежности или жестокости законодательства? Или даже, оставляя это въ сторонѣ, неужели же, спросимъ себя, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что государство, предъявляя права на вѣрнопопданность себѣ, тѣмъ самымъ не принимаетъ на себя обязанности защищать своихъ вѣрнопопданныхъ? И такъ какъ права предполагаютъ и соответствующія обязанности, то изъ этого слѣдуетъ, что право государства на услуги гражданъ, даже до обязанности рисковать жизнью при общественной защитѣ, тѣмъ самымъ обуславливаетъ за народомъ право (которое не должны отрицать утилитаріанцы и политико-экономы) на общественную помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по той или другой причинѣ, кто нибудь изъ подданныхъ нуждается въ ней. (Смотри примѣчаніе 2-ое въ прибавленіи).

установить, что считаю главнымъ, основнымъ ея принципомъ; къ тому же, мнѣ не хотѣлось, чтобы мы разомъ разошлись, когда, устанавливая должную экономію въ искусствѣ, я стану совѣтовать то, что можетъ показаться вамъ слишкомъ большимъ вмѣшательствомъ или стѣсненіемъ свободы художника и его патрона. Мы, при всемъ нашемъ благоразуміи, склонны, отчасти, дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго импульса даже въ дѣлахъ чисто коммерческихъ, а тѣмъ болѣе въ тѣхъ, гдѣ фантазія играетъ главную роль. Ваше дѣло рѣшить, поскольку предлагаемая мною системы или стѣсненія умѣстны, я же попрошу васъ не отвергать ихъ только въ силу того, что онѣ—системы, налагающія извѣстныя стѣсненія. Помните ли вы интересное мѣсто у Карлейля, въ которомъ онъ сравниваетъ существующую въ настоящее время у насъ, въ Англіи, подразумеваемую денежную цѣну человѣка и лошади, причемъ удивляется, что лошадь, животное съ менѣе развитыми мозгами и съ неуклюжими копытами, вмѣсто рукъ, стѣбитъ на рынкѣ всегда извѣстное количество рублей или десятковъ рублей, тогда какъ человѣкъ не только не имѣетъ на рынкѣ опредѣленной цѣны, но часто даже оказываетъ услугу обществу, стережъ себя съ лица земли. Карлейль не даетъ на этотъ вопросъ отвѣта, потому что предполагаетъ, что мы сразу поймемъ причину этого различія. Цѣнность лошади зависитъ отъ того, что вы можете всегда накинуть на нее узду. Цѣнность человѣка состоитъ въ томъ же самомъ. Если его можно взнуздать или, что еще лучше, если онъ самъ можетъ обуздывать себя, то будетъ цѣннымъ созданіемъ. Въ противномъ же случаѣ, съ извѣстной промышленной точки зрѣнія, онъ не имѣетъ никакой цѣны или цѣну чисто случайную. Только, конечно, узда, пригодная для человѣка—не ременная; а изъ чего она состоитъ, мы можемъ узнать изъ слѣдующихъ словъ псалмопѣвца: „Не будьте какъ конь, какъ лошакъ неосмысленный, которыхъ челюсти нужно обуздывать уздою и удилами“. Пс. 31, 9. „И вамъ нужны поводья, но совѣмъ другого рода“. „И буду руководить тебя, Око Мое надъ тобою“. Итакъ, руководящими поводьями для человѣка служить Око Божье; но если онъ отвергаетъ это руководство, то наилучшими уздами для него являются пригодныя и для лошадей и для неосмысленныхъ лошаковъ, а если онъ не признаетъ и послѣднихъ и закусываетъ удила, то захлебнется въ „крови, текущей изъ точила гнѣва Божія даже до уздъ конскихъ“. Ап. 14, 20.

Оставляя эти общіе и крайне важные законы управленія или, вѣрнѣе, сводя ихъ къ занимающему насъ вопросу—намъ предстоитъ разсмотрѣть примѣненіе трехъ вышеуказанныхъ пунктовъ дисциплины къ той особенной вѣтви человѣческаго труда, задачей которой является не доставленіе хлѣба, а выраженіе чувствъ. По отношенію къ искусству намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросы о примѣненіи труда къ искусству, о накопленіи и сохраненіи произведеній этого труда и, наконецъ, о распредѣленіи ихъ. Но такъ какъ въ искусствѣ примѣняется трудъ особаго класса людей—людей, одаренныхъ для этой дѣятельности особымъ талантомъ, то намъ предстоитъ разсмотрѣть не только вопросъ о томъ, какъ примѣнять трудъ, но, прежде всего, какъ создавать подходящихъ работниковъ и, т. о. въ данномъ спеціальномъ случаѣ, вмѣсто трехъ, возникаетъ передъ нами четыре вопроса; первый вопросъ: какъ получить таланты? второй: какъ примѣнять ихъ трудъ? затѣмъ, какъ по возможности лучше и больше накапливать и сохранять плоды ихъ трудовъ и, наконецъ, какъ распредѣлять ихъ работу съ наибольшей пользой для націи. Разсмотримъ же послѣдовательно всѣ четыре вопроса.

1. *Открытие.*—Какъ приобрести людей талантливыхъ, т.-е. какими средствами получить среди насъ въ любое данное время наибольшее количество дѣятельныхъ художественныхъ талантовъ? Обширный, какъ видите, вопросъ, включающій свѣдѣнія о всѣхъ лучшихъ способахъ художественнаго образованія. Да, но я и не думаю разсматривать этого вопроса, а только хочу установить нѣсколько общихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ его. И изъ нихъ первый заключается въ томъ, что вамъ приходится всегда находить, а не создавать художниковъ, такъ какъ вы не въ силахъ создать ихъ, какъ не можете дѣлать золото. Вы въ состояніи только отыскать и очистить его; вы раскапываете его въ видѣ самородка на днѣ горнаго потока, приносите домой и обращаете въ монеты, въ блюда, но ни одного зерна его вы не можете сами сдѣлать. Извѣстное количество художественныхъ талантовъ ежегодно рождается въ каждой странѣ; оно больше или меньше, смотря по природѣ и степени развитія націи или породы людей; но ежегодно ихъ имѣется вполнѣ определенное количество, которое вы не можете увеличить ни на одну крупинку. Вы можете растерять или собрать его; вы можете оставить его лежать на днѣ оврага, зарытымъ въ песокъ, или мо-

жете дѣлать изъ него троны и врата храмовъ; но самое большее, что вы можете дѣлать, это—просѣивать, плавить, ковать и очищать, но не создавать его. И относительно этого художественнаго золота нужно еще замѣтить, что ограничено не только количество его, но и примѣненіе или употребленіе его. Вы можете дѣлать изъ него троны или золотыя ворота, если хотите, но ничего болѣе. Вы не можете дѣлать ни ножей, ни оружія, ни рельсовъ. Золото не способно ни рѣзать, ни служить для перевозки, и для механическаго употребленія оно сразу оказывается непригоднымъ. Правда, что въ величайшихъ художникахъ ихъ художественный даръ соединенъ съ другими дарами, и вы можете пользоваться этими другими способностями, оставляя художественныя въ полномъ дремотномъ состояніи. Очень можетъ быть, что, въ настоящее время, два или три Леонардо да Винчи заняты работами на вашихъ гаваняхъ или на желѣзныхъ дорогахъ, но вы при этомъ не пользуетесь ихъ леонардовскими или золотыми способностями, а только подавляете или губите ихъ. Въ обыкновенномъ же человѣкѣ художественный даръ не соединенъ съ другими; вашъ врожденный художникъ, если вы не сдѣлаете изъ него художника, не будетъ ни выдающимся купцомъ, ни выдающимся юристомъ и, во всякомъ случаѣ, что бы изъ него ни вышло, его специальный даръ останется безъ примѣненія вами и нисколько не поможетъ ему въ другихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ, вы имѣете здѣсь известное количество особаго рода дарованій, производимыхъ для васъ ежегодно законами Провидѣнія и которыми вы можете воспользоваться, примѣняя ихъ къ подходящему для нихъ дѣлу; всякая же попытка иначе воспользоваться этими дарованіями представляетъ явную потерю опредѣленной человѣческой энергіи. Теперь предположимъ, что мы хотимъ воспользоваться послѣдней и задаемъ себѣ вопросъ, какъ лучше всего открыть и развить ее? Открыть этотъ даръ довольно легко. Стоитъ только пожелать воспользоваться имъ, и вы тотчасъ же откроете его. Для этого вамъ только необходимо имѣть по школѣ испытанія*) въ каждомъ значительномъ городѣ, гдѣ встрѣчаются известные нерадивые парни на фермахъ, которыхъ хозяева никакъ не могутъ уберечь отъ разныхъ неудачъ, и глуповатые ученики у портныхъ, всегда стегаящіе рукава не такъ, какъ слѣдуетъ, и которыхъ можно было бы испытать въ художественномъ ремеслѣ. Только эти школы ис-

*) См. примѣчаніе 3-е въ прибавленіяхъ.

испытанія должны быть не школами, урегулированными формальными законами художественнаго образованія, а мастерскими хорошаго мастера-живописца, который будетъ испытывать юношей въ различныхъ областяхъ искусства, пока, наконецъ, не найдетъ, къ чему они пригодны. Вслѣдъ за вашими школами испытанія необходимо вамъ озаботиться о доставленіи юношамъ легкихъ и обеспеченныхъ занятій, что имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ при теперешней системѣ мальчики, обладающіе выдающимися художественными способностями, обыкновенно дѣлаются художниками послѣ того, какъ лучшая часть ихъ юношеской энергіи потрачена ими въ борьбѣ за существованіе. Прежде чѣмъ хорошій художникъ можетъ найти себѣ занятія, онъ всегда извѣдаетъ много душевныхъ огорченій, и талантъ его будетъ значительно поврежденъ. Обычныя дарованія обыкновенно съ пластической гибкостью подчиняются общественнымъ требованіямъ, лестью и угодничествомъ добиваясь стать любимцами публики *). Но ваши великіе люди не склоняются передъ вами, и вы мстите имъ, заставляя ихъ голодать въ теченіе всей первой половины жизни. И если художникъ обладаетъ врожденнымъ талантомъ, то можно съ увѣренностью сказать, что ему придется вести суровую борьбу съ жизнью именно въ ранніе годы, когда онъ долженъ быть полонъ радостныхъ и счастливыхъ надеждъ, когда характеръ его долженъ быть спокоенъ, а мысли—самыя восторженные, а между тѣмъ, въ этотъ самый критическій періодъ его жизни, сердце его и бываетъ переполнено всевозможными мелочными заботами и тревогами; разочарованія охлаждають, а несправедливость возмущаетъ его; онъ становится упоренъ въ своихъ заблужденіяхъ не менѣе, чѣмъ въ своихъ достоинствахъ, и полетъ его стремленій слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ надежды его не оправдываются.

Поэтому мы, главнымъ образомъ, нуждаемся въ достаточныхъ и обеспеченныхъ занятіяхъ; нужно не расточать крупныхъ наградъ, которыхъ молодые художники должны добиваться путемъ усилій, а доставлять всѣмъ надлежащую поддержку и полную возможность развивать имѣющіеся въ нихъ дары безъ огорченій и униженій. Едва ли мнѣ нужно при этомъ замѣтить, что наилучшимъ поприщемъ для такого рода работъ представляются постоянно прогрессирующія публичныя работы въ области разнообразныхъ декорацій, и намъ

*) См. примѣчаніе 4-ое въ приложеніи.

предстоятъ теперь разсмотрѣть, какого рода общественныя работы могутъ съ пользою для націи постоянно прогрессировать. Но едва ли не важнѣе, чѣмъ даже это обезпеченіе занятій, представляетъ тотъ способъ, какимъ вы, публика, встрѣчаете первыя произведенія художниковъ, представляемые ими на вашъ судъ. Вы можете нанести сильный вредъ вашей нескромной похвалою, какъ и неумѣреннымъ порицаніемъ; но не забывайте, что наибольшій вредъ всегда наносится порицаніемъ. Само собою разумѣется, что произведеніе юноши не можетъ быть совершеннымъ, что оно, болѣе или менѣе, страдаетъ отъ незнанія, болѣе или менѣе слабо, что всегда въ немъ сказывается проба силъ, а, стало быть, встрѣчаются мѣстами и ошибки. И вы, если позволите себѣ сразу набросаться на эти первыя, замѣченныя вами, ошибки, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, оскорбите юношу за тѣ недостатки, которые вполнѣ естественны и неизбѣжны въ данной стадіи его развитія; да, вы съ такимъ же точно правомъ могли бы осуждать ребенка за то, что онъ не обладаетъ благоразуміемъ члена тайнаго совѣта, или котенка за отсутствіе въ немъ степенности кота. Но есть одинъ недостатокъ, который вы всегда съ увѣренностью можете считать вреднымъ и который, поэтому, всегда заслуживаетъ серьезнаго порицанія; такимъ недостаткомъ является всегда поспѣшность, сопряженная съ небрежностью. Каждый разъ, когда вы замѣчаете въ произведеніи юноши бойкость или неряшество, вы смѣло можете нападать и быть увѣрены въ вашей правотѣ. Если произведеніе его отличается бойкостью, то тутъ сказывается наглость, и вы смѣло сдерживайте ее; если оно неряшливо, то тутъ является безпечность; карайте ее. Пока юноша работаетъ въ этомъ бойкомъ или порывистомъ направленіи, наилучшая награда для него—ваше презрѣніе; только когда онъ не заискиваетъ вашего одобренія, вы можете быть увѣрены, что онъ его заслуживаетъ.

А если онъ заслуживаетъ одобренія, то не скупитесь, иначе вы рискуете недостаткомъ поощренія заставить его свернуть съ истиннаго пути и сами лишиться наиболѣе радостной возможности поощрить должной наградой его юношескій трудъ. Вѣдь только для юношей похвала людей служить великой наградой; старики, ставъ великими, настолько превосходятъ и опережаютъ васъ, что не заботятся о вашемъ мнѣніи. Вы можете окружать ихъ своими симпатіями и привѣтствовать одобреніями и рукоплесканіями,

но они будутъ сомнѣваться въ вашей симпатіи и презирать ваши похвалы. Вы могли бы придать бодрости ихъ золотой юности, могли бы заставить ихъ зардѣться отъ гордости, еслибъ хоть разъ сказали имъ: „это хорошо сдѣлано“—въ то время, когда они стремились къ первой цѣли ихъ ранняго честолюбія. Но теперь все это только въ воспоминаніяхъ, а всѣ надежды—на небѣ. Они могутъ быть добры къ вамъ, но вы уже не въ силахъ быть добры къ нимъ. Вы можете питаться плодами и полнотой ихъ преста-рѣлыхъ лѣтъ, но вы были губительной тлѣй ихъ молодости, и ваша хвала является лишь теплымъ осеннимъ вѣтеркомъ для умирающихъ вѣтвей.

Но еще одна мысль, самая грустная изъ всѣхъ, невольно является, когда думаешь объ этомъ лишеніи ранней помощи. Очевъ возможно, что у нѣкоторыхъ благородныхъ личностей, теплота и нѣжныя чувства дѣтства сохраняются, даже не встрѣчая отвѣта, и что сердце старика все еще будетъ способно радоваться, когда симпатія, въ которой ему такъ долго отказывали, наконецъ улыбнется ему. Но у этихъ благородныхъ людей главный мотивъ ихъ юношескихъ стремленій всегда почти заключался въ томъ, чтобы достанить утѣшеніе не себѣ, а своимъ родителямъ. Каждый благородный юноша всегда вспоминаетъ, что величайшимъ радостнымъ моментомъ, доставленнымъ ему похвалой свѣта, былъ тотъ, когда взоры его отца засіяли отъ гордости, и когда его мать принуждена была скрыть свое лицо, чтобъ сынъ не увидалъ ея слезъ и не принялъ ихъ за слезы горя. Даже радость влюбленнаго, когда его таланты восхваляются въ присутствіи его возлюбленной, не такъ велика, потому что она не такъ чиста, вслѣдствіе того, что къ его желанію доставить ей радость примѣшивается нѣкоторая доля самовозвеличенія; въ глазахъ же родителей ему нечего гордиться своимъ успѣхомъ. Исключительно въ надеждѣ доставить имъ удовольствіе, онъ говоритъ имъ о томъ, что сдѣлалъ и что о немъ говорятъ, и это доставляетъ ему самое чистое наслажденіе. И этихъ-то самыхъ чистыхъ и лучшихъ радостей вы лишаете его, тогда какъ можете ихъ доставить; вы въ нѣжной юности питаете его пепломъ и безчестіемъ, и затѣмъ притворно-вѣжливо являетесь къ нему слишкомъ поздно съ вашимъ колючимъ лавровымъ вѣнкомъ, вся роса съ листьевъ котораго уже обсохла; вы вручаете этотъ вѣнокъ въ его безжизненные руки, и онъ удивленно смотритъ вамъ въ глаза. Что ему съ нимъ дѣлать?

Что онъ можетъ сдѣлать? итти развѣ и возложить его на могилу матери?

Такимъ образомъ, вы видите, что вамъ слѣдуетъ для вашихъ юношей позаботиться пріисканіемъ школъ, въ которыхъ они могли бы испытывать свои дарованія, для нихъ доставлять обезпечивающія занятія и оказывать справедливую похвалу, но затѣмъ вамъ остается сдѣлать еще одну вещь, готовя ихъ къ полному служенію обществу — а именно, вы должны въ самомъ высшемъ смыслѣ сдѣлать изъ нихъ людей благородныхъ, т. е. озаботиться о такомъ воспитаніи ихъ души, чтобъ во всемъ, что они будутъ изображать, они видѣли и чувствовали бы все самое благородное. И я съ грустью долженъ признаться, что въ воспитаніи художниковъ больше всего пренебрегается эта сторона, даже когда врожденные вкусы и чувства юношей чисты и вѣрны; когда юноши обладаютъ данными, чтобъ стать людьми благородными, вы можете слишкомъ часто замѣтить тѣ или иные ложные пробѣлы въ ихъ умственномъ складѣ, тѣ или иные элементы извращеннаго отношенія къ предметамъ, въ силу недостатка благороднаго воспитанія и либеральнаго вліянія литературы. Это вполнѣ замѣтно въ нашихъ величайшихъ художникахъ, даже въ такихъ людяхъ, какъ Тернеръ и Генсборо; тогда какъ у нашихъ второстепенныхъ художниковъ это зло, вообще, достигаетъ такихъ размѣровъ, которые слишкомъ очевидны, чтобъ стоило на нихъ указывать. Теперь замѣтите, что во всей области экономіи искусства важнѣе всего та вѣтвь ея, въ силу которой вы можете сдѣлать интеллектъ, находящійся въ вашемъ распоряженіи, чистымъ и мощнымъ, такъ что онъ всегда будетъ собирать для васъ все самое отрадное и восхитительное. То же количество труда той же человѣческой руки будетъ, соотвѣтственно развитію ея, творить пріятныя и полезныя вещи или же низкія и вредныя, и, въ зависимости отъ этого, каковы бы ни были достоинства произведенія въ отношеніе ловкости художника, его главная и конечная цѣнность для каждой націи зависитъ отъ способности облагораживать зрителей и приводить ихъ въ восторгъ; и картина, наиболѣе заслуживающая названіе художественнаго сокровища, всегда будетъ изъ числа нарисованныхъ хорошимъ человѣкомъ.

Вы ясно видите, какъ далеко завелъ бы насъ этотъ вопросъ, если-бы я сталъ подробно разсматривать его. Поэтому, я предпо-

читаю избрать его современемъ темой для отдѣльнаго чтенія, теперь же замѣчу только, что нація всего производительнѣе тратила бы свои деньги, если-бы употребляла ихъ на доставленіе либеральнаго и дисциплинированнаго воспитанія своимъ художникамъ въ критическій періодъ ихъ юности, и что значительная доля жизненной мощи художниковъ зависитъ отъ того рода сюжетовъ, на которые вы, публика, предъявляете запросъ, а стало быть, отъ того рода мыслей, съ которыми вы требуете, чтобы оныя наиболѣе свыкались. По этому поводу мнѣ придется еще многое высказать вамъ, когда мы дойдемъ до разсмотрѣнія той роли, которую художники должны играть въ дѣлѣ украшенія общественныхъ зданій.

Существуетъ много другихъ вопросовъ, почти столь же важныхъ, относительно развитія талантовъ, но, подробно разсматривая ихъ, мнѣ пришлось бы прочесть, вмѣсто четырехъ, цѣлыхъ шесть лекцій. Я ничего не говорилъ, напр., о томъ, какъ вы должны смотрѣть на мастеровъ въ различныхъ ремеслахъ, не обладающихъ тѣми талантами, которыми вы желали бы воспользоваться для болѣе возвышенныхъ цѣлей, но одаренныхъ, однако, смѣтливостью, юморомъ, фантазіей и пониманіемъ красокъ, т. е. все коммерчески цѣнными свойствами ума, болѣе или менѣе явно проявляющимися въ низшихъ искусствахъ—желѣзныхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ декоративной скульптурѣ и въ т. п. вещахъ. Но эти подробности, какъ онѣ ни интересны, я долженъ предоставить вашему собственному усмотрѣнію или отложить до дальнѣйшихъ изслѣдованій когда-нибудь въ будущемъ. Въ настоящихъ же лекціяхъ я желалъ бы только въ общихъ чертахъ разсмотрѣть занимающій насъ вопросъ, иллюстрируя его подробностями, могущими лучше уяснить его; а потому, я долженъ этимъ закончить первую главу и перейти ко второй т. е. къ разсмотрѣнію того, какъ лучше всего примѣнять открываемые нами таланты. Извѣстное количество способныхъ рукъ и головъ предоставлено въ наше распоряженіе; тѣмъ же мы, преимущественно, займемъ ихъ?

II. *Примѣненіе.*—Здѣсь политико-экономамъ пришлось бы имѣть въ виду слѣдующіе три главныхъ пункта:

Во-первыхъ, засадить этихъ людей за различнаго рода работу.

Во-вторыхъ, за легкую работу.

Въ-третьихъ, за продолжительную работу.

Первыхъ двухъ пунктовъ я коснусь только слегка, такъ какъ желаю остановить ваше вниманіе преимущественно на послѣднемъ.

Я выше сказалъ, что нужно примѣнять силы молодежи къ различнымъ работамъ. Предположимъ, что у васъ имѣется два человѣка, обладающихъ одинаковой способностью къ живописи ландшафтовъ. Вы не заставите ихъ снимать одинъ и тотъ же видъ, а предпочтете имѣть два различныхъ ландшафта, вмѣсто повторенія одного и того же.

По отношенію къ скульптурамъ то же самое правило вполнѣ примѣнимо, но довольно трудно убѣдить современныхъ архитекторовъ въ его справедливости. Двадцать человѣкъ гравируютъ двадцать капителей; и все однѣ и тѣ же. Еслибъ мы имѣли возможность заглянуть разомъ во всѣ кабинеты современныхъ архитекторовъ Англіи, мы увидали бы тысячу умныхъ людей, занятыхъ черченіемъ одного и того же рисунка. О томъ, какое унижающее и мертвящее вліяніе это имѣетъ на художественное чувство страны, мнѣ приходилось, болѣе или менѣе подробно, говорить уже не разъ, но я до сихъ поръ не отрицалъ конечнаго вліянія такой привычки на увеличеніе цѣны труда. Люди, постоянно занятые рѣзбой однихъ и тѣхъ же орнаментовъ, впадаютъ въ привычку выполнять эту однообразную работу чисто механически—точно такъ же, какъ еслибъ они дробили камни или раскрашивали стѣны домовъ. Конечно, постоянно выполняя одну и ту же работу, они дѣлаютъ ее легче, и если вы станете поощрять ихъ, увеличивая, по временамъ, плату, то можете получить много работы, выполненной въ короткое время. Но если нѣтъ такого стимула, то люди, принужденные заниматься такой монотонной работой, въ силу свойствъ человеческой природы, работаютъ вяло, отнюдь не производя наибольшаго количества труда въ извѣстный періодъ времени. Если же вы позволите имъ разнообразить рисунки, такъ, чтобъ они и сердцемъ и умомъ заинтересованы были въ работѣ, то они будутъ стараться какъ можно скорѣе выразить свою мысль и довести осуществленіе ея до конца; и энергія, возбуждаемая такимъ образомъ, значительно ускоряетъ, а тѣмъ самымъ и удешевляетъ работу. По дорогѣ сюда, проѣзжая мимо Оксфорда, я слышалъ отъ Томаса Дина, архитектора новаго музея въ Оксфордѣ, что онъ по опыту пришелъ къ заключенію, что, въ силу одного этого обстоятельства, капители различныхъ рисунковъ выполняются дешевле на трид-

цать процентовъ, чѣмъ однообразныя капиталы, требующія равнаго количества ручного труда.

Итакъ, вотъ первый способъ правильнаго примѣненія вашего знанія и ума; и простое соблюденіе этого яснаго правила политической экономіи произведетъ такой благородный переворотъ въ вашей архитектурѣ, о которомъ вы, въ данную минуту, не можете составить себѣ даже полнаго понятія. Второй способъ экономіи труда состоитъ въ томъ, чтобъ пользоваться самой легкой работой, а стало быть, требующей наименьшаго количества времени, если она, конечно, вполне соотвѣтствуетъ данной цѣли. Мраморъ, напр., такъ же долго просуществуетъ, какъ и гранитъ, но онъ гораздо мягче въ работѣ, поэтому, заручившись хорошимъ скульптуромъ, давайте ему мраморъ, а не гранитъ. Это, скажете вы, вполне очевидно. Да, но не такъ очевидно то, сколько вы заставляете ежегодно вашихъ рабочихъ тратить бесполезно времени на рѣзку по остывшему стеклу, тогда какъ вамъ слѣдовало бы формовать его, пока оно мягко. Не такъ очевидно, сколько труда бесполезно тратится на граненіе самыхъ твердыхъ камней, въ родѣ брилліантовъ и рубиновъ, придавая имъ ничего незначащія формы, тогда какъ тѣ же самые люди могли бы заняться граненіемъ песчаника и плитняка, придавая имъ полезныя и осмысленныя формы. Не такъ очевидно, сколько времени вы отнимаете у итальянскихъ художниковъ, заставляя ихъ дѣлать жалкія мозаичныя картинки изъ кусочковъ камней, склеиваемыхъ вмѣстѣ цѣною усиленнаго труда, тогда какъ десятой части употребляемаго ими времени было бы вполне достаточно, чтобъ создать хорошія и благородныя акварели. Я могъ бы привести безчисленное множество примѣровъ такихъ же коммерческихъ ошибокъ; но я этимъ только смутилъ бы и утомилъ бы васъ, поэтому я предоставляю настоящій пунктъ вашему личному тщательному разсмотрѣнію и перехожу къ послѣднему изъ вышеупомянутыхъ, которымъ и займу сегодня ваше вниманіе. Вы знаете, что мы, рассматривая въ настоящее время вопросъ о томъ, какъ лучше примѣнить наши таланты, съ точки зрѣнія экономіи, пришли къ заключенію, что

- 1) трудъ долженъ быть разнообразенъ,
- 2) легокъ
- 3) и долговѣченъ.

Долговѣчность труда есть послѣдній вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнiю.

Многіе изъ васъ, можетъ быть, припомнятъ, что Піетро ди Медичи заказалъ однажды Микель-Анджело сдѣлать статую изъ снѣга, которую онъ и исполнилъ *). Я очень радъ, и мы всѣ можемъ радоваться, что такая фантазія пришла въ голову недостойному флорентинцу, и вотъ почему: Піетро ди Медичи далъ этимъ въ великую эпоху расцвѣта искусствъ самый полный, точный и совершенный образецъ величайшаго заблужденія, въ какое могутъ впасть народы и властелины по отношенію къ талантамъ, ввѣреннымъ ихъ руководству. Вы имѣете тутъ величайшаго генія, полного самаго безукоризненнаго повиновенія. Онъ былъ способенъ къ желѣзному сопротивленію, но вполнѣ подчинился волѣ патрона и, въ то же время, представлялъ собою образецъ вполнѣ совершеннаго и крайне оригинальнаго генія, способнаго дѣлать все возможное, во всѣхъ сферахъ, доступныхъ людямъ. И вотъ его руководитель, правитель и патронъ заставляетъ его сдѣлать статую изъ снѣга—т. е. служить тому, что, по своему ничтожеству, превращается въ облако, исчезающее съ лица земли.

И всѣ мы, болѣе или менѣе, слѣдуемъ примѣру Піетро ди Медичи, поскольку заставляемъ зависящіе отъ насъ таланты пользоваться при работахъ такимъ матеріаломъ, который быстро портится. Побуждая живописцевъ употреблять быстро линяющія краски, архитекторовъ—строить изъ негоднаго матеріала или, вообще, гнаться за дешевой и непосредственными выгодами при выполненіи требуемыхъ нами работъ и ни мало не задаваясь мыслью о томъ, насколько это будетъ пригодно для послѣдующихъ поколѣній—мы, говорю я, принуждаемъ нашихъ Микель-Анджело лѣпить изъ снѣга. Первая обязанность политико-эконома по отношенію къ искусству состоитъ въ внимательномъ наблюденіи, чтобы ни одинъ талантъ не блисталъ, какъ иней, а былъ подобенъ прочному стеклу и расписнымъ окнамъ, помѣщеннымъ между каменными столбами и желѣзными полосами, пропускаая солнечный свѣтъ и отражая его изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Но, можетъ быть, иной политико-экономъ прерветъ меня и скажетъ: „если ваши произведенія искусства будутъ слишкомъ проч-

*) Смотри прекрасный рассказъ объ этомъ въ „Casa Guidi Windows“.

ны и долговѣчны, то скоро ихъ накопится черезчуръ много, и ваши художники останутся безъ работы. Лучше допустите извѣстную долю полезной непрочности и благотворной разрушимости; пусть каждый вѣкъ творить произведенія искусства для себя; въ противномъ случаѣ, мы скоро станемъ имѣть столько хорошихъ картинъ, что не будемъ знать, что съ ними дѣлать.“

Но, дорогіе слушатели, думающіе такъ, не забывайте, что политическая экономія, какъ и всякій предметъ, не можетъ правильно изслѣдовать, если мы захотимъ одновременно разрѣшать не одинъ, а цѣлыхъ два вопроса. Какъ получить требуемое количество данныхъ предметовъ—вотъ одинъ вопросъ, а насколько полезно обладать требуемымъ количествомъ даннаго предмета—составляетъ уже совсѣмъ другой вопросъ. Разсматривайте ихъ отдѣльно, и никогда не смѣшивайте вмѣстѣ. Какъ обрабатывать поля, чтобъ получать хорошій урожай—вотъ одинъ вопросъ; а желаете ли вы имѣть хорошій урожай или предпочитаете удерживать существующія цѣны — это другой вопросъ. Какъ прививать деревья, чтобъ получать наибольшее количество яблоковъ — одинъ вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ вопросомъ о томъ, не сгнѣтъ ли такая куча яблоковъ въ вашемъ подвалѣ?

Въ данное время, такъ какъ мы разсматриваемъ исключительно вопросъ о произростаніи и о прививкѣ, то, пожалуйста, не тревожьтесь заботами о томъ, что намъ дѣлать съ яблоками. Насколько желательно имѣть много или мало произведеній искусства, будетъ разсмотрѣно нами впослѣдствіи; теперь же строго ограничимся вопросомъ о томъ, какъ вдоволь получить произведеній хорошаго искусства, когда мы нуждаемся въ нихъ. Можетъ быть, такъ же хорошо, чтобъ человѣкъ съ умѣреннымъ доходомъ имѣлъ возможность обладать хорошей картиной, какъ и то, чтобъ каждое произведеніе, не лишенное дѣйствительныхъ достоинствъ, стоило пять или десять тысячъ; но, во всякомъ случаѣ, къ области политико-экономическихъ изслѣдованій принадлежитъ вопросъ о томъ, какъ, при желаніи, имѣть требуемое количество продуктовъ: зерна, вина, золота или картинъ.

Мы нѣсколько выше сказали, что первая задача состоитъ въ томъ, чтобъ производить прочную работу, которая могла бы долго просуществовать. Но чтобъ произведеніе долго просуществовало требуется не только хорошій матеріалъ, но и хорошее качество

самого произведенія. Нельзя назвать хорошимъ такое произведеніе искусства, которое быстро надоедаетъ и скоро откладывается нами въ сторону. Накопленіе такихъ произведеній не доставляетъ наслажденія. Такъ что первый вопросъ для хорошаго политико-эконома искусства, по отношенію къ каждому произведенію, заключается въ томъ: потеряетъ оно ли съ годами свою прелесть? Оно можетъ быть очень забавно въ настоящее время и имѣть видъ произведенія таланта и даже генія. Но какое значеніе будетъ оно имѣть черезъ сто лѣтъ? Вы не всегда можете съ увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ. Иногда произведенія, которыя вы считаете самыми лучшими, къ великому вашему удивленію оказываются недолговѣчными. Но безспорно одно: произведенія, создаваемыя поспѣшно, погибаютъ такъ же поспѣшно, и то, что обходится всего дешевле, въ итогѣ оказывается самымъ дорогимъ.

Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что тенденція настоящаго вѣка побуждаетъ таланты заниматься разнаго рода гибнущими произведеніями, какъ будто торжество искусства состоитъ въ томъ, чтобъ мысль мимолетно блеснула и исчезла, какъ ракета. Ежегодно масса труда и умственныхъ усилій тратится на дешевыя иллюстраціи. Вы торжествуете и думаете, что имѣть множество деревянныхъ клише за грошъ представляетъ великую побѣду. Но ваши деревянные клише, ваши гроши и все тому подобное гибнетъ такъ же бесполезно для васъ, какъ если бъ вы тратили ваши деньги на паутину; даже хуже того: паутина можетъ только щекотать вамъ лицо и застилать вамъ свѣтъ, но она не въ силахъ опутать вамъ ноги и заставить васъ упасть; дурное же искусство можетъ сдѣлать и это, такъ какъ вы не можете любить хорошіе эстампы или гравюры, пока любуетесь дурными. Если бъ намъ пришлось въ настоящее время просматривать гравюры Тициана или Дюрера, онѣ не понравились бы намъ или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ изъ насъ, которые привыкли къ дешевымъ современнымъ гравюрамъ. Но и послѣднія не долго нравятся и не могутъ долго нравиться намъ, и когда намъ надоедаетъ одна дурная дешевая гравюра, мы отбрасываемъ ее въ сторону и покупаемъ другую, такую же дурную, дешевую, и такъ продолжаемъ всю жизнь смотрѣть на дурныя вещи.

И однако люди, дѣлающіе ихъ для васъ, могли бы произвести что-нибудь совершенное. Но совершенныя произведенія не могутъ

дѣлаться спѣшно и быть дешевле извѣстной нормы. Предположите, что вы заплатите въ двѣнадцать разъ дороже, чѣмъ теперь, и получите одну гравюру, вмѣсто двѣнадцати; но она представляетъ образецъ совершенства, и вамъ никогда не надоѣстъ любоваться на нее; она отпечатана на прочной бумагѣ хорошими типографскими красками и не ломается и не рвется цѣлые годы, хотя вы не разъ берете ее въ руки; тогда какъ ваши грошевыя гравюры надоѣдаютъ вамъ къ концу недѣли и представляютъ, большей частью, какіе-то изорванные клочки; что же, въ концѣ концовъ, оказывается болѣе выгоднымъ? Не та ли гравюра, которая стоила въ двѣнадцать разъ дороже?

Но наибольшая экономія соблюдается даже не при покупкѣ наилучшихъ отпечатковъ или гравюръ. Въ оригинальномъ рисункѣ асть нѣкоторыя достоинства, которыми не могутъ быть переданы никакою гравюрой, и лучшія черты таланта человѣка сказываются только въ оригинальныхъ произведеніяхъ, сдѣланы ли они перомъ и чернилами или же кистью и красками. Если не всегда, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ лучшіе люди тѣ, которые могутъ проявлять свой талантъ только на бумагѣ или на холстѣ, и потому, въ концѣ концовъ, вамъ выгоднѣе всего пріобрѣсти оригинальный рисунокъ, слѣдуя вышеуказанному правилу, что наилучшее оказывается въ итогѣ и наиболѣе дешевымъ. Понятно, что оригинальные рисунки не могутъ быть произведены дешевле извѣстной суммы. Если вы хотите, чтобъ человѣкъ сдѣлалъ для васъ рисунокъ, на который онъ употребитъ шесть дней, то вы, во всякомъ случаѣ, должны доставлять ему въ теченіе этого времени необходимую пищу, питье, отопленіе, освѣщеніе и помѣщеніе. Это самая низкая плата, за которую онъ можетъ сдѣлать эту работу, и она, надѣюсь, не особенно высока; и наилучшая честная сдѣлка, возможная въ искусствѣ—настоящій идеалъ дешевой покупки—состоитъ въ томъ, чтобъ оригинальное произведеніе великаго человѣка пріобрѣталось при томъ условіи, чтобъ онъ, въ теченіе нужнаго ему времени, получалъ необходимыя хлѣбъ и воду или, вѣрнѣе, такое количество луковицъ, какое необходимо, чтобъ онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Вотъ тѣ условія, при которыхъ вы больше всего получите за ваши деньги; никакія механическія приспособленія для размноженія произведеній и никакія коммерческія измышленія не доставятъ вамъ художественныхъ произведеній на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Не доводя, однако же, вычисленія до крайностей тюремной дисциплины, мы можемъ установить за правило экономіи по отношенію къ искусству, что, въ общемъ, лучше и выгоднѣе всего имѣть не копіи, а оригиналы, и, въ соответствіи съ стоимостью ихъ производства, особенно важное значеніе имѣетъ прочность и долговѣчность ихъ матеріала. И здѣсь необходимо отмѣтить второе крупное заблужденіе нашего времени: мы отъ нашихъ труженниковъ требуемъ не только дурного искусства, но даже дурного матеріала. Такъ, напримѣръ, мы за послѣднія двадцать лѣтъ побудили массу талантливыхъ людей заниматься акварелью, но, при этомъ, мы самымъ безпечнымъ образомъ отнеслись къ тому, какъ долго бумага и краски могутъ не портиться. Случайно, можетъ быть, краски извѣстной акварели окажутся хорошаго качества и бумага не испорченной химической обработкой; но вы нисколько не стараетесь предварительно въ этомъ убѣдиться; такъ что мнѣ приходилось видѣть самыя гибельныя измѣненія въ аквареляхъ, которыми не было и двадцати лѣтъ; и изъ того, что мнѣ извѣстно о безпечности современнаго бумажнаго производства, я прихожу къ заключенію, что хотя вы до сихъ поръ можете наслаждаться гравюрами Альберта Дюрера, послѣ двухсотъ лѣтъ, по не пройдетъ и половины этого времени, какъ большинство современныхъ акварелей превратится въ выпѣвшіе и побурѣвшіе клочки бумаги; и ваши потомки, презрительно комкая ихъ между пальцами, будутъ, отчасти съ негодованіемъ, отчасти со злобой, шептать: „какъ жалки были эти люди девятнадцатаго столѣтія! они весь міръ наполнили паромъ и копотью, занимаясь тѣмъ, что они называли производствомъ, а не могли выдѣлать даже листа негнилой бумаги.“ А между тѣмъ, замѣтите, что въ настоящее время это имѣетъ далеко не ничтожное значеніе въ экономіи вашего искусства. Ваши акварелисты съ каждымъ днемъ становятся все болѣе способными выражать возвышенныя и совершенныя вещи, и ихъ матеріаль спеціально приспособленъ къ наклонностямъ вашихъ лучшихъ художниковъ. Стоимость подобнаго рода произведеній, которыя вы могли бы накопить, составила бы вскорѣ довольно значительную статью вашего національнаго художественнаго богатства, если бъ вы хоть немного позаботились объ ихъ долговѣчности. Я лично склоненъ думать, что для акварелей слѣдуетъ исключительно употреблять велень, и тогда, при надлежащихъ заботахъ,

рисунки были бы почти вѣчны. Бумага все же наиболѣе удобный матеріалъ для быстрыхъ работъ и въ высшей степени нелѣпо не заботиться объ ея доброкачественности, которой такъ легко достигнуть безъ особенныхъ хлопотъ. Въ числѣ многихъ полезныхъ вещей, которыхъ я потребовалъ бы отъ нашего правительства, когда оно будетъ имѣть значеніе отца народа, будетъ и то, чтобъ оно снабжало всѣхъ своихъ сыновъ хорошей бумагой. Для этого правительству стоитъ только устроить бумажную фабрику подъ руководствомъ одного изъ нашихъ выдающихся химиковъ, отвѣтственнаго за безвредность и совершенство всѣхъ процессовъ производства. Правительственный штампель на углу вашего листа рисовальной бумаги, выполненнаго самымъ совершеннымъ способомъ, будетъ стоить вамъ шиллинга, что нѣсколько увеличить доходъ производства; и когда вы купите акварель за пятьдесятъ или сто гиней, вамъ стоитъ только взглянуть на уголь листа и заплатить лишній полтинникъ за ручательство, что ваши сотни уплачены за дѣйствительную картину, а не за цвѣтную негодную бумагу. Здѣсь не должно быть ни монополіи, ни стѣсненій. Пусть бумажные фабриканты конкурируютъ съ правительствомъ, и если публика предпочитаетъ сберечь полтинникъ и рисковать, то никто и ничто ее не стѣсняетъ. Но только тогда и художники, и покупатели, при желаніи, будутъ имѣть увѣренность въ доброкачественности матеріала, которой они теперь лишены.

Я бы желалъ также, чтобы существовала правительственная фабрика красокъ, хотя это не такъ необходимо, такъ какъ художникъ легче можетъ убѣдиться въ достоинствѣ ихъ; и я не сомнѣваюсь, что любой художникъ можетъ добыть, если пожелаетъ, очень прочныя краски отъ почтенныхъ фабрикантовъ. Я не стану развивать этого плана по отношенію къ архитектурѣ и нашихъ современныхъ способовъ воздвигать различныя постройки; объ этомъ я уже имѣлъ случай говорить раньше.

Но не могу, однако, не отмѣтить, хотя бы вскользь, нашей привычки—все болѣе, повидимому, укореняющейся—затрачивать значительное количество и мысли, и труда на предметы, которые, какъ, на примѣръ, одежда, по самой природѣ своей неизбѣжно скоро изнашиваются, или на такія вещи, которыя, какъ, на примѣръ, посуда, хотя и не скоро уничтожаются, но часто мѣняются подъ вліяніемъ моды. Я съ ужасомъ смотрю на то, какъ богатая

молодая чета, обзаводясь хозяйствомъ въ Лондонѣ, считаетъ едва ли не первую свою обязанностью купить новый сервизъ. Серви-зы ихъ родителей могутъ быть очень красивы, но фасонъ устарѣлъ. Они жслають непременно имѣть новый сервизъ отъ модна-го фабриканта и отдають перелить и передѣлать заново свой ста-рый, за исключеніемъ нѣсколькихъ апостольскихъ ложекъ и чаши, изъ которой Карлъ II-ой пилъ за здоровье ихъ красивой праба-бушки. Но пока такой обычай существуетъ, пока мода имѣетъ вліяніе на производство сервизовъ — до тѣхъ поръ въ странѣ не можетъ существовать ювелирнаго искусства. Неужели вы думаете, что художникъ, заслуживающій этого названія, вло-жетъ свою душу и мысль въ чашу или урну, которая, какъ онъ знаетъ, дѣтъ черезъ десять отправится въ тигель. Конечно нѣтъ; и этого вы не можете ни требовать, ни ожидать отъ него. Вы просто предъявляете запросъ на извѣстное количество быстрой ручной работы: остроумный завитокъ ручки здѣсь, и изгибъ ноги тамъ, вьюнокъ новѣйшей школы рисованія, фазанъ, наподобіе того, какой изображенъ на Ландсарскихъ игральныхъ картахъ; пару сантиментальныхъ фигуръ въ видѣ подставокъ въ стилѣ знаковъ страховыхъ обществъ, въ заключеніе ловкая полировка, — и вотъ го-товъ вашъ сервизъ на удивленіе всѣхъ лакеевъ, прислуживающихъ при вашемъ свадебномъ завтракѣ, и къ огорченію злополучнаго юноши, который изъ-за грубыхъ вѣтвей не можетъ любоваться кра-сивой дѣвушкой, сидящей напротивъ него.

Но, надѣюсь, вы не считаете это за работу золотыхъ дѣлъ ма-стера? Работа золотыхъ дѣлъ мастеровъ производится ими, чтобъ увѣковѣчить себя; и они влагають въ нее свою душу и сердце; истинная работа золотыхъ дѣлъ мастера, если она существуетъ, является средствомъ воспитанія величайшихъ живописцевъ и скульп-торовъ. Франсіа былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ; это было, впро-чемъ, имя его учителя, и онъ почти всегда, изъ любви къ нему, подписывалъ свои картины: „Франсіа, золотыхъ дѣлъ мастеръ“. Джирландажіо былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и учителемъ Ми-кель-Анджело. Верроччіо былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и учителемъ Леонардо да Винчи. Джиберти былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и вычеканилъ бронзовыя ворота, о которыхъ Микель-Анджело сказалъ, что онѣ достойны быть вратами рая *). И если

*) Есть много причинъ, въ числу которыхъ работа золотыхъ дѣлъ масте-

вы когда-нибудь пожелаете имѣть такую работу, то должны хранить ее, хотя бы она и вышла изъ моды. Вы не должны продавать ее въ ломъ или отдавать переплавлять. Это совсѣмъ не экономно, а напротивъ—представляетъ самую оскорбительную форму бесполезной умственной траты. Природа, если желаетъ, можетъ плавить свое вычеканенное золото при каждомъ закатѣ солнца и снова выдѣлывать изъ него разные узоры при каждомъ восходѣ; но вы не должны. Чтобы сервизъ должнымъ образомъ служилъ вамъ, слѣдуетъ увеличивать, а не плавить его. При каждой свадьбѣ, при каждомъ рожденіи покупайте, если хотите, новую золотую или серебряную вещь, но всегда благородно сдѣланную и присоединяйте ее къ своимъ сокровищамъ; вотъ одно изъ достойнѣйшихъ употребленій и неизмѣнныхъ примѣненій этого искусства. Когда мы нѣсколько больше ознакомимся съ политической экономіей, то увидимъ, что только полуварварскіе народы нуждаются непремѣнно въ золотѣ, какъ ходячей монетѣ *), но что дѣйствительное его назначеніе, какъ и многихъ другихъ прекрасныхъ вещей, состоитъ въ томъ, чтобы въ неизмѣнномъ блескѣ представлять прекрасные образцы человѣческаго труда, и чтобы художники, одаренные самой стойкой фантазіей, обладали матеріаломъ, изъ котораго они могутъ выбивать и чеканить свои завѣтные грезы въ увѣренности, что онѣ останутся неизмѣнившимися навсегда, для какого бы употребленія они ни предназначали свои произведенія.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь одну изъ отраслей декоративнаго искусства, поощряя которую люди могутъ быть не вполнѣ эгоистичны; если они предъявляютъ спросъ на хорошія произведенія искусства, то, приобрѣтая золотые и серебряные сервизы, они содѣйствуютъ полезному воспитанію молодыхъ художниковъ. Но есть другая отрасль декоративнаго искусства, въ которой мы не

ровъ, такъ благодѣтельна для молодыхъ художниковъ: во-первыхъ, она придаетъ твердость рукъ, проработавшей нѣсколько времени надъ такимъ твердымъ веществомъ, во-вторыхъ, она приучаетъ къ осторожности: мальчикъ имѣющій дѣло съ мѣломъ, карандашомъ и бумагой подвергается немедленному искушенію чертить и марать, но онъ не рѣшится чертить по золоту или шутить съ нимъ; и, наконецъ, работа золотыхъ дѣлъ мастера требуетъ особенной деликатности и точности рѣзца при мелкой работѣ или при стараніи выполнить роскошный и законченный рисунокъ, соответствующій драгоцѣнности металла.

*) Смори въ примѣчаніи о природѣ собственности.

можемъ, по крайней мѣрѣ при существующихъ обстоятельствахъ, льстить себя надеждой, что оказываемъ кому-нибудь пользу; я разумѣю сильно распространенное искусство нарядовъ.

И здѣсь я на нѣсколько мгновеній долженъ прервать нить дальнѣйшаго изслѣдованія, чтобъ установить политико-экономическій принципъ, который, хотя въ настоящее время вполне, надѣюсь, выясненъ и признанъ главными представителями этой науки, но, къ сожалѣнiю, не воздѣйствовалъ на дѣятельность большинства людей, обладающихъ богатствами и распоряжающихся ими. При каждой тратѣ денегъ, мы неизбѣжно заставляемъ людей работать: таково истинное значенiе каждаго денежнаго расхода; мы можемъ, конечно, потерять деньги, не приобрѣти на нихъ ничего; но при каждомъ расходованiи, мы засаживаемъ за работу извѣстное количество людей, большее или меньшее, смотря по размѣру заработной платы и количеству расходуемыхъ денегъ. И вотъ, ограниченные люди, видя, что при каждомъ расходованiи денегъ они доставляютъ кому-нибудь заработокъ и тѣмъ приносятъ извѣстную долю пользы, думаютъ и увѣряютъ себя, что безразлично, какъ они тратятъ деньги, что вся ихъ, видимо, эгоистическая роскошь въ дѣйствительности вполне не эгоистична и оказываетъ столько же, если не больше, пользы, какъ и въ томъ случаѣ, если бы они роздали всѣ свои деньги. Я даже слышалъ, какъ глупые люди, не стѣсняясь, явно заявляютъ, что въ силу принципа политической экономiи человекъ, придумывающій новую потребность, *) тѣмъ самымъ оказываетъ пользу обществу. Я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, —которыя не оскорбили бы васъ своей рѣзкостью,—для выраженiя моего удивленiя всей нелѣпости и всему вреду этого общераспространеннаго заблужденiя. Поэтому, сдерживаясь и не употребляя рѣзкихъ выраженiй, я просто постараюсь выяснить его истинное значенiе и степень его вреднаго влiянiя.

Допуская, что при любомъ расходованiи денегъ мы доставляемъ людямъ работу, и не касаясь пока вопроса о томъ, насколько эта работа здорова и полезна для рабочихъ, мы предположимъ, что каждый израсходованный нами рубль доставляетъ извѣстному количеству рабочихъ здоровое существованiе на опредѣленное вре-

*) См. 5-ое примѣчанiе въ приложенiи.

мя. Но то, какъ мы потратимъ эти деньги, вполне будетъ руководить работой этихъ людей за это время. Мы становимся ихъ господами и госпожами и заставляемъ ихъ производить въ теченіе извѣстнаго времени опредѣленную вещь. Но эта вещь можетъ быть полезной и прочной, или бесполезной и быстро уничтожающейся; можетъ быть полезной всему обществу или исключительно только намъ. Эгоизмъ и безуміе, или доброта и благоразуміе проявляются нами не въ томъ, сколько мы тратимъ деньги, а въ томъ, сколько мы ихъ тратимъ на полезные или бесполезныя вещи; мы мудры и добры не тѣмъ, что доставляемъ заработокъ извѣстному количеству людей въ теченіе опредѣленнаго времени, а тѣмъ, что побуждаемъ ихъ производить предметы, полезные для всего общества, а не только для насъ.

Вы, напримѣръ, молодая дѣвица—и заставляете въ теченіе опредѣленнаго времени извѣстное количество швей шить нѣсколько простыхъ платьевъ, предположимъ семь, изъ которыхъ одно вы сами можете носить ползимы, а шесть отдадите бѣднымъ дѣвушкамъ, у которыхъ ихъ нѣтъ; въ этомъ случаѣ вы тратите ваши деньги неэгоистично. Но если вы употребляете то же количество швей въ теченіе столькихъ же дней на шитье четырехъ, пяти или шести прекрасныхъ оборокъ къ вашему бальному платью—оборокъ, которыя не нужны никому, кромѣ васъ и пригодятся только на одинъ балъ, — то вы тратите ваши деньги эгоистично. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы доставили заработокъ одинаковому количеству людей; но въ первомъ случаѣ вы направили ихъ трудъ на пользу обществу; а во второмъ вы всецѣло употребили его на себя. Я не говорю, что вы никогда не должны думать немного о себѣ и не быть, по возможности, наряднѣе; но только не смѣшивайте кокетство съ добротой и не обманывайте себя, думая, что вся роскошь, которой вы въ состояніи окружать себя, является тѣмъ хлѣбомъ, который вы доставляете голоднымъ, стоящимъ ниже васъ; это неправда; и эту неправду, волей-неволей, инстинктивно, иногда чувствуете вы сами, и отлично сознаютъ всѣ, кто, дрожа на улицѣ, поджидаютъ, когда вы выйдете изъ вашихъ экипажей; эти роскошныя одежды представляютъ собою хлѣбъ, не вложенный вами въ ихъ голодные рты, а отнятый у нихъ. Дѣйствительное политико-экономическое значеніе каждаго изъ этихъ роскошныхъ туалетовъ таково: извѣстное количе-

ство людей на опредѣленное количество дней отдано было въ полную вашу власть самыми суровыми рабовладѣльцами: голодомъ и холодомъ; и вы сказали этимъ людямъ: хорошо, я буду кормить, одѣвать и грѣть васъ въ теченіе столькихъ-то дней; но вы все это время будете работать только на меня; ваши братишки нуждаются въ одеждѣ, но вы не будете имъ шить; вамъ самимъ скоро понадобится болѣе теплая одежда; но вы не будете ее шить. Вы станете исключительно дѣлать оборки и розы для меня; цѣлыя двѣ недѣли вы будете трудиться надъ складочками и лепестками, и я все это изомну и уничтожу въ одинъ часъ“. Вы, можетъ быть, отвѣтите: „положимъ, что въ этомъ нѣтъ особеннаго благодѣянія, но мы и не говоримъ объ этомъ; однако, во всякомъ случаѣ, мы не приносимъ никакого вреда, требуя отъ нихъ работы за извѣстное вознагражденіе; мы платимъ имъ за работу и имѣемъ на неслѣдующее право“. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Работа, за которую вы заплатили, становится, дѣйствительно, въ силу купли, вашей; вы купили время и руки этихъ работницъ; они по праву и справедливости стали на это время вашими руками, вашимъ собственнымъ временемъ. Но имѣете ли вы право тратить ваше время и работать вашими руками только для собственной пользы? а тѣмъ болѣе, когда вы куплей увеличили вашу силу мощью другихъ и прибавили къ своей жизни часть жизни другихъ? Вы можете, дѣйствительно, пользоваться ихъ трудомъ для собственнаго удовольствія, какъ какъ я, замѣтите, не возстаю, вообще, противъ блеска одежды или роскоши жизненной обстановки, а, наоборотъ, нахожу, что мы имѣемъ много основаній предполагать, что въ настоящее время не придается достаточнаго значенія красотѣ одежды, какъ одному изъ средствъ, вліяющихъ на общее развитіе вкуса и характера. Но я утверждаю, что вы должны опредѣлять значеніе тѣхъ вещей, которыхъ вы требуете отъ работницъ, соответствующимъ имѣриомъ; доступностью и полезностью этихъ продуктовъ для нихъ опредѣляется ваша доброта, а не тѣмъ, что вы дадите имъ заработокъ; далѣе, я утверждаю, что до тѣхъ поръ, пока среди окружающихъ васъ людей встрѣчаются голодные и холодные, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что блескъ и роскошь одежды есть преступленіе. Со временемъ, когда не будетъ лучшаго занятія для людей, можетъ быть, вполне правильно окажется заставлять ихъ выдѣлывать кружева и шлифовать брилліанты; но до тѣхъ поръ,

пока встрѣчаются люди неимѣющіе одѣяль для прикрытія кроватей и рубашекъ для прикрытія своего тѣла, слѣдуетъ засаживать людей за изготовленіе одѣяль и рубашекъ, а не за кружева.

Представьте себѣ слѣдующую удивительную картину: въ обширномъ собраніи, въ то время какъ молодежь ослѣплена, люди невдумчивые обольщены и благородныя сердца, бьющіеся подъ этими вышивками кроткимъ чувствомъ пышнаго благоволенія, убаяваны увѣренностью, что всѣмъ, что украшаетъ ихъ своеправную красоту, они доставили предварительно утѣшеніе обездоленнымъ и помощь недужнымъ, — вдругъ въ это время, говорю я, духъ Истины и духъ Ужаса, невидимо блуждающіе по землѣ, разсѣяли бы туманъ, заволакивающій наши мысли, и показали бы намъ, какъ — поскольку, конечно, суммы, расходуемыя на эту роскошь, не возвратили дыханія жизни многимъ лишеннымъ крова въ деревняхъ и городахъ — люди, предающіеся этой роскоши, буквально входятъ въ союзъ съ смертію и украшаются ея трофеями. Да, если бъ завѣса была отдернута не только съ вашихъ мыслей, но и съ вашего человѣческаго зрѣнія, то вы увидали бы — ангелы видятъ это — на вашихъ бѣлыхъ веселыхъ платьяхъ темныя пятна и рисунки, невѣдомые вамъ, неуничтожаемые и кровавые, которыхъ не въ силахъ смыть всѣ моря и океаны земли, а среди дивныхъ цвѣтовъ, вѣнчающихъ ваши красивыя головы и блистающихъ въ вашихъ завитыхъ волосахъ, вы разглядѣли бы вплетенную въ нихъ, извѣстную травку... растущую на могилахъ.

Однако, не на эту наиболѣе ясную и потрясающую сторону занимающаго насъ вопроса хотѣлъ я сегодня обратить ваше вниманіе; но невозможно коснуться какой-либо части этого вопроса безъ того, чтобъ не затронуть самаго корня его. Да, вопросъ, подлежащій нашему специальному разсмотрѣнію, состоитъ не въ томъ, противны ли дорогія одежды милосердію, а противны ли онѣ мірской мудрости; т. е. даже въ томъ случаѣ, если бы блескъ одежды не пріобрѣтался цѣною страданій и лишеній, мы, все-таки, должны были бы задать себѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли этотъ блескъ и эту пышность примѣнять къ другимъ вещамъ предпочтительно передъ одеждой? И даже въ томъ случаѣ, если бъ наша мода на одежды была дѣйствительно изящна и прекрасна, все же вышеупомянутый вопросъ подлежалъ бы сомнѣнію. Я, дѣйствительно, думаю, что истинное благородство одежды является важнымъ средствомъ воспи-

танія, такъ какъ оно необходимо для каждой націи, желающей обла-
дать живымъ искусствомъ портретной живописи. Никогда хо-
рошая историческая живопись не существовала и не можетъ су-
ществовать у народа, одежда котораго въ данную минуту не пре-
красна; и ни французское, ни флорентинское или венеціанское ис-
кусство не могли бы никогда достигнуть степени ихъ высоты, не
существуй пріятной и фантастической одежды съ 13-го по 16-ое
столѣтіе. А между тѣмъ и тогда одежда не отличалась вообще
особенной дороговизной, и ея эффектъ зависѣлъ гораздо больше отъ
ея прекраснаго и, въ раннія времена, скромнаго покроя, отъ ея
простоты и пріятной массы разнообразныхъ цвѣтовъ, чѣмъ отъ
пышности застежекъ и вышивокъ. Вопросъ о возможности возврата къ
одному изъ этихъ болѣе совершенныхъ типовъ, если и подлежитъ со-
мнѣнію, то безспорно, что исполнѣ бесполезно тратятся всѣ деньги,
расходуемыя нами на современные фасоны платьевъ, не удовле-
творяющіе никакой хорошей цѣли. Замѣьте, что, высказывая
это, я въ числѣ хорошихъ цѣлей разумѣю и ту, которую, иногда,
молодые дѣвушки имѣютъ въ виду — цѣль замужества; но онѣ
также скоро нашли бы себѣ мужей (и, вѣроятно, лучшихъ и болѣе
разумныхъ), если бѣ вмѣсто блестящихъ платьевъ носили болѣе
простыя; и я думаю, что стоитъ только ясно и очевидно указать
имъ на то дѣйствительное добро, которое онѣ могли бы сдѣлать
на деньги, расходуемыя ими на туалеты, чтобъ онѣ стали довѣ-
рять только своимъ яснымъ очамъ и кудрявымъ волосамъ при всѣхъ
грозившихъ имъ злополучіяхъ. Я желалъ бы имѣть цифры стоимо-
сти сезона модъ. Въ парламентѣ за послѣднюю недѣлю было мно-
го сѣтованій и разговоровъ по поводу громадной суммы въ сто со-
рокъ тысячъ рублей, которую нація уплатила за лучшую картину
Поля Веронезе въ Венеціи. А меня поражаетъ та цифра, которую
нація, тѣмъ временемъ, израсходовала на бальные платья! Пред-
положите, что вы могли бы видѣть счета лондонскихъ модистокъ
только за бесполезныя полотнища чахловъ и оборокъ съ апрѣля
по іюль; я думаю, что ста сорока тысячъ не хватило бы для уплаты
по нимъ. Но эти полотнища чахловъ и оборокъ большей частью
исчезли и пропали, какъ прошлогодній снѣгъ; съ той толькоразницей,
что они принесли меньше пользы, чѣмъ онѣ; картина же Поля
Веронезе просуществуетъ вѣка, если мы о ней позаботимся; а между
тѣмъ, мы ворчимъ по поводу денегъ, уплаченныхъ за картину, и

никто не возмущается тѣмъ, во что обходится намъ праздное тщеславіе.

Время не позволяетъ мнѣ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе тѣхъ разнообразныхъ способовъ, какими мы воздвигаемъ наши статуи изъ снѣга и тратимъ нашъ трудъ на быстро гибнущія вещи. Предоставляя вамъ самимъ обдумать этотъ вопросъ, я въ слѣдующей лекціи перейду къ разсмотрѣнію двухъ другихъ отдѣловъ занимающаго насъ предмета, а именно, вопросовъ о томъ, какъ накапливать искусство и какъ распредѣлять его. Но, въ заключеніе, такъ какъ мы много уже останавливались на вопросѣ о хорошемъ управленіи собой и другими, то позвольте мнѣ еще иллюстрировать его важность примѣромъ, взятымъ изъ того древняго искусства, нравственное и матеріальное значеніе котораго, какъ я постараюсь показать вамъ въ слѣдующемъ чтеніи, гораздо выше, чѣмъ это принято считать.

Символическія фигуры одной изъ фресокъ Амброзіо Лоренцетти на Сіенской городской ратушѣ изображаютъ принципы хорошаго гражданскаго управленія и хорошаго управленія вообще. Фигура, олицетворяющая это благородное гражданское управленіе, возсѣдаетъ на тронѣ и окружена символами различныхъ добродѣтелей, поддерживающихъ и содѣйствующихъ ея авторитету. Теперь, замѣтите, какая задача возложена на каждую изъ этихъ добродѣтелей. Три крыленныхъ добродѣтели, — Вѣра, Надежда и Любовь, — окружаютъ главу фигуры, не въ силу общепринятыхъ геральдическихъ законовъ первенства между добродѣтелями, по обыкновенію соблюдаемыхъ современными художниками, а съ предвзятой мыслью со стороны скульптора: Вѣра, изображенная имъ, руководящая мыслями хорошаго правителя, означаетъ не только религіозную вѣру, которая въ то время считалась необходимой для всѣхъ людей, — для правителей не менѣе, чѣмъ для управляемыхъ, — но вѣру, придающую силу непреклонно выполнять свою задачу, вопреки всѣмъ превратностямъ и препятствіямъ; вѣру въ великіе принципы, благодаря чему гражданскій правитель не смущается временными неудачами и набѣгающими тѣнями, способными уstrasшить заурядныхъ людей, нѣтъ, онъ знаетъ, что все справедливое имѣетъ благой исходъ, и твердо слѣдуетъ своему пути, не взирая на всевозможныя дерганія за фалды и нашептыванія въ уши, такъ какъ онъ, повторяю, полонъ вѣры — т. е. увѣренности въ невидимое,

какъ бы видимое. И Надежда тоже здѣсь не является надеждой на небесную награду, долженствующую воодушевлять сердца всѣхъ людей, а служить указаніемъ на то, что каждое доброе правительство, хотя бы и консервативное, полно, однако, надежды; что, лишаясь надежды на лучшій порядокъ вещей, оно перестаетъ быть мудрымъ охранителемъ существующаго строя; и что, пока существуетъ міръ, оно не должно никогда быть вполне довольнымъ какимъ бы то ни было существующимъ порядкомъ вещей и учреждений, а всегда питать надежду на достиженіе большей мудрости и мощи, порываясь къ этимъ переменамъ не беспорядочно, а съ сознаниемъ, что дѣйствительная жизнь состоитъ въ упорномъ восхожденіи отъ возвышеннаго къ еще болѣе возвышенному. Правительство дѣйствительно должно быть консервативно, т. е. ревностно охранять старые порядки, но какъ лѣса, а не какъ самое зданіе, какъ помощниковъ, а не какъ идоловъ и, главнымъ образомъ, должно быть полно надежды и жизнѣдѣтельности въ минуты народныхъ бѣдствій и испытаній, согласно первымъ и многозначительнымъ словамъ, характеризующимъ царственную націю: „она встаетъ еще ночью.“ Точно также и окрыленная Любовь, содѣйствующая добродѣтели правленію, имѣетъ на этой фрескѣ особенное назначеніе. Можете ли вы угадать, какое именно? Зная характеръ тѣхъ распрей, которыя такъ часто возникаютъ между королями изъ-за коронъ, и себялюбивыя и безпощадно грубыя средства, къ которымъ они прибѣгаютъ обыкновенно для усиленія или охраненія своей власти, вы, можетъ быть, удивитесь, услыхавъ, что задача любви—вѣнчать королей. А между тѣмъ, если вы немного вдумаетесь, то увидите, какъ прекрасна мысль, придающая ей такую роль: во-первыхъ, хорошій правитель долженъ домогаться власти только для блага народа, такъ что одна любовь побуждаетъ его принять или удерживать вѣнецъ; во-вторыхъ, его главное величіе заключается въ практическомъ примѣненіи этой любви, и истинно чтить его должно лишь поскольку его мысли и дѣла дышать добротой; такъ что Любовь есть свѣтъ какъ его вѣнца, такъ и Того, Кто ему даруетъ его, и, наконецъ, потому что вся сила правителя заключается въ любви къ нему народа, которая только и можетъ охранять и увѣковѣчивать его. Такъ что любовь есть сила и свѣтъ его короны.

Затѣмъ, окружая короля и состоя въ различной степени подчиненности, находятся такія зависимыя добродѣтели, какъ Мужество,

Умѣренность, Правдивость и другія; но я не могу обо всѣхъ подробно говорить, а попрошу васъ только замѣтить ту, которой ввѣрено руководство и управленіе общественными доходами. Можете ли вы угадать, что эта за добродѣтель? Милосердіе?—скажете вы; но нѣтъ, оно слишкомъ пылко, чтобъ тщательно заниматься ими. Благоразуміе, вѣроятно, — подумаете вы вслѣдъ за тѣмъ. Но оно слишкомъ скромно и часто, обдумывая, теряетъ удобный случай. Можетъ быть щедрость? Нѣтъ, ей ввѣряются только незначительныя суммы, но она плохой счетоводъ и не играетъ выдающейся роли въ казначействѣ. На разбираемой же фрескѣ вѣдѣніе казенныхъ суммъ возложено на добродѣтель, о которой мы въ новѣйшее время слышимъ очень мало, какъ о самостоятельной. Этой добродѣтелию является великодушіе; не мягкосердечіе и не слабодушіе, а величіе души, великая добродѣтель, взвѣшивающая на небесныхъ вѣсахъ все, что дается и пріобрѣтается; разумѣющая, какъ наиболѣе благороднымъ путемъ совершаются благороднѣйшія дѣла; понимающая, которое изъ двухъ благъ наибольшее, и избирающая его; понимающая, которая изъ двухъ личныхъ жертвъ наиболѣе самоотверженная, и принимающая ее; слѣдующая всегда потому изъ путей благотворительности, который шире ведетъ къ снѣгующимъ полямъ будущности; словомъ, добродѣтель, отличающаяся тѣми свойствами, которыя, выражаясь словами, взятыми нами для характеристики царицы между народами, менѣе заботится о современной власти, чѣмъ о будущемъ общаніи: „крѣпость и красота—одежды ея, и весело смотреть она на будущее“.

ЛЕКЦІЯ II.

Намъ предстоитъ въ этотъ вечеръ рассмотреть, какъ вы помните, вопросъ о накопленіи и о распредѣленіи предметовъ искусства. Полное наше изслѣдованіе распалось на четыре отдѣла: первый—какъ открывать таланты; второй—какъ примѣнять ихъ; третій—какъ накапливать ихъ труды и, наконецъ—какъ распредѣлять послѣдніе. Въ прошлый разъ мы рассмотрѣли, какъ пріобрѣтать и примѣнять таланты; теперь же намъ предстоитъ изслѣдовать способы сохраненія и распредѣленія ихъ произведеній.

Но, прежде всего, не мѣшаетъ, вѣроятно, сказать нѣсколько

словъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя мы прошли молчаніемъ, а именно, что не благоразумно имѣть слишкомъ много хорошихъ произведеній искусствъ и что они не должны быть чересчуръ дешевы.

„Къ чему эти опроверженія?“ могутъ воскликнуть наиболѣе добродушные изъ числа васъ, „мы отнюдь не желаемъ утруждать васъ опроверженіями. Очевидно, что они внушены эгоизмомъ и не отличаются возвышенностью чувствъ: хорошее искусство, какъ и всѣ хорошія вещи, должно быть, по возможности, дешево и общедоступно.“

Извините, я не могу съ этимъ согласиться и скорѣй солидаренъ съ господами эгоистами, дѣлающими эти возраженія; я думаю, что искусство не должно въ своей дешевизнѣ переходить за извѣстный предѣлъ, такъ какъ степень наслажденія, получаемого вами отъ любого великаго произведенія искусства вполнѣ зависитъ отъ степени вниманія и духовной энергіи, съ какими вы въ состояніи отнестись къ нему. Вниманіе же и энергія гораздо болѣе зависятъ отъ свѣжести впечатлѣнія, чѣмъ вы предполагаете, если тщательно не изучали движеній вашей души. Если вы очень часто видите однородные предметы равнаго достоинства, то ваше уваженіе къ нимъ неизбѣжно уменьшается, вниманіе ваше постепенно утомляется, и вашъ интересъ и восторгъ слабѣютъ такъ, что вы не можете ни къ одному изъ нихъ отнестись съ энергіей, необходимой для должнаго наслажденія имъ. Если бы вопросъ состоялъ только въ томъ, слѣдуетъ ли наслаждаться множествомъ картинъ, каждой по немногу или одной очень много, при чемъ сумма наслажденій въ обоихъ случаяхъ была бы одна и та же, то разумнѣе предпочесть большее количество меньшему, потому что одно произведеніе искусства всегда въ извѣстной степени иллюстрируетъ другое, и многочисленность уменьшаетъ шансы на то, что всѣ эти произведенія уничтожатся. Но вопросъ здѣсь не ариметическій. Ваши частицы прерваннаго вниманія, сложенные вмѣстѣ, не составятъ одного полного вниманія; два да два не составятъ въ данномъ случаѣ четырехъ или чего-либо похожаго на четыре. Хорошія стороны вашей картины, книги или любого произведенія искусства всегда въ извѣстной степени скрыты и доступны лишь послѣ нѣкотораго труда. Вы можете сравнить это съ кокосовымъ орѣхомъ, имѣющимъ не взрщную скорлупу, но здоровое, хорошее молоко

и вкусное ядро внутри. Теперь, если вы обладаете двадцатью кокосовыми орѣхами и, чувствуя жажду, станете ихъ перебирать одинъ за другимъ, слегка нанося по царапинѣ каждому изъ нихъ концомъ вашего ножа, то не получите ни капли молока отъ всѣхъ двадцати. Но если оставите девятнадцать изъ нихъ и нанесете двадцать царапинъ скорлупѣ одного орѣха, то прорѣжете ее и добьетесь молока. Человѣку, обыкновенно, свойственно утомляться прежде, чѣмъ онъ сдѣлаетъ свои двадцать порѣзовъ и начнетъ пробовать другой орѣхъ; къ тому же, если у него даже хватить упорства разгрызть орѣхъ, то онъ, навѣрное, попытается разомъ проглотить слишкомъ много и, такимъ образомъ, подавится. Поэтому вполне мудро, что изъ числа желаемыхъ нами вещей, мы только немногія можемъ получить безъ значительнаго труда и не черезъ значительные промежутки времени. Обыкновенно, мы не можемъ имѣть обѣда, не добившись его трудомъ и потому съѣдаемъ его съ аппетитомъ; не можемъ безъ ожиданій имѣть праздничныхъ дней и потому радостно встрѣчаемъ ихъ; и точно такъ же мы не должны получать картинъ безъ платы, которая придаетъ намъ больше желанія любоваться ими и относиться къ нимъ внимательнѣе. Я даже пойду дальше и скажу, что мы не должны имѣть слишкомъ дешевыхъ книгъ. Книга и наполовину не такъ дорога читателю, если онъ съ годъ жадно не желалъ ея и не купилъ на гроши, сбереженные цѣною однодневнаго или двухдневнаго голоданія. Только этимъ путемъ вы достигнете всю прелесть сливокъ книги. Я готовъ идти нѣсколько дальше въ этомъ направленіи и самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ язвы современной дешевой литературы, но боюсь, что вы призовете меня къ порядку и обвините въ непрактичности, такъ какъ и въ настоящее время не вижу возможности заставить всѣхъ людей добывать себѣ книги цѣною извѣстныхъ лишеній. Но очевидно, что можно считать вещь желательной и возможной, хотя и не находить лучшаго способа для достиженія ея,—и на моемъ островѣ Баратарія, когда я приведу его должнымъ образомъ въ порядокъ, ни одна книга, увѣряю васъ, не будетъ продаваться дешевле десяти рублей; если можно се издать дешевле, то излишекъ пойдетъ въ казну и избавить моихъ подданныхъ отъ другихъ налоговъ; только дѣйствительно бѣдные люди, не имѣющіе возможности заплатить десяти рублей, будутъ даромъ получать нужныя имъ книги въ ог-

раниченномъ количествѣ. Я еще не вполнѣ установилъ число такихъ книгъ, какъ и многихъ частныхъ этой системы, но когда у меня все будетъ опредѣлено, я явлюсь и, съ вашего позволенія, прочту вамъ другую лекцію о политической экономіи литературы*).

Тѣмъ временемъ, возвращаясь къ непосредственному предмету нашей бесѣды, я говорю моимъ добродушнымъ слушателямъ, желающимъ, чтобъ картины Тиціановъ и Тернеровъ сыпались на насъ, какъ падающіе листья: „нѣтъ, картины не должны быть слишкомъ дешевы“; но еще болѣе суровымъ тономъ я сказалъ бы людямъ, увеличивающимъ цѣны на картины, что послѣднія не должны быть слишкомъ дороги, т. е. не такъ дороги, какъ теперь. При современныхъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности человѣку средняго достатка обладать произведеніемъ великаго искусства. Современный рисунокъ средняго качества или первоклассная гравюра еще могутъ быть при должныхъ сбереженіяхъ человѣкомъ съ ограниченными средствами; но удовлетворительный экземпляръ первокласснаго искусства — мастерское произведеніе — вполнѣ недоступно ему. И мы такъ привыкли считать такой порядокъ вещей вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ, что никогда не стараемся чѣмъ-либо уменьшить это зло, а между тѣмъ, оно исправимо. То же зло существовало и въ средніе вѣка по отношенію къ книгамъ, и всѣ люди тогда считали его столь же естественнымъ, какъ и мы теперь недоступность хорошихъ картинъ. Произведенія великаго историка можно было тогда изучить, какъ теперь картину великаго художника, только цѣною не малыхъ усилій и затратъ. Если вы желали имѣть книгу, то вамъ приходилось или заказывать списать ее для васъ или самому списать ее. Но явилось печатаніе, и бѣднякъ получилъ возможность читать Данте и Гомера, отъ чего послѣдніе, конечно, ничего не потеряли. Однако, до сихъ поръ только въ области литературы частные люди съ умѣренными средствами могутъ обладать великими произведеніями и изучать ихъ у себя дома, но они не въ состояніи дѣлать этого по отношенію къ великимъ произведеніямъ искусства; поэтому, задача накопленія, которую намъ предстоитъ рассмотретьъ, составляетъ третій вопросъ политической экономіи искусства. Какъ, до извѣстной степени, сдѣлать великое искусство доступнымъ толпѣ, увеличивъ число суще-

*) Смотри примѣчаніе 6-ое въ прибавленіи.

ствующихъ въ настоящее время художественныхъ галлерей, расширивъ послѣднія, смотря по богатству и желанію частныхъ владѣльцевъ, дать имъ возможность имѣть у себя дома произведенія великихъ искусствъ, такъ, чтобъ ихъ вліяніе до нѣкоторой степени соотвѣтствовало той роли, какую играетъ литература? Вотъ тотъ сложный вопросъ, который вашему политико-эконому приходится разрѣшить: накоплять столько произведеній искусствъ, чтобъ удовлетворять спросъ всей націи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ регулировать ихъ распредѣленіе, чтобъ не было ни пресыщенія, ни презрѣнія.

Уравновѣсить это было бы крайне трудно для насъ, еслибъ мы были предоставлены нашей личной иниціативѣ, но истинная середина между бѣдностью и избыткомъ указана намъ мудрыми законами Провидѣнія. Если вы тщательно станете заботиться о всѣхъ талантахъ, которые можете найти, станете полезно примѣнять ихъ дарованія и почтительно оберегать ихъ произведенія, то у васъ никогда не будетъ недостатка въ произведеніяхъ искусства, и, съ другой стороны, если вы не станете заставлять художника поспѣшно работать, изъ-за куска насущнаго хлѣба, и перестанете предпочитать блестящія вещицы совершеннымъ, то у васъ никогда не будетъ избытка. Не форсируйте размноженіе произведеній искусствъ, и у васъ не будетъ слишкомъ дешевыхъ; не уничтожайте ихъ бессмысленно, и они не будутъ слишкомъ дороги.

„Но кто же бессмысленно уничтожаетъ ихъ?“ спросите вы. Да, всѣ мы. Можетъ быть вы думали, что я, дойдя до этого пункта нашего вопроса, соотвѣтствующаго тому отдѣлу домашней экономіи, который обсуждаетъ вопросъ, о предохраненіи вышивокъ отъ моли,“ стану говорить вамъ о томъ, какъ чистить, лакировать картины и бережно хранить ихъ на время вашего отъѣзда изъ города? О, совсѣмъ нѣтъ. Самое большее, что я отъ васъ желаю, это, — чтобъ вы не рвали ихъ на части и не топтали ихъ ногами. „Но когда же мы это дѣлаемъ?“ — скажете вы. „Развѣ мы не построили во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную галлерею для всѣхъ имѣющихся у насъ картинъ?“ Да, вы построили исключительно для картинъ, присланныхъ на храненіе въ Манчестеръ. Но существуетъ множество картинъ внѣ Манчестера, заботиться о которыхъ мы съ вами тоже должны, и которыя мы въ настоящее время чрезъ своихъ представителей разрываемъ въ клочки. Я вамъ сейчасъ скажу, что это за картины и гдѣ онѣ находятся, но предвари-

тельно позвольте мнѣ установить еще одинъ изъ тѣхъ основныхъ принциповъ политической экономіи, на которыхъ все зиждется.

Я долженъ начать нѣсколько издавка и попросить васъ подумать, тратимъ ли мы на что-нибудь въ Англіи больше денегъ, чѣмъ на роскошныя могилы. Наше почитаніе мертвыхъ, когда они дѣйствительно мертвы, представляетъ нѣчто удивительное, а нашъ способъ проявлять это почитаніе еще болѣе поразителенъ. Мы выражаемъ это траурными перьями и лошадьми, траурными одеждами и яркими геральдиками; выражаемъ это дорогими обелисками и скульптурными изображеніями нашего горя, портящими половину нашихъ самыхъ прекрасныхъ соборовъ. Мы выражаемъ это ужасными рѣшетками и склепами, мрачными плитами среди веселой травы и, наконецъ, — что играетъ далеко не послѣднюю роль, — выражаемъ наше уваженіе къ мертвымъ, позволяя себѣ высказывать въ эпитафіяхъ столько всевозможной лжи, сколько считаемъ это любезнымъ и невозмутяющимъ своей неправдоподобностью. Такое выраженіе чувствъ къ умершимъ свойственно всѣмъ какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ; и мы всѣ знаемъ, сколько бѣдныхъ семей готовы почти разориться, чтобъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ нѣкоторымъ родственникамъ, покоящимся на кладбищѣ и о которыхъ они ни мало не заботились при ихъ жизни. Да, какъ часто бѣдныя старушки изнуряютъ себя до смерти голодомъ, ради того, чтобы ихъ зарыли съ почестомъ.

Таковъ одинъ изъ самыхъ совершенныхъ и спеціальныхъ способовъ бесполезной траты денегъ и едва ли найдутся другія, менѣе производительные и менѣе приносящія какую бы то ни было пользу, чѣмъ эти деньги, которыя мы расходуетъ на гробовщиковъ. Конечно, всѣ честные политико-экономы и добрые люди обязаны постоянно доказывать и громко провозглашать бѣднымъ и богатымъ, что уваженіе къ умершимъ дѣйствительно выражается не въ тѣхъ тяжелыхъ плитахъ, которыми мы придавливаемъ ихъ могилы съ цѣлью указывать тѣ мѣста, гдѣ они лежатъ, а чтобъ помнить мѣста ихъ успокоенія безъ всякаго напоминающаго памятника, вѣряя останки ихъ священной травѣ и грустнымъ цвѣтамъ; и еще больше, — что любовь и уваженіе къ умершимъ выражается не высокими памятниками, воздвигаемыми нашими руками, но сбереженіемъ тѣхъ памятниковъ, которые воздвигали они своими. Тутъ мы подошли къ занимающему насъ вопросу.

Замѣьте, что въ дѣлѣ труда существуютъ двѣ великія взаимныя обязанности у живыхъ къ мертвымъ и обратно. Мы, живя и трудясь, должны постоянно думать о будущихъ поколѣніяхъ; все, что мы дѣлаемъ, должно, насколько возможно, быть пригодно для нихъ, какъ и для насъ. И послѣ нашей смерти, люди, являющіеся намъ на смѣну, должны унаслѣдовать плоды нашихъ трудовъ съ благодарностью и съ должнымъ уваженіемъ къ памяти объ насъ, не отбрасывая въ сторону и не швыряя ихъ себѣ подъ ноги, какъ только они имъ покажутся бесполезными. Каждое поколѣніе можетъ вполне быть счастливо и могущественно, лишь выполняя свои обязанности по отношенію какъ къ прошлому, такъ и къ будущему. Его собственное дѣло никогда не будетъ правильно выполнено даже само по себѣ, никогда не будетъ хорошимъ и благороднымъ дѣломъ, даже въ его собственныхъ глазахъ, никогда не доставитъ ему удовольствія, если не совершается имѣя въ виду грядущихъ поколѣній. Могущество и мудрость любого поколѣнія будутъ всегда ничтожны и неудовлетворительны, если оно съ благодарностью и любовью не причастно сокровищамъ и мудрости, завѣщаннымъ ему предками.

Будьте увѣрены, что всѣ лучшія вещи и сокровища этого міра не производятся поколѣніемъ для себя. Намъ всѣмъ предопредѣлено творить не изъ тающаго снѣга, хотя всѣ мы и каждый изъ насъ должны постоянно катить все болѣе и болѣе громадный бѣлый комъ снѣга все выше и выше, вдоль по Альпамъ человѣческаго могущества. Итакъ, значеніе націи накапливается преемственно отъ отца къ сыну; каждый научается все большему и большему; каждый, получая въ наслѣдство все добытое другими, присоединяетъ пріобрѣтенное имъ. Исторія и поэзія народовъ должны быть накаплиемы; каждое поколѣніе, храня, какъ сокровище, исторію и пѣсни предковъ, присоединяетъ къ нимъ свою исторію и свои пѣсни; и искусство народовъ должно быть тоже накапливаемо, какъ наука и исторія; труды живущихъ должны не замѣнять, а дополнять труды прошлыхъ поколѣній, зиждясь на нихъ. Почти каждая великая и разумная нація въ мірѣ въ любой періодъ жизни провела въ искусствѣ нѣкоторыя особенныя и цѣнныя черты, недоступныя другимъ націямъ, въ какое бы то ни было другое время; и Провидѣніе, по отношенію къ искусству, очевидно, предопредѣлило, чтобъ оно стройно росло, образуя одинъ величественный храмъ,

въ которомъ какъ грубые такъ и полированные камни, находятъ подобающее мѣсто, и который съ каждымъ днемъ все роскошнѣе и выше простираетъ свои главы къ небу.

Теперь представьте себѣ, каково было бы современное положеніе міра, разсматриваемаго какъ одна величественная рабочая комната—одна величественная мастерская, въ видѣ шара,—если бѣ онъ хоть сколько-нибудь понималъ свое назначеніе и способенъ былъ выполнять его. Представьте себѣ, что окружало бы насъ, если бѣ націи, вмѣсто того, чтобъ ссориться и драться изъ-за работы, помогали одна другой въ трудѣ или даже въ приобрѣтеніяхъ; если бѣ, вмѣсто того, чтобъ стирать съ лица земли воспоминанія о прошлыхъ, наслѣдуемыхъ ими поколѣніяхъ, онѣ хранили трофеи ихъ побѣдъ. Представьте себѣ, чѣмъ была бы теперь Европа, если бѣ дивныя статуи и храмы грековъ, широкія дороги и массивныя стѣны римлянъ, если бѣ благородная и трогательная архитектура среднихъ вѣковъ не были превращены въ пыль человѣческой злобой и яростью. Вы говорите о костѣ времени, о зубахъ времени; но у времени нѣтъ ни косы, ни зубовъ; это мы точимъ, какъ черви, и разрушаемъ, какъ пилы. Мы все истребляемъ и уничтожаемъ: мы—ржа и пламя, и душа человѣка по отношенію къ его собственной работѣ то же, что моль, которая точитъ, когда не можетъ летать, и, какъ скрытое пламя, пепелить, когда не въ силахъ пламенѣть и освѣщать. Всѣ потерянные сокровища человѣческаго ума были уничтожены исключительно человѣческими усиліями, употребленными на разрушеніе. Мраморъ простоялъ бы свои двѣ тысячи лѣтъ въ полированныхъ статуяхъ, какъ и въ Паросскихъ утесахъ; но мы, люди, превратили его въ пыль и смѣшали съ нашимъ прахомъ. Стѣны и дороги просуществовали бы до сихъ поръ, но мы не оставили камня на камнѣ и вернули пустынь ея прежнее бездорожіе; великіе соборы старой религіи возвышались бы и теперь, но мы топорами и молотами разрушили ихъ своды и предоставили горной травѣ проростать на стѣнахъ, а морскому вѣтру съ воемъ носиться по ихъ галереямъ.

Вы можете быть, подумаете, что все это такъ или иначе необходимо было для развитія человѣчества. Я не могу, при всемъ желаніи, заняться здѣсь опроверженіемъ этого ложнаго предположенія; но неужели вы думаете, что все это и теперь необходимо для его развитія? Неужели вы думаете, что и въ настоящемъ, девят-

надцатомъ столѣтіи все еще необходимо европейскимъ народамъ превращать въ поля битвъ тѣ мѣста, гдѣ хранятся главные сокровища искусствъ? А они именно это и дѣлають, даже въ настоящую минуту; великан Ферма міра ведетъ свое хозяйство и теперь такъ же точно, какъ и въ былыя времена. Представьте себѣ, какъ благопріятно шли бы дѣла фабриканта хрупкихъ издѣлій—напр., стекла или фарфора, въ лавкахъ или складахъ котораго всѣ рабочіе и приказчики по крайней мѣрѣ разъ въ день начинали бы драться, сперва взрывая паровики и уничтожая всѣ доступныя имъ машины, а затѣмъ, дѣлая укрѣпленія изъ всѣхъ шкафовъ, нападая на прилавки и защищая ихъ, при чемъ побѣдители въ заключеніе стали бы выбрасывать изъ оконъ все, что попадалось имъ подъ руки, какъ свои побѣдные трофеи; несчастному фабриканту оставалось-бы только подбирать уплывшія кое-гдѣ чашки и кубки. Не правда ли, что это было бы очень не выгодное предпріятіе? А между тѣмъ, именно такимъ образомъ ведетъ дѣла своего производства вѣликая Ферма міра.

Она вела свои политическія драки за послѣднія шесть или семь столѣтій среди наиболѣе цѣнныхъ произведеній искусствъ, и такъ это продолжается и по сіе время. Напримѣръ, если бъ мнѣ предложено было указать на картѣ земного шара мѣстность, являющуюся въ данный моментъ самымъ замѣчательнымъ центромъ преподаванія и богатствъ искусства, то я указалъ бы на городъ Верону. Въ другихъ городахъ можно, правда, встрѣтить больше произведеній передвижного искусства, но ни въ одномъ нѣтъ такого славнаго мѣстнаго искусства, такихъ источниковъ и родниковъ искусства, которые не могутъ никоимъ образомъ быть упакованы, перевезены и закрѣпощены. Верона обладаетъ, во-первыхъ, если не самымъ обширнымъ, то самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ существующихъ римскихъ амфитеатровъ, съ неразрушеннымъ полукружіемъ ступенекъ и строго выдержанными переходами сводовъ и аркъ; она обладаетъ и другими, второстепенными римскими памятниками: воротами, театрами, банями, остатками храмовъ, придающими улицамъ ея предмѣстій характеръ древности, встрѣчающійся только въ Римѣ. Но она обладаетъ еще тѣмъ, чего въ Римѣ нѣтъ—совершенными образцами великой ломбардской архитектуры двѣнадцатаго столѣтія, служившей источникомъ всего средневѣковаго искусства Италіи и безъ котораго немыслимы были бы Джі-

ото, Анджелико и Рафаэль. Она обладает этой архитектурой не въ ея грубыхъ, а въ самыхъ совершенныхъ и очаровательныхъ формахъ, и не въ видѣ развалинъ или стертыхъ обломковъ, которые съ трудомъ можно разобрать, а въ образѣ церквей, совершенныхъ отъ паперти до переходовъ позади хоръ, при чемъ вся рѣзба свѣжа, всѣ колонны прочны, всѣ связи крѣпки. Кромѣ того въ Веронѣ встрѣчаются не только совершенные, но несравненные образцы великаго готическаго искусства Италіи тринадцатаго, и четырнадцатаго столѣтій. Въ Римѣ мы можемъ видѣть римскую, въ Пизѣ, если не болѣе, то столь же благородную, ломбардскую архитектуру; но ни въ Римѣ, ни въ Пизѣ, ни во Флоренціи, словомъ, ни въ какомъ городѣ міра не встрѣчается такой великой, средневѣковой готической архитектуры, какъ въ Веронѣ. Нигдѣ нѣтъ такой чистой и совершенной законченности; только въ Веронѣ вы можете любоваться этой архитектурой во всей простотѣ ея юношеской мощи и во всей нѣжности ея совершенной красоты. И наконецъ, Верона обладает самой прекрасной итальянской архитектурой эпохи возрожденія, не загрязненной гордостью, не извращенной роскошью, но выражающей свое величіе въ прекрасномъ выполненіи домашнихъ задачъ, сіяя безыскусственной граціей и скромностью домашняго уединенія; самыя богатые произведенія этого рода представляютъ окна, выходящія на самыя тѣсныя улицы и въ наиболѣе тихіе сады. И всѣмъ этимъ Верона обладаетъ въ мѣстности, по своей природной красотѣ не имѣющей соперницъ на всемъ обитаемомъ земномъ шарѣ: дикая альпійская рѣка пѣнится у ея подножья, и берега ея возвышаются скалистыми полукружіемъ, покрытымъ кипарисами и мрачными лаврами; передъ южными ея вратами разстилаются волнистыя равнины Италіи, утопая въ золотистомъ блескѣ, а съ сѣвера и запада, тѣснясь, окружаютъ ее Альпы, и вѣтры Бенака несутъ ей прохладу своихъ снѣговъ.

Таковъ этотъ городъ — съ неисчислимыми сокровищами, — у вратъ котораго разыгрываются постоянно самыя рѣшительныя битвы Италіи; три дня ея башни дрожали отъ грохота аркольскихъ пушекъ; кучи голышей съ Минчіо по сіе время поресѣкаютъ ея поля грядами прерванныхъ валовъ, отъ которыхъ приливъ войны покатился обратно къ Наварѣ; и теперь на серповидномъ фонѣ ея восточныхъ утесовъ, откуда обыкновенно выплывала полная луна,

пробиваясь сквозь ряды кипарисовъ и во время жгучихъ лѣтнихъ сумерекъ нѣжно заливая блескомъ серебристаго свѣта розовый мраморъ ея балконовъ, и вдоль этой окружающей ея скалы разрастаются другіе круги, бѣлые и блѣдные: стѣны башенъ дикой ярости съ траурными пятнами отъ слѣдовъ пушекъ. Я видѣлъ, говорю вамъ, когда грозовыя тучи спускались на эти итальянскія скалы и какъ всѣ ихъ утесы погружались въ страшный пурпуровый мракъ, словно виноградные тиски гнѣва Божьяго окрашивали одѣянія этихъ горъ. Я видѣлъ, какъ градъ падалъ въ Италію и оголялъ вѣтви ея деревьевъ, которыя казались какъ бы обѣденными саранчѣй; но бѣлыя градины никогда не падаютъ съ этихъ небесныхъ облаковъ, и только черный градъ посыплется изъ адскихъ тучъ, если духъ итальянской жизни не встрепенется когда-нибудь въ Веронѣ.

Какъ это ни грустно, но вы не можете сразу и непосредственно все это измѣнить; вы не можете прогнать австрійцевъ изъ Италіи или возбранить имъ устраивать крѣпости гдѣ они пожелаютъ; но я утверждаю*), что и вы, и я, и всѣ мы должны и дѣйствовать,

*) Читатель едва ли помнитъ прекрасный призывъ г-жи Браунинъ въ защиту Италіи, сдѣланный ею во время первой большой выставки искусства въ Англіи:

„О, волхвы востока и запада, ваше золото, ладанъ и смирна прекрасны, но какіе дары во имя Христа несете вы теперь вмѣстѣ съ остальными? Ваши руки хорошо работали. Но развѣ ваша энергія вся истощилась въ ручной работѣ и развѣ у васъ нѣтъ лучшаго дара для помощи великодушнымъ сердцамъ, за что и Онъ воздалъ бы вамъ? Развѣ нѣтъ у васъ, либеральныя націи, никакого свѣта ученія для бѣднака, сидящаго во мракѣ, пока не настала еще ночь? Развѣ нѣтъ спасенія для грѣшныхъ дѣтей? Неужели, Господи, нѣтъ облегченія, нѣтъ никакой помощи для женщинъ, невидимо рыдающихъ, потому что законы созданы мужчинами? И неужели приманки непотребныхъ домовъ не будутъ спалены молніей народнаго гнѣва? Неужели у тебя, моя Англія, не найдется исцѣленій отъ такихъ бѣдствій? Неужели не найдется у Австріи никакого выхода для бичуемыхъ, для скованныхъ и для возвращенія изгнанныхъ; у Россіи—для успокоенія трудящихся въ подземныхъ рудникахъ и для благородныхъ дѣвушекъ, таищихъ среди снѣговъ сѣвера; у Америки—милосердія къ ея рабамъ? И никакой надежды для Рима со стороны свободной, рыцарской Франціи? Увы, всѣ великія націи покрыты великимъ позоромъ. И въ мірѣ нѣтъ жалости! Неужели не найдется слова сожалѣнія, благословенія или молитвы за бѣдную Италію, поражаемую бѣдствіями? О, великія націи, внимлите мнѣ! Вы всѣ идете на ваши торжества, а я одна, стоя при дорогѣ челоуѣчества, молю у васъ о милости—да совершится Божья справедливость, ради всеобщаго благоденствія!“

и чувствовать съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ этихъ вещей, и что, не пытаясь возбуждать революцій или обезсиливать правительства, мы можемъ высказывать наше мнѣніе и оказать нашу помощь, съ цѣлью, по мѣрѣ силъ, препятствовать бесполезному разрушенію. И мы поступали бы такъ, еслибъ ясно понимали сущность дѣла. Вы развѣзжаете изо дня въ день по вашимъ прекраснымъ окрестностямъ, и на имѣющіяся у васъ деньги вы только и думаете, какъ бы сдѣлать ваши ворота красивѣе, ваши аллеи для катанья шире, ваши гостинныя болѣе роскошными, оставаясь въ пріятномъ самообольщеніи, что вы этимъ покровительствуете искусству и содѣйствуете его процвѣтанію, при чемъ никогда не постараетесь понять того простого факта, что на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ васъ уже существуютъ готовые прекрасныя ворота и гостинныя, которыя точно такъ же могутъ быть и вашими; ворота, построенныя величайшими скульпторами; гостинныя, разрисованныя Тиціаномъ и Веронезомъ; но вы не желаете позаботиться о томъ, чтобъ оберегать эти существующія сокровища, и готовы скорѣй зазывать домашнихъ живописцевъ съ улицы и оставлять Тиціановъ и Веронезовъ въ жертву крысамъ. „Да, конечно“, отвѣчаете вы, „мы желаемъ имѣть красивые дома здѣсь, а не въ Веронѣ? Что стали бы мы дѣлать съ домами въ Веронѣ?“ И я отвѣчаю вамъ: вы сдѣлали бы то же, что и съ большей частью вашихъ владѣній здѣсь, и также гордились бы ими, но только ваша гордость была бы благородна. Заглядывая себѣ въ душу, вы хорошо понимаете, что большая часть суммъ, затрачиваемыхъ вами на ваши владѣнія, расходуются для удовлетворенія тщеславія. Зачѣмъ ваши экипажи такъ красиво разукрашены и отдѣланы снаружи? Вы, сидя въ нихъ, не можете видѣть наружныхъ сторонъ, которыя отдѣлываются только для уличныхъ зрителей. Для чего наружныя стѣны вашихъ домовъ такъ тщательно отдѣланы, и убранства вашихъ домовъ такъ роскошны и дороги? Конечно, для того, чтобъ ими дивились посторонніе люди. Вамъ лично также было бы удобно, если бъ вы писали за вашей старинной конторкой съ продѣрявленной кожей и пользовались свѣтомъ окна, представляющаго не болѣе, какъ дыру, пробитую въ стѣнѣ. И въ этомъ отношеніи желательно только, чтобъ вы гордились охраненіемъ великаго искусства, а не произведеній низкаго искусства; гордились обладаніемъ драгоценныхъ и долговѣчныхъ предметовъ, хотя бы и въ нѣкоторомъ отдаленіи.

отъ васъ, а не слабыхъ и быстро уничтожающихся предметовъ тутъ, у себя подъ рукой. Вы знаете, что въ былыя времена наши королѣ любили обладать помѣстіями и герцогствами внѣ Англіи; почему бы и вамъ, князьямъ торговли, не питать этого пристрастія къ помѣстіямъ и владѣніямъ за границей? Повѣрьте мнѣ, что, при правильномъ пониманіи, гораздо больше гордости и почета — въ истинномъ значеніи этого слова — заключается въ томъ, чтобъ быть владѣльцемъ дворца въ Веронѣ или монастыря, украшеннаго фресками, во Флоренціи, чѣмъ имѣть цѣлую свиту лакеевъ, разодѣтыхъ въ самыя пестрыя ливреи, какія только можетъ придумать наиболѣе хитрый портной, хотя бы рядъ этихъ лакеевъ тянулся отсюда вплоть до Больтона. Да, гораздо почетнѣе посылать путешествовать по Италіи людей, которые при видѣ любого дивнаго произведенія искусства вольно воскликнули бы: „О, это сберегли намъ здѣсь наши добрые манчестерцы!“ чѣмъ перевозить ихъ сюда, чтобъ при видѣ разнообразныхъ вашихъ сокровищъ искусства люди кричали: „Это все привезено (не безъ поврежденій) для насъ сюда нашими добрыми манчестерцами“. „Но, говорите вы, эти выставки произведеній искусствъ приносятъ доходъ, а дворцы Вероны не принесутъ никакого дохода“. Извините. Они вознаграждали бы васъ хотя и не такъ непосредственно, но болѣе щедро. Неужели вы думаете, что со временемъ хорошо будетъ для Манчестера или для Англіи, если материкъ Европы останется въ его настоящемъ положеніи. Неужели вы думаете, что постоянное опасеніе революцій или постоянныя стѣсненія свободы мысли и энергіи, угнетающія націи Европы, могутъ быть выгодны для насъ? Было ли намъ сколько-нибудь лучше во время революцій 48 года? или помѣщеніе драгунскихъ лошадей въ дворцахъ Италіи имѣло ли благотворное вліяніе на наше хлопчато-бумажное производство? Отнюдь нѣтъ. Но каждая ваша опора стойкости Европы, каждое ваше усиліе подать ей добрый примѣръ англійскихъ привычекъ и принциповъ, каждое доброе дѣло, оказанное вами съ цѣлью облегчить ея бѣдствія и предохранить ее отъ отчаянія, въ десять разъ больше отзовется на благосостояніи самой Англіи и раскроетъ, и укажетъ тысячи незамѣчаемыхъ теперь направленій для потоковъ ея торговли и для источниковъ ея промышленности.

Я могъ бы, если бъ хотѣлъ, еще сильнѣе напирать на эти два мотива: на вашу гордость и на соблюденіе своихъ интересовъ, но

думаю, что они не изъ тѣхъ мотивовъ, которые слѣдовало бы, вообще, подстрекать или развивать въ васъ. Единственный изъ всѣхъ мотивовъ, который и долженъ здѣсь выставить передъ вами, это—простая справедливость. Охраненіе искусства внѣ Англіи и личное усиліе англичанъ улучшить положеніе другихъ націй составляютъ непосредственную обязанность, которую наше богатство предписываетъ намъ. Говоря исполнѣ искренно и обдуманно,—я изъ всѣхъ самообольщеній доброжелательныхъ націй не знаю ничего комичнѣе ихъ понятія о патріотизмѣ, въ силу котораго онѣ считаютъ нужнымъ ограничивать стремленіе къ добру предѣлами ихъ собственной страны, признавая великодушіе какой-то географической добродѣтели и находя, что все, что свято и справедливо дѣлать для людей, живущихъ на этомъ берегу, исполнѣ неприлично и неестественно дѣлать для жителей противоположнаго берега. Когда-нибудь христіанскій міръ съ ужасомъ подумаетъ, что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ онъ считалъ ближними жителей, напр., Іерусалима, а не обитателей Іерихона; и мы, англичане, съ удивленіемъ станемъ припоминать о томъ, сколько времени прошло, прежде чѣмъ мы могли братски пожать руку кому-нибудь на томъ берегу, омываемомъ тѣми же солеными водами и убѣждаемомъ той же мѣловой пылью отъ Фолькстона до Амблѣтеза.

Благодарность, какъ и состраданіе, должны тоже быть мотивами, вліяющими на васъ, тѣмъ болѣе, что вы первые пожелали видѣть и показать намъ тѣ сокровища, которыми бѣдная забытая Италія одарила Англію. Вспомните, что всѣ восхищающія васъ вещи были нѣкогда ея, потому что она или создала ихъ, или научила создавать ихъ; да, дѣйствительно, всѣ самыя сильныя и самыя трогательныя картины, красующіяся на вашихъ стѣнахъ, принадлежатъ Италіи, и она же научила вашихъ лучшихъ и величайшихъ художниковъ; ваши Рейнольдсы и ваши Генсборо никогда не могли бы такъ рисовать, не будь Венеціи; и вся энергія, придавшая истинную жизнь существующему у васъ искусству, была впервые возбуждена призывомъ покойниковъ, посѣщавшихъ священные поля Пизы.

Но всѣ эти мотивы не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на нашу дѣятельность по отношенію къ чужимъ странамъ, въ силу весьма серьезнаго обстоятельства, слишкомъ даже серьезнаго, можетъ быть, чтобъ разсматривать его здѣсь; всѣ мы имѣемъ обыкновеніе пре-

доставлять великія дѣла своему теченію, какъ будто Провидѣніе печется о нихъ, а сами занимаемся исключительно мелочами, о которыхъ мы знаемъ на практикѣ, что Провидѣніе ни мало не заботится, безъ нашего труда. Мы охотно готовы заняться культурой ананасовъ и салата, зная, что крупные и вкусные растутъ не по волѣ Провидѣнія, а только благодаря нашимъ стараніямъ; но мы ни мало не заботимся о благѣ Италіи или Германіи, думая что о нихъ озаботится Провидѣніе и что онѣ будутъ процвѣтать безъ всякаго вмѣшательства съ нашей стороны.

Предоставимъ же великія дѣла ихъ теченію и подумаемъ только о маленькихъ вещахъ, не о разореніи войной цѣлыхъ областей, препятствовать чему мы не считаемъ нашей обязанностью, а объ уничтоженіи бѣдныхъ маленькихъ картинъ, спасти которыя, вѣроятно, не совсѣмъ чуждо тому, что мы считаемъ своимъ долгомъ. Выше, какъ вы знаете, я сказалъ, что всѣ мы черезъ своихъ представителей заняты тѣмъ, чтобъ рвать картины на куски, и вы не повѣрили мнѣ. Возьмите наглядную картину нашего положенія. Представьте себѣ (какъ вы не разъ это видѣли) благоразумную и добрую молодую дѣвушку, сидящую за работой въ уголкѣ уютной комнаты; она занимается вязаніемъ подтяжекъ для своихъ двоюродныхъ братьевъ, а тамъ, въ залѣ, въ это время вы видите, какъ кошка и котята играютъ среди картинъ, забавляясь преимущественно лучшими произведеніями Ванъ-Дейка; они взбираются на верхніе края рамъ и затѣмъ сползаютъ внизъ, цѣпляясь когтями за полотна картинъ; и представьте себѣ дальше, что эта дѣвушка, когда ей сообщаютъ о продѣлкахъ кошки и котятъ, спокойно отвѣчаетъ, что кошка эта не ея, а сестры, картины тоже не ея, а принадлежатъ ея дядѣ, сама же она не можетъ бросить работу, потому что ей до обѣда нужно сдѣлать столько-то паръ подтяжекъ. Не скажете ли вы, что благоразумная и добрая дѣвушка въ сущности отвѣстна за царапины на картинахъ Ванъ-Дейка? А такова именно роль благоразумныхъ и добрыхъ англичанъ, которую они разыгрываютъ на болѣе широкой аренѣ. Мы сидимъ себѣ здѣсь, въ Манчестерѣ, дѣятельно и прилично занимаясь изготовленіемъ подтяжекъ для нашихъ двоюродныхъ братьевъ всего свѣта. А тамъ, въ залѣ — въ прекрасномъ, мраморномъ залѣ Италіи — кошки, котята и обезьяны играютъ среди картинъ. Увѣряю васъ, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ, во время которыхъ я ра-

боталъ въ мѣстностяхъ, сохраняющихъ самые драгоцѣнные остатки европейскаго искусства, я невольно все сильнѣй и яснѣе чувствовалъ, что живу и работаю среди толпы обезьянъ — иногда очень любезныхъ и расположенныхъ обезьянъ, съ отличными намѣреніями и съ заискивающими манерами, чаще же среди эгоистичныхъ и злыхъ; но каковы бы ни были ихъ характеры, онѣ вѣчно дерутся и ссорятся изъ-за орѣховъ и изъ-за лучшихъ мѣстъ на безплодныхъ вѣтвяхъ деревьевъ; при чемъ, къ сожалѣнію, всѣ логовища этихъ обезьянъ наполнены цѣнными картинами, и хитрыя и своевольныя эти животныя всегда любятъ завертываться и спать въ этихъ картинахъ или продѣлывать дыры, и выглядывать въ нихъ; иногда же онѣ пробуютъ ихъ вкусъ и выплевываютъ, или же скатываютъ ихъ какъ бы въ веревки и качаются на нихъ; и только иногда, пользуясь удобнымъ случаемъ, удается спасти какой-нибудь испарянный и изодраный уголокъ картины Тинторетто или Поля Веронезе и пропихнуть сквозь рѣшетки въ безопасное мѣсто. Увѣряю васъ, что я буквально испытывалъ такое состояніе и выносилъ такое впечатлѣніе относительно положенія дѣлъ въ Италіи. И вотъ почему. Профессора искусства въ Италіи, долго слѣдуя методу изученія, исключительно имъ свойственному, достигли, наконецъ, своеобразной формы искусства, вполне отличной отъ встрѣчаемой у Корреджіо и Тиціана. Естественно, что профессора считаютъ свою форму наилучшей; а такъ какъ старыя картины, вообще, не такъ бросаются въ глаза, какъ новѣйшія, то герцоги и графы, владѣющіе ими и любящіе, чтобъ ихъ галлерей имѣли видъ новыхъ и изящныхъ (и къ тому же увѣренные, что извѣстный шедевръ долженъ плѣнять взоры за полмили), вѣрятъ профессорамъ, увѣряющимъ, что скромныя картины совсѣмъ выпцѣли, никуда не годны и должны быть подновлены. Слѣдуя этому совѣту, они отдаютъ серьезныя картины профессорамъ, поручая имъ подновить ихъ по всѣмъ правиламъ искусства. И профессора перекрашиваютъ старинныя картины въ главныхъ частяхъ, оставляя нетронутыми развѣ частицы фона. Въ силу этого, профессора, вообще, представляются мнѣ въ видѣ обезьянъ, продѣлывающихъ въ картинахъ дыры, сквозь которыя онѣ скалятъ зубы. Такимъ образомъ, торговцы картинами, живущіе ихъ куплей и продажей, не могутъ продавать англичанамъ эти картины въ ихъ старомъ и нетронутомъ видѣ; всѣ великія произведенія должны быть покрыты новой краской,

отполированы и имѣть видъ профессорскихъ картинъ. И такіе торговцы представляются мнѣ въ видѣ обезьянъ, вьющихъ изъ картинъ веревки, на которыхъ онѣ и качаются. Наконецъ, порой въ какой-нибудь старой конюшнѣ, въ погребкѣ или плотничной мастерской, изъ-за забытыхъ чановъ или вязанокъ хвороста кому-нибудь удастся найти фрески Перуджино или Джіотто, не придавая имъ особеннаго значенія; ему не приходитъ на умъ мысль пригласить публику зайти въ его погребокъ взглянуть на нихъ, и онъ не считаетъ даже нужнымъ убрать свои вязанки хвороста, а просто бѣлилами замазываетъ эти фрески и устанавливаетъ чаны на ихъ прежнемъ мѣстѣ; и этого рода люди обыкновенно представляются мнѣ въ видѣ обезьянъ, пробувающихъ картины на языкъ и выплевывающихъ ихъ, не находя въ нихъ ничего вкуснаго. При чемъ, ссоры и драки изъ-за орѣховъ и яблоковъ (называемыхъ въ Италіи „bella liberta“) продолжаются изо-дня въ день.

Легко было бы положить этому конецъ, если бъ мы, англичане, такъ любящіе переноситься въ эти мѣстности нашими особами, переносились туда немного и нашей душой. Мы считаемъ за великое торжество, что наши особы и вещи перевозятся на скорыхъ поѣздахъ, но мы ни малѣйшимъ образомъ не стараемся быстрѣе и дальше переноситься мыслью: мысленно мы всегда остаемся дома, а если переносимся куда, то всегда съ медленностью старыхъ почтовыхъ каретъ или товарныхъ поѣздовъ. Подумайте только, какое необыкновенное зрѣлище представилось бы міру, если бъ вамъ стало вполне ясно дѣйствительное положеніе вещей, — ясно то, что мы здѣсь, въ Англіи, дѣлаемъ неимовѣрные и очень дорого стоящія усилія, чтобъ получить всевозможное новое искусство, зная и сознаваясь въ томъ, что большая часть его очень плоха, но все же стремясь производить новые образцы обоевъ, новыя формы чайныхъ чашекъ, новыя картины, статуи и архитектурныя произведенія, чванясь, какъ индѣйскіе пѣтухи, каждый разъ, какъ чашка или картина выйдетъ нѣсколько удачна. И, въ то же время, мы ни мало не думаемъ о самыхъ образцовыхъ картинахъ, статуяхъ и стѣнныхъ украшеніяхъ, уже существующихъ и требующихъ только, чтобъ о нихъ нѣсколько позаботились и предохранили отъ копоти и пыли. Мы предоставляемъ разрушаться стѣнамъ, разукрашеннымъ Джіотто, гнить полотнамъ съ картинами Тинторетто и разсыпаться въ прахъ архитектурнымъ зданіямъ, воздвигнутымъ св.

Людовикомъ, украшая наши гостиныя цѣнными обоями и печатая въ мѣстныхъ газетахъ хвалебные отчеты о нашихъ красивыхъ сараяхъ. Не думайте, что это общія разсужденія и мѣста.

Нѣтъ, я говорю буквально о существующихъ фактахъ. Фрески Джіотто въ Ассизѣ гибнутъ теперь отъ недостатка заботъ; картины Тинторетто, въ Сень-Стефанскомъ соборѣ въ Венеціи, гниютъ въ настоящее время и превращаются въ сѣрые лохмотья; капелла св. Людовика, въ Каркасоннѣ, разваливается и осколки ея валяются на рынкахъ. А мы, жалкіе, ничтожные, полуоперенные галчата каркаемъ тутъ и чванимся красивыми прутьями и пушкомъ въ нашихъ гнѣздахъ. Когда я бываю дома, то не проходитъ дня, чтобъ я не получалъ письма отъ благонамѣреннаго сельскаго священника, глубоко радѣющаго о положеніи его приходской церкви, у котораго разрывается сердце въ хлопотахъ о деньгахъ, чтобъ сохранить жалкіе остатки слѣдовъ Тюдоровъ или нишу въ углу безъ малѣйшей статуи,—тогда какъ въ то же время самыя мощныя произведенія религіозной архитектуры и скульптуры, когда-либо существовавшія въ мірѣ, портятся и гибнутъ, не пробуждая ни жалости, ни сожалѣнія. Приходскій священникъ нисколько не заботится о нихъ: его воображеніе подъ вліяніемъ морской болѣзни не можетъ перенестись на ту сторону канала. Что ему за дѣло до того, что ангелы Ассиза поблѣкнутъ на сводахъ или шартрскіе королевы и короли спадутъ съ ихъ пьедесталовъ? Вѣдь они не въ его приходѣ.

„Что! воскликните вы, мы не должны стараться создавать новаго искусства, не должны заботиться о нашихъ проходскихъ церквахъ?“ Да, не должны, пока надлежащимъ образомъ не позаботитесь о существующемъ искусствѣ и о лучшихъ церквахъ внѣ вашего прихода. Вы, прежде всего, не церковные сторожа и не приходскіе наблюдатели англійской деревни, а члены великой христіанской общины Европы. И, какъ члены этой общины, въ которой, замѣтите, только и существуетъ чистое и драгоцѣнное древнее искусство, не встрѣчающееся ни въ Америкѣ, ни въ Азіи, ни въ Африкѣ), вы поступаете, какъ какой-нибудь фабрикантъ, заботящійся о своихъ станкахъ, оставляя кладовыя безъ крышъ. Дождь льетъ въ ваши кладовыя, крысы хозяйничаютъ въ нихъ, пауки ткутъ свою паутину, галки строятъ гнѣзда, плѣсени разъѣдаетъ и разрушаетъ стѣны, а вы все продолжаете ткать и ткать на своихъ жалкихъ станкахъ, воображая, что богатѣете, тогда какъ

въ вашихъ кладовыхъ въ одинъ часъ сгниваетъ больше, чѣмъ вы можете наткать за цѣлый годъ.

Даже этотъ примѣръ не даетъ полнаго понятія о нелѣпости того, что мы дѣлаемъ. Ткачъ можетъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что его тканье такъ же пригодно, какъ и прежнее, и потому, вопреки дождю и опустошенію, ему, въ случаѣ нужды, будетъ во что одѣться. Но ваше тканье гниетъ по мѣрѣ того, какъ вы его ткете. Уже самый тотъ фактъ, что мы презираемъ старое великое искусство, указываетъ, на то что мы не въ силахъ создать ничего великаго въ настоящемъ. Ели бъ мы могли, то любили бы видѣть уже созданныя великія произведенія; если бъ мы дѣйствительно заботились объ искусствѣ, то признавали и охраняли бы его,—но мы нисколько не занимаемся этимъ. Намъ нужно не искусство, а забава, удовлетвореніе нашего тщеславія, барыши, словомъ, все что угодно, но только не искусство; пускай оно гибнетъ: у насъ всегда останется достаточно матеріала для болтовни и для украшенія стѣнъ надъ нашими буфетами.

Въ заключеніе, вы, я надѣюсь, спросите, какой практическій выводъ изъ всего сказаннаго мною могутъ для своей завтрашней жизни сдѣлать всѣ, сидящіе здѣсь сегодня? Вотъ главные практическіе выводы: во-первыхъ, не ворчите, когда услышите, что правительство за дорогую цѣну покупаетъ картину. Въ настоящее время есть въ Европѣ много картинъ, которымъ грозятъ опасность погнѣнуть и которыя безцѣнны въ истинномъ значеніи этого слова; подобающая за нихъ цѣна та, какую необходимо заплатить, чтобъ спасти ихъ. Если вы можете приобрести ихъ за пятьсотъ рублей,—приобрѣтайте; если не менѣе, какъ за тысячу—покупайте; если не менѣе какъ за пятьдесятъ тысячъ—не скупитесь; если не менѣе, какъ за двѣсти тысячъ,—не печальтесь, что васъ обманываютъ; нѣтъ никакого безчестія для васъ въ томъ, если васъ обманываютъ:—безчестно самому обманывать; вообще, нельзя ничего цѣннаго изъ области искусства на материкѣ Европы приобрести безъ посредства значительнаго числа людей, которые, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ, но въ дѣйствительности имѣютъ и будутъ всегда имѣть громадное отношеніе къ нему; если вы не хотите, чтобъ они надули васъ на дукатъ въ одномъ мѣстѣ и на цехинъ въ другомъ, то они лишатъ васъ картины; а что считаете вы для себя обиднѣе? лишиться ли картины или це-

хиновъ? я думаю, что могу предоставить вамъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ, хотя знаю, что найдется не мало политико-экономовъ, предпочитающихъ совѣмъ оставить мѣшокъ золота на столѣ чердака, чѣмъ дать пятиалтынный носильщику за то, чтобъ онъ снесъ его внизъ.

Итакъ, вотъ первый практическій выводъ. Никогда не ворчите, а радуйтесь, услыхавъ, что старинная картина куплена, даже за дорогую цѣну. Въ общемъ, самыя дорогія картины всегда оказываются наиболѣе выгодно купленными, и, повторяю (иначе вы можете подумать, что я высказалъ это сгоряча и необдуманно), что есть безцѣнные картины. Вы, какъ націи, должны бы стоять на краю доверскихъ—шекспировскихъ утесовъ и махать бланками чековъ въ глазахъ націй по ту сторону моря, щедро предлагая ихъ за тѣ и другія картины.

Второй практическій выводъ: никогда не покупайте копій картинъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Всѣ копіи дурны, потому что никакой стоящій художникъ никогда не станетъ дѣлать копій. Онъ сдѣлаетъ этюдъ нравящейся ему картины для своего личнаго употребленія и по своему, но онъ не можетъ и не станетъ копировать; каждый разъ, покупая копію, вы, приобретаєте нѣкоторое искаженіе оригинала и поощряете недалекихъ личностей заниматься дѣломъ, для котораго онѣ вполне непригодны, увеличивая, въ концѣ концовъ, шансы ошибокъ и обмана и содѣйствуя, насколько деньги могутъ только содѣйствовать, дѣлу невѣжества во всѣхъ направленіяхъ. Дѣйствительно, вы можете быть увѣрены, что покупаете извѣстное количество ошибокъ и, по мѣрѣ вашихъ силъ, занимаетесь распространеніемъ ихъ.

Я этимъ, однако, не хочу сказать, что никогда не слѣдуетъ дѣлать копій. Правительство должно заставлять извѣстное количество недалекихъ личностей дѣлать возможно точныя копіи со всѣхъ хорошихъ картинъ; эти копіи, хотя и не имѣютъ съ точки зрѣнія искусства никакой цѣны, получаютъ значеніе историческихъ и документальныхъ свидѣтельствъ въ случаѣ уничтоженія оригиналовъ. Точно также нужно крайне ревностно добиваться этюдовъ, сдѣланныхъ для себя великими художниками; ихъ часто можно купить довольно дешево, а между тѣмъ, въ связи съ механическими копіями, они очень цѣнны. Чертежи фресокъ и другихъ обширныхъ работъ имѣютъ тоже большое значеніе, хотя чертежамъ свой-

ственно столько же ошибокъ, какъ и копіймъ, во всѣ онѣ однородны, тогда какъ ошибки обычныхъ копій страдаютъ во всевозможныхъ отношеніяхъ; наконецъ, гравюры, насколько онѣ сообщаютъ факты, относящіеся до картинъ, часто бываютъ полезны и цѣнны. Я не могу, конечно, теперь пускаться въ подробности, но съ увѣренностью даю слѣдующій совѣтъ: никогда не покупайте (для себя) копій, претендующихъ передавать факсимиле или давать точное понятіе о картинѣ и равняться ей по достоинству. Каждый разъ, покупая копію, вы тѣмъ самымъ портите свой вкусъ и даромъ тратите деньги. Если вы щедры и мудры, то охотѣе внесете ту сумму, которую вы дали бы за копію съ великой картины, на покупку націей этой картины или другой такой же. Слѣдовало бы учредить общество для покупки картинъ, которое передавало бы ихъ въ даръ различнымъ галлереямъ нашихъ большихъ городовъ, наблюдая за ихъ цѣлостью; тѣмъ временемъ, вы можете всегда благотворно вліять уже тѣмъ, что предоставите вашимъ друзьямъ — художникамъ покупать для васъ встрѣчающіяся имъ хорошія картины. Никогда сами не покупайте для себя и не обращайтесь къ иностраннымъ торговцамъ, но пусть художники, которымъ вы довѣряете, когда встрѣтятъ заброшенную старинную картину въ старомъ домѣ, попытаются приобрѣсти ее для васъ; если она вамъ понравится, то вы ее оставите; въ противномъ случаѣ пошлите ее на аукціонъ, и вы увидите, что деньги, употребленные на картины, купленные такимъ образомъ, никогда не бываютъ потеряны.

Наконецъ, третій и главный выводъ изъ всего сказаннаго мною можетъ быть сведенъ къ слѣдующему общему правилу: куда бы вы ни отправлялись и что бы вы ни дѣлали, заботьтесь больше всего объ охраненіи уже имѣющагося, чѣмъ о производствѣ новаго. Увѣряю васъ, что міръ, вообще говоря, находится въ злосчастномъ безпорядкѣ и именно потому, что вы имѣете обыкновеніе, отпихнувъ хламъ въ сторону и устроивъ себѣ уютный уголокъ, думать, что вамъ остается только прятать по цѣлымъ днямъ, тогда какъ въ качествѣ домохозяевъ и политико-экономовъ ваша первая мысль и первая забота должна состоять въ томъ, чтобъ приводить въ болѣйшій порядокъ и въ соотвѣтствіе всѣ вещи кругомъ васъ. Попробуйте привести всѣ грунтовые цвѣты въ порядокъ и избавить ваши житницы отъ всякой гнили. Тогда садитесь и прядите, если желаете, но не раньше.

IV. *Распределение*. Теперь мы, въ заключеніе, приступаемъ къ четвертому отдѣлу нашего изслѣдованія, къ вопросу о мудромъ распределеніи накопленнаго и сохраненнаго искусства. Очевидно, послѣ минутнаго соображенія, что предметы искусства въ общемъ наиболѣе полезны націи, если они собраны въ общественныхъ публичныхъ галлерейхъ, правильно содержимыхъ. Но есть одна невыгодная сторона въ этихъ галлерейхъ, а именно, то громадное зло, которое можетъ причинить одинъ неразумный попечитель. Когда картины, составляющія національное богатство, помѣщаются въ галлерейхъ частныхъ лицъ, можно быть увѣреннымъ, что онѣ нравятся лицамъ, ихъ покупающимъ; и что, если не любовь, то простой денежный расчетъ побудитъ заботиться о томъ, чтобы онѣ не лишались цѣнности. И, во всякомъ случаѣ, когда произведенія искусства разсѣяны по всей націи, никакое общее уничтоженіе ихъ немыслимо; только извѣстное количество ихъ по временамъ теряется отъ различныхъ случайностей. Но когда онѣ разомъ собраны въ обширной публичной галлерей, и мѣсто завѣдующаго становится, такъ или иначе, простой формальностью, или настолько выгодно, что на него является много претендентовъ изъ числа охотниковъ до мѣстъ вообще, то при занятіи его какимъ-нибудь безумнымъ или нерадивымъ господиномъ, всѣ ваши прекрасныя картины могутъ разомъ быть перекрашены и національное богатство уничтожено въ одинъ мѣсяць. Это именно и происходитъ въ настоящее время въ различныхъ обширныхъ иностранныхъ галлерейхъ, которыя превращены какъ бы въ лобныя мѣста картинъ и надъ ихъ дверями недостаетъ только дантовской надписи: *Lasciate ogni speranza, voi che entrate*“.

Если тщательно охранять произведенія искусства отъ всякой опасности, какъ это всегда должна любая нація, знающая цѣну или понимающая значеніе живописи *), то сохраненіе картинъ въ публичныхъ галлерейхъ есть самый вѣрный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый удобный способъ выставлать картины, при которомъ только и мыслимо понимать ихъ историческое значеніе и достоинство. Но много пользы можно извлечь и при поощреніи частнаго обладанія картинами, въ виду того, что гораздо больше въ произведеніи искус-

*) Было бы значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ предохраненія картинъ, если бы принято было за общее правило, давать отчеты о всѣхъ исправленіяхъ, которымъ онѣ подвергаются.

ства можетъ открыть человѣкъ, имѣя его всегда передъ собой, чѣмъ когда ему приходится видѣть его только изрѣдка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, частное владѣніе картинами отчасти содѣйствуетъ облагораживанію привычекъ и сердецъ массъ народа въ ихъ домашней жизни.

Для этой послѣдней цѣли самымъ полезнымъ искусствомъ является живое современное искусство; особенные вкусы народа лучше всего опредѣляются и его частныя заблужденія вѣрнѣе всего исправляются художниками, трудящимися въ его средѣ, при чемъ знаніемъ того, что нужно руководить степень симпатіи съ какой встрѣчаются создаваемые произведенія. Такимъ образомъ вообще дѣло правительства и всѣхъ патроновъ искусства состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы собирать насколько возможно больше произведеній старыхъ мастеровъ въ общественныя галлерей, устраивая послѣднія такъ, чтобы онѣ иллюстрировали исторію націй, прогрессъ и вліяніе ихъ искусствъ и, во-вторыхъ, чтобы поощрять приобрѣтеніе частными лицами произведеній современныхъ мастеровъ. И первый и наилучшій способъ поощренія этого частнаго приобрѣтенія, состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы по возможности понижать цѣны на картины. Я надѣюсь, что въ числѣ присутствующихъ находится не много художниковъ; но, если я ошибаюсь, то прошу ихъ извинить меня за то, что злоупотреблю ихъ терпѣніемъ еще на четверть часа; и надѣюсь, что въ концѣ концовъ они не оскорбятся высказаннымъ мною.

Надѣясь на ихъ снисхожденіе, я повторяю, что первымъ предметомъ нашей національной экономіи въ дѣлѣ распредѣленія современнаго искусства должно быть упорное и разумное ограниченіе его цѣны, такъ какъ при этомъ достигается двоякая цѣль; во-первыхъ, вы побудите художниковъ произвести больше картинъ: двѣ или три вмѣсто одной, если они желаютъ добывать деньги; и во-вторыхъ дѣлая хорошія картины, доступными людямъ скромнаго достатка, вы возбудите общій къ нимъ интересъ націи, увеличите въ тысячу разъ спросъ на нихъ, а стало быть ихъ правильное и естественное производство.

Я знаю, сколько возраженій должно возникнуть у васъ по поводу положенія высказаннаго мною здѣсь; но вы, надѣюсь, понимаете, что мнѣ въ теченіе часа нельзя выяснитъ вамъ всего нравственнаго и экономическаго значенія разсматриваемаго мною принципа. Повѣрьте, однако, что я не отношусь легкомысленно и, ду-

маю, что разобралъ всѣ возраженія, которыя можно было бы разумно мнѣ сдѣлать, хотя у меня едва теперь достаточно времени; чтобъ опровергнуть нѣсколькими словами главное изъ нихъ, состоящее въ томъ, что высокія цѣны на современные картины почетны и полезны для художниковъ. Это мнѣніе не только невѣрно, но, какъ мнѣ кажется, однимъ изъ главныхъ препятствій, задерживающихъ прогрессъ современнаго искусства, и являются именно эти высокія цѣны на современные хорошія картины. Дѣйствительно, уясните себѣ прежде всего то, какое духовное вліяніе на художника имѣетъ высокое вознагражденіе. Если онъ, что называется, „выдвинулся“, обратилъ на себя вниманіе публики, а въ особенности высшихъ классовъ, то едва ли можно указать границы того богатства, какого онъ можетъ достигнуть; такъ что въ молодости онъ естественно бываетъ занятъ своимъ свѣтскимъ и денежнымъ величіемъ, какъ главною цѣлью, которой онъ можетъ достигнуть при помощи своего искусства; если онъ находитъ, что не достигаетъ этого, то объясняетъ неудачу недостатками въ своей работѣ; и, даже если онъ слишкомъ гордъ, чтобъ думать это, то все же приманки богатствъ и почестей отвлекаютъ его отъ честнаго труда и заставляютъ усиленно стараться обращать на себя вниманіе, такъ что онъ постепенно лишается и духовной мощи и отступаетъ отъ честнаго направленія. Таково, судя по степени скупости и тщеславія художника, неизбѣжное вліяніе на него надежды на большое богатство и на славу. Но вредъ не ограничивается этимъ, такъ какъ возможность достигать этимъ путемъ славы и богатства, служить постояннымъ искушеніемъ, побуждающимъ сдѣлаться художниками даже людей, не обладающихъ дѣйствительнымъ талантомъ, и которыхъ плѣняютъ только такіе низменные интересы. Эти люди мучаютъ и оскорбляютъ терпѣливыхъ тружениковъ, затмеваютъ и устраняютъ всѣ нѣжныя и хорошія картины своими яркими и грубыми рисунками, портятъ вкусъ публики и насколько могутъ, наносятъ величайшій вредъ современнымъ имъ школамъ искусства; такъ что невольно удивляешься тому, какое великое зло можетъ быть сдѣлано такими ничтожными дарованіями. И еслибъ вамъ удалось тѣмъ или другимъ способомъ понизить цѣны на картины, то вы сразу удалили бы съ арены искусства всѣхъ этихъ господъ, мѣшающихъ его успѣху.

Вы, можетъ быть, подумаете, что такое строгое отношеніе принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ устранить элементъ,

служащій стимуломъ усилій и упражненій; но, къ сожалѣнiю, я долженъ сказать, что между художниками будетъ всегда достаточно соперничества и соревнованiя, станете ли вы платить имъ высокiя или низкiя цѣны; что же касается до отсутствiя достаточнаго стимула, то повѣрьте мнѣ, что никогда еще въ мiрѣ не была сдѣлана хорошая работа за деньги и никогда мысль о деньгахъ не влiяла благотворно на душу художника. Какъ только мысль о денежной сторонѣ примѣшивается къ работѣ, такъ тотчасъ же сила дарованiя художника слабѣетъ и при томъ вполне соотвѣтственно сознательности этой мысли. Дѣйствительный художникъ будетъ прекрасно работать, если вы, какъ я выше сказалъ, дадите ему хлѣба, воды и соли; а дурной художникъ станетъ плохо дѣлать и торопиться, хотя бы вы поселили его во дворецъ и предоставили въ его распоряженiе доходы съ цѣлаго княжества. Тэрнеръ въ молодости получалъ полкроны въ день и ужинъ (не дурная, правда, плата) и научился рисовать. И я не думаю, чтобы была какая-нибудь вѣроятность въ пользу того, что дѣйствительное искусство можетъ процвѣтать въ странѣ, если оно будетъ только занятiемъ, доставляющимъ удобства жизни. Я высказываю это не потому, что презираю великихъ художниковъ, а потому именно, что я высоко чту ихъ, и нисколько не думаю, что могу увеличить ихъ славу или счастье богатствомъ, какъ и не думаю, чтобы можно было увеличить славу Шекспира или Мильтона,—если бы они были живы,—сдѣлавъ ихъ миллионерами, или получить при этомъ отъ нихъ еще болѣе великiя произведенiя.

Замѣтьте, что давая художнику слишкомъ высокую плату, вы вредите не только ему, но и всѣмъ современнымъ художникамъ, стоящимъ ниже его. Если послѣднiе скромны, то будутъ обезкуражены и угнетены, чувствуя, что ихъ произведенiя имѣютъ сравнительно такъ мало значенiя въ вашихъ глазахъ; если же они горды, то въ нихъ заговораютъ всѣ дурныя страсти, а оскорбленiя и позоръ, которыми они будутъ стараться очернить своего счастливаго соперника, не только огорчатъ и болѣзненно задѣнуть, но даже, вконецъ ожесточатъ и озлобятъ его, такъ какъ немыслимо безъ серьезнаго вреда пройти сквозь такого рода испытанiя.

Таково влiянiе высокой платы на художниковъ какъ выдвинувшихся впередъ, такъ и стоящихъ на заднемъ планѣ. Но вы дѣлаете нѣчто худшее: платя дорого за модныя картины, вы лишаете себя возможности помогать болѣе молодымъ, только что выступающимъ худож-

никамъ. Предположивъ даже, — вопреки всему вышесказанному, — что вы, въ дѣйствительности, ни мало не вредите великому художнику высокой платой, — вы, тѣмъ не менѣе, не приносите ему и никакой особенной пользы. Его репутація установлена и его богатство пріобрѣтено; онъ ни мало не заботится о томъ, будете ли вы покупать или нѣтъ; онъ скорѣе считаетъ, что дѣлаетъ вамъ честь, доставляя вамъ возможность пріобрѣсти одну изъ его картинъ. Вся польза, какую вы можете ему принести, сводится къ тому, что вы помогаете ему купить новую пару каретныхъ лошадей; тогда какъ этой суммой, которую вы такъ бесполезно вышвыриваете, вы могли бы облегчить сердца и предохранить здоровье двадцати молодыхъ художниковъ; и если-бъ изъ среды этихъ двадцати встрѣтился хотя бы одинъ, у котораго развитіе дѣйствительнаго таланта задержано было бѣдностью, то посмотрите, какое широко-развѣтвленное и широко-охватывающее добро вы могли бы разсѣять болѣе полезнымъ употребленіемъ вашихъ денегъ. Я говорю „посмотрите“, но тщетно. Вы не можете видѣть, потому что не въ состояніи понять ту боль сердца, съ какой молодой, страшно чуткій, художникъ пробивается въ непроглядномъ мракѣ; того строгаго голоса въ его душѣ, котораго вы не слышите; его тщетнаго, страстнаго удивленія передъ предметами, которыхъ вы не замѣчаете; его мечты о трудахъ, которыя онъ могъ бы выполнить, если-бъ только обладалъ спокойствіемъ и свободнымъ временемъ, — мечты, недоступныя и неосуществимыя, потому что никто не даетъ ему возможности насладиться спокойствіемъ и свободнымъ временемъ. Всѣ друзья оставляютъ его; тѣ, кому онъ готовъ былъ бы повиноваться съ наибольшимъ уваженіемъ, относятся къ нему высокомерно и парализуютъ его энергію: и, наконецъ, ужаснѣе всего то, что люди, наиболѣе неизмѣнно вѣрящіе ему, страдаютъ всего сильнѣе; глаза его жены въ сладостной надеждѣ блестятъ все лихорадочнѣе по мѣрѣ того, какъ блѣднѣютъ ея щеки и маленькія губки, безкровныя и запекшіяся, — которыя, какъ онъ знаетъ, хотя никогда онъ этого и не увидитъ, — со временемъ гордо содрогнутся, услышавъ упоминаніе его имени, какъ „нашего учителя“. И вы лишаете себя возможности облегчить и уничтожить все это зло, благодаря крупнымъ тратамъ на картины, пользующіяся извѣстностью; вы оскорбляете художника, которому такъ щедро платите, и, въ результатъ, чего же вы достигаете и что пріобрѣтаете вы для себя? Вѣдь спѣшная работа моднаго художника отнюдь не доставитъ

вамъ больше удовольствія, чѣмъ неторопливый, спокойный трудъ неизвѣстнаго художника. Опрометчиво дорого покупая популярныя произведенія популярнаго художника, вы, по всѣмъ вѣроятіямъ, найдете, что приобрѣли картины, о которыхъ вы ни мало не заботитесь, и потратили на нихъ такія суммы, на которыя вы могли бы купить двадцать картинъ, доставляющихъ вамъ наслажденіе, потому что цѣны на картины современныхъ вамъ художниковъ никогда не выражаютъ и не могутъ выражать ни количества труда, ни заключающей въ нихъ стоимости. Цѣны на нихъ, по большей части, выражаютъ лишь степень желанія богачей данной страны приобрести эти картины. Лишь только богатые классы вообразятъ, что обладаніе картинами извѣстнаго художника придаетъ имъ больше значенія или благородства, такъ немедленно цѣны на нихъ начинаютъ подниматься до невѣроятной цифры и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, остаются на этой высотѣ; такъ что, покупая ихъ по этой цѣнѣ, вы на свои деньги приобретаете не соответствующую цѣнность, а только оспариваете побѣду въ тщеславномъ состязаніи. И мыслимо ли тратить деньги болѣе нелѣпымъ и бесполезнымъ образомъ? Хотя бы вами и не руководило хвастливое, пустое тщеславіе, однако вы своимъ упорствомъ все же питаете тщеславіе другихъ; вы сталкиваетесь съ нимъ въ вашемъ состязаніи и содѣйствуете ему; если-бъ тщеславные не встрѣтили въ лицѣ васъ соперника, то ихъ состязанію невольно положенъ былъ бы конецъ. Тщеславному человѣку никогда не доставляетъ удовольствія обладать тѣмъ, чего никто у него не оспариваетъ. Такъ что каждымъ рублемъ, переплачиваемымъ вами за картину сверхъ ея стоимости—т. е. стоимости, окупающей трудъ и время, потраченные художникомъ—вы не только обманываете себя и платите за свое тщеславіе, но и поощряете тщеславіе другихъ и буквально поощряете развитіе гордости. Да, каждый рубль, уплачиваемый вами за художественное произведеніе сверхъ его дѣйствительной стоимости, вы можете разсматривать, какъ прибавку къ грузу умственнаго фосфорита или гуано, который, будучи разсыпавъ по полямъ человѣческой природы, содѣйствуетъ увеличенію урожая тщеславія. Вы, поистинѣ, пашете и бороните самую цѣнную ниву вашей страны, съ цѣлью пожинавъ смерчи; вы ревностно прилагаете руки къ земледѣлію Іова. Хорошо, скажете вы, но высокія цѣны имѣютъ одно преимущество, съ избыткомъ вознаграждающее за всѣ дурныя стороны. Это преимущество состоитъ въ томъ, что такимъ

высокимъ вознагражденіемъ вы поощряете художника и помогаете ему создать одну совершенную картину, вмѣсто нѣсколькихъ посредственныхъ, а одна совершенная картина (по вашему мнѣнію, съ которыми мы согласны) значитъ больше, чѣмъ цѣлая масса посредственныхъ.

Послѣднее вѣрно, но вы не можете этимъ путемъ получить совершенной картины. Великое произведеніе получается тогда только, когда художникъ всецѣло отдается ему, любитъ свой сюжетъ и рѣшается изобразить его возможно лучше, не заботясь о томъ, заплатятъ ли ему за это или нѣтъ; но дурныя произведенія и, вообще, худшія родъ дурныхъ произведеній получается, когда художникъ старается произвести эффектную картину или такую, которая имѣетъ видъ, будто на нее потрачена такая масса труда, которая, дѣйствительно стоитъ высокой цѣны ¹⁾.

Существуетъ, однако, другой пунктъ, и еще болѣе важный, по вопросу о покупкѣ, чѣмъ это пониженіе цѣны до разумнаго предѣла. Я разумю то, что вы должны передавать вашу плату въ руки живыхъ людей, а не класть въ ихъ гроба.

Замѣтите, что, согласно современному порядку платы за картины, ни одинъ художникъ, пока онъ живъ, не получаетъ и половины дѣйствительной цѣны за свое произведеніе. Какъ только онъ умираетъ, его картины, если онѣ хороши, становятся вдвое дороже, чѣмъ прежде; но это повышеніе цѣны указываетъ просто на то, что нелуный знатокъ или покупатель сдѣлалъ выгодную аферу изъ прежней своей покупки. Дѣйствительное значеніе этого факта со-

¹⁾ Во время публичнаго чтенія этой лекціи я приводилъ нѣсколько приблизительно цѣнъ средней стоимости разнаго рода хорошихъ картинъ. По вопросу этотъ слишкомъ сложенъ, чтобъ соотвѣтственно разбирать его здѣсь: это повело бы къ такимъ подробностямъ, которыя утомили бы читателей. Потому я въ общихъ чертахъ замѣчу, что чрезмѣрной платой можно считать вообще все, что свыше тысячи рублей за картину, сдѣланную акварелью, и свыше пяти тысячъ за картину, написанную масляными красками. Художникъ всегда поступаетъ дурно, если тратитъ больше труда на картину, чѣмъ слѣдуетъ, чтобъ эта плата съ избыткомъ вознаградила его, и сдѣлалъ бы лучшее приращеніе своего таланта, если-бъ нарисовалъ двѣ картины взамѣнъ одной, такой дорогой. Акварелисты начинаютъ за послѣднее время рисовать слишкомъ большія картины и придаютъ болѣе значеніе ихъ длинѣ и ширинѣ, чѣмъ вдумчивому труду. Конечно, порой появляются и выдающіяся исключенія, какъ, напр., въ лицѣ Джона Льюиса, всѣ картины котораго, каковы бы ни были ихъ размеры, всегда отличаются безукоризненной тщательностью. За такія картины никакая плата не въ состояніи исполнить его вознаградить.

стоитъ въ томъ, что британская публика, расходуя ежегодно извѣстную сумму на искусство, опредѣляетъ, чтобы изъ каждой тысячи рублей, только пятьсотъ доставались художнику или, вообще, шли на производство предметовъ искусства, а другіе пятьсотъ уплачивались благоразумному торговцу, знающему, что слѣдуетъ купить. Вознагражденія эти, положимъ, очень пріятны и хороши, но только въ извѣстныхъ границахъ; въ размѣрѣ же ста процентовъ всѣхъ расходуемыхъ суммъ, они далеко не указываютъ на правильную экономію. Поэтому, вообще, не покупайте картинъ умершаго художника, если это не вызывается необходимостью сохранить ихъ. Если вы опасаетесь, что онѣ подвергнутся уничтоженію или небрежному обращенію, то покупайте; въ такихъ случаяхъ цѣна, вѣроятно, будетъ не высока; если вы желаете помѣстить ихъ въ публичныя галереи, покупайте; вы въ такомъ случаѣ знаете, что не эгоистично тратите ваши деньги; если вы любили произведенія художника при его жизни и покупали ихъ тогда, то покупайте и теперь, если не находите равныхъ имъ по достоинству изъ числа произведеній живыхъ художниковъ. Но, если вы не покупали ихъ, когда художникъ былъ живъ, то никогда не покупайте ихъ послѣ его смерти; вы никакого добра ему не оказываете, а только отчасти позорите себя. Отыскивайте картины, которыя вамъ дѣйствительно нравятся и, купивъ которыя, вы можете помочь генію, еще не погибшему,—это лучшее удовлетвореніе, которое вы въ силахъ оказать таланту, на который не обратили еще вниманія, и предоставить живущему и борящемуся художнику должную плату и надлежащее поощреніе.

Вотъ, что мы можемъ сказать относительно мотивовъ, которые должны были бы побуждать насъ понижать цѣну на произведенія современнаго искусства и дѣлать ихъ, какъ частную собственность, доступными большому, чѣмъ теперь, количеству людей. Но мы должны стараться объ ихъ доступности и другими способами и, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы постоянно украшать ими общественныя зданія; и, мнѣ кажется, что въ этой области мы можемъ, главнымъ образомъ, находить возможность доставлять постоянное занятіе молодымъ художникамъ, о которыхъ мы говорили въ прошлой бесѣдѣ.

Первый и наиболѣе важный роль зданій, въ которыхъ мы можемъ быть увѣрены, что будемъ всегда нуждаться—это школы; и

я просилъ бы васъ тщательно обдумать, не можемъ ли мы мудровести нѣсколько весьма важныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ украшенія нашихъ школъ. До сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, такъ трудно было доставлять все нужное для воспитанія нашихъ юношей, что мы или принуждены были довольствоваться для этого самой скудной обстановкой и голыми стѣнами, или же считали эту дешевую обстановку съ голыми стѣнами однимъ изъ наиболѣе подходящихъ средствъ воспитанія и находили, что мальчики лучше учатся, сидя на жесткихъ скамейкахъ и имѣя кругомъ себя и передъ собой и надъ собой голую штукатурку, на которой они могли бы сосредоточивать излишекъ своего вниманія; мы, можетъ быть, приучали ихъ къ грубымъ и безобразнымъ условіямъ и предметамъ, считая это средствомъ, подготовляющимъ ихъ къ трудностямъ жизни, или имѣли въ виду возможно меньшій вредъ поламъ и обстановкѣ на случай, если-бъ, въ отсутствіе учителя, ученики обратили классы въ арены битвъ. Но все это можетъ быть хорошо и необходимо только при воспитаніи деревенскихъ мальчиковъ и при первоначальномъ воспитаніи мальчиковъ вообще. По само собой понятно, что въ жизни хорошо образованнаго юношества всегда наступаетъ періодъ, когда однимъ изъ главныхъ элементовъ его воспитанія является или должно являться облагораживаніе его привычекъ, состоящее не только въ обученіи его суровымъ упражненіямъ, но и въ усиленіи его тѣлесной чувствительности, его ловкости, изысканности, въ сообщеніи ему умѣнія должнымъ образомъ обращаться со всѣми вещами и беречь ихъ. Но мало того: я думаю, что мысль сосредоточивать вниманіе при помощи пустыхъ комнатъ и голыхъ стѣнъ—вполнѣ ошибочна и что именно въ наиболѣе пустыхъ комнатахъ вниманіе и блуждаетъ наиболѣе безпокойно, словно птичка, которая, за недостаткомъ насѣста, ищетъ возможности вырваться изъ клѣтки. И если-бъ даже вниманіе учениковъ и было этимъ способомъ насильственно сосредоточено на какомъ-нибудь предметѣ преподаванія, то самый этотъ предметъ сталъ бы для нихъ отвратительнымъ именно въ силу того, что изученіе его ассоціровалось бы у нихъ съ такой пошлой обстановкой; и многіе предметы кажутся скучными и мучительными именно въ силу того, что они преподаются за засаленной деревянной партой и среди стѣнъ, исчерченныхъ и испачканныхъ, тогда какъ они были бы довольно интересны въ завѣшанномъ уголкѣ отцовской бібліотеки или у рѣ-

штетчатого окна коттеджа. Да, по моему мнѣнію, самой лучшей классной комнатою служить самая красивая, и тихая лѣсная про-сѣлка или уголокъ на берегу озера — лучше всевозможныхъ классныхъ комнатъ христіанскаго міра, послѣ того, какъ мы покончили съ таблицей умноженія; но, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что долженъ наступать періодъ въ жизни каждаго хорошо образованнаго юноши, когда онъ можетъ сидѣть за письменнымъ столомъ, не чувствуя потребности запустить чернильницей въ сосѣда, и когда умственные усилія будутъ для него легче въ изящной, красивой обстановкѣ, чѣмъ въ безобразной. Когда наступитъ эта пора, онъ долженъ перейти въ хорошо украшенныя школы, и этотъ переходъ долженъ являться очень важной и почетной эпохой въ его жизни.

Я не имѣю, однако, достаточно времени, чтобы настаивать на той пользѣ, которую наши юноши могутъ извлечь изъ художественной декоративной архитектуры, но мнѣ необходимо обратить ваше вниманіе на вліяніе извѣстнаго рода декоративнаго искусства, которое я желалъ бы доставить юпошамъ, а именно исторической живописи. Вы знаете, что до настоящаго времени мы пріобрѣтали всѣ наши историческія свѣдѣнія путемъ слуха, а отнюдь не путемъ зрѣнія; все, что мы знаемъ по части исторіи, мы знаемъ изъ словесныхъ описаній, а не изъ зрительныхъ изображеній. Но я ни мало не сомнѣваюсь, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ становиться умнѣе — а мы становимся умнѣе съ каждымъ днемъ — мы будемъ все яснѣе понимать, что глазъ — болѣе благородный органъ, чѣмъ ухо, и что путемъ зрѣнія мы въ дѣйствительности должны пріобрѣтать и оформливать почти всѣ полезныя свѣдѣнія, которыя намъ надлежитъ имѣть о здѣшнемъ мірѣ. Даже и въ настоящее время, вдумываясь, вы увидите, что тѣ свѣдѣнія, которыя предполагается, будто мальчикъ пріобрѣтаетъ путемъ устной передачи, полезны ему только въ томъ случаѣ, если онъ такъ или иначе видѣлъ тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Я отлично помню, что въ теченіе многихъ лѣтъ мое понятіе о греческомъ воинѣ составлено было мною единственно по небольшой иллюстраціи, приложенной къ карманному изданію Гомера, и по почтительному изученію конной гвардіи. И хотя я охотно допускаю, что большинство мальчиковъ почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ болѣе разнообразныхъ источниковъ и болѣе тщательно пользуются ими при

составленіи своихъ понятій о различныхъ предметахъ, тѣмъ не мѣнѣе и они должны отыскивать тѣ источники, которые производили бы впечатлѣніе на ихъ зрѣніе; если они умные мальчики, то пойдутъ посмотрѣть на греческія вазы и скульптурныя изображенія, находящіяся въ Британскомъ музеумѣ, и на оружіе, находящееся въ нашихъ арсеналахъ; они увидятъ блескъ дѣйствительнаго оружія, его греческую форму и составятъ себѣ фантастически вѣрное представленіе, хотя оно въ большинствѣ случаевъ не будетъ живое и вѣрное, а потому и не интересное. Такимъ образомъ, значеніе для учениковъ нашей исторической декоративной живописи состояло бы въ оживленіи исторіи тысячами разнообразныхъ способовъ, рисуя передъ ихъ взорами живую картину прошедшихъ событій, насколько это возможно для правдивой и разумной фантазіи, такъ что учителю пришлось бы только указывать ученикамъ на стѣны ихъ классовъ, чтобы навсегда значеніе каждаго его слова запечатлѣлось въ умѣ мальчика самымъ лучшимъ способомъ. Развѣ, говоря о классической одеждѣ, ученику не нужно знать, на что была похожа туника, епанча или тога? Въ настоящее время, чтобы дать ему объ этомъ понятіе, вамъ приходится указывать на какую-нибудь дрянную иллюстрацію энциклопедическаго словаря, изображающую эту одежду, торчащую на палкѣ, тогда же вы могли бы указать на сотни фигуръ, носящихъ эти одежды со всею яркостью ихъ цвѣтовъ, со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ и пышностью; и ученики сразу поняли бы, какъ онѣ ниспадали, когда человекъ стоялъ, развѣвались съ плечъ, когда онѣ шель, прикрывали лицо, когда онѣ плакали, или защищали голову, когда онѣ шель на войну. Теперь, если вамъ нужно узнать, на что похоже такое-то оружіе, вы отыскиваете соотвѣтствующую страницу съ иллюстраціей, на которой пики разставлены рядами и ефесы шпагъ симметрическими группами; и постепенно мальчикъ получаетъ смутное представленіе о томъ, какъ въ одной шпагѣ крючекъ придѣланъ справа, а въ другой слѣва, и какъ у одного дротика была горбина, а у другого нѣтъ; тогда же одного взгляда на хорошую картину въ первый дождливый день въ школьной комнатѣ достаточно было бы, чтобы навсегда запечатлѣть въ его умѣ картину того, какой видъ имѣютъ шпаги и сабли, когда ихъ заносятъ или когда ими рубятъ; какъ онѣ прокалываютъ, сгибаются, ломаются; какъ люди держатъ ихъ и умираютъ отъ нихъ. Но развѣ не гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ эти одежды и

оружіе, имѣть для насъ вопросъ о людяхъ? И кто можетъ достаточно оцѣнить то вліяніе, какое на душу юноши, передъ которымъ раскрывается міръ, можетъ имѣть правдивое и трогательное изображеніе дѣяній и образовъ великихъ людей? Сколько рѣшеній, измѣняющихъ и облагораживающихъ всю его дальнѣйшую жизнь, можетъ возникнуть и сложиться въ его душѣ, когда онъ въ мечтательномъ полусвѣтѣ сквозь собственные слезы увидитъ передъ собой устремленные на него спокойные энергичные взоры тѣней великихъ покойниковъ, взоры, пронизывающіе его душу; или когда ему покажется, что уста ихъ шепчутъ ему упрекъ или тихое увѣщаніе. И если бѣ изъ великаго множества случаевъ это оправдалось даже только въ одномъ, и такое вліяніе измѣнило бы мысли и судьбу немногихъ и заставило хоть нѣсколькихъ пылкихъ и безпечныхъ юношей направить ихъ энергію не на скачки и картежную игру, а на благородную жизненную арену и святую, самоотверженную жизнь, полную славы для нихъ и добра для ихъ родины, то и тогда, спрашивается, не было ли бы это въ извѣстномъ отношеніи истинной политической экономіей искусства?

Замѣтьте, что тутъ могла бы отсутствовать и монотонность, и повторяемость изображаемыхъ сценъ. Но даже, если бы сцены эти и повторялись и вы пожелали бы для каждой школы имѣть изображеніе смерти Леонида, Мараонской битвы, смерти Клеобиса и Битона,¹⁾ то все же въ картинахъ могло бы быть не больше монотонности, чѣмъ у религіозныхъ итальянскихъ художниковъ въ ихъ повтореніяхъ на извѣстный рядъ излюбленныхъ темъ. Но намъ не за чѣмъ имѣть опредѣленный кругъ картинъ. Если бы у насъ было даже столько же высшихъ школъ, сколько имѣется крупныхъ городовъ (а когда-нибудь, я надѣюсь, ихъ будетъ столько же), то и тогда благородныхъ и трогательныхъ сценъ въ жизни даже одного благороднаго народа хватило бы на цѣлыя столѣтія. Къ тому же вы въ скоромъ времени не станете ограничивать обученіе вашего юношества такими узкими рамками. Я увѣренъ, что скоро настанетъ время, когда люди придутъ къ заключенію, что тѣ же практическіе результаты,—какъ въ дѣлѣ духовной дисциплины, такъ и въ обла-

¹⁾ Клеобисъ и Битонъ—по аргивской легендѣ—сыновья Кипидиппы, жрицы Геры Аргосской, которые на себѣ повезли, къ празднеству Геры, колесницу матери и, заснувъ послѣ того, болѣе не просыпались.

сти политической философіи,—достигаются при тщательномъ изученіи средневѣковой и новѣйшей исторіи, какъ и при изученіи древней, и что факты средневѣковой и современной исторіи, въ общемъ, имѣютъ гораздо большее значеніе для насъ. И между этими благородными группами школъ, которыми, какъ я предвижу, вся Англія покроется словно звѣздами, будетъ существовать раздѣленіе обширной области мысли, и, давая ученикамъ великое общее понятіе о всемірной исторіи, насколько это доступно человѣку, каждый учитель возьметъ на себя, какъ спеціальную свою обязанность, болѣе тщательное изученіе какого-нибудь ряда событій извѣстной эпохи и опредѣленной мѣстности. Онъ дастъ общій обзоръ всей исторіи и болѣе тщательный — той, которую онъ выберетъ, какъ свой спеціальный предметъ, и положить въ основу, своего политическаго и нравственнаго ученія, по возможности, полное изслѣдованіе результатовъ дѣянія людей этой мѣстности и эпохи. Такимъ образомъ, галлерей той школы, въ которой онъ будетъ преподавать, украсятся историческими сценами эпохи, избранной имъ для его спеціальнаго изученія.

Таково примѣненіе искусства къ украшенію громаднаго числа зданій, предназначенныхъ для обученія юношества. Слѣдующую, не менѣе обширную группу, въ которую необходимо ввести декоративную живопись и архитектуру, представляютъ зданія, которымъ при прогрессѣ народнаго развитія предстоитъ играть въ скоромъ времени роль болѣе значительную, чѣмъ до сихъ поръ. Я разумѣю зданія, служащія для собранія нашихъ ремесленныхъ союзовъ.

И здѣсь я въ послѣдній разъ долженъ снова прервать предметъ нашего изслѣдованія, съ цѣлью установить еще одинъ принципъ политической экономіи, принципъ столь же простой, какъ и безспорный, но, не понимая котораго, мы постоянно впадаемъ въ коммерческія затрудненія и даже испытываемъ различныя препятствія въ нашихъ промышленныхъ изобрѣтеніяхъ, такъ какъ многіе наши дѣловые люди на практикѣ отвергаютъ его

Представьте себѣ, что человѣкъ шесть или двѣнадцать при кораблекрушеніи выброшены на берегъ необитаемаго острова и предоставлены своимъ собственнымъ силамъ; одинъ изъ нихъ, конечно, возьмется за одну работу, другой за другую, смотря по способностямъ каждаго изъ нихъ; самый сильный примется копать и рубить лѣсъ; болѣе ловкій—шить обувь изъ коры и одежду изъ

шкуръ; болѣе образованный примется отыскивать желѣзо или свинецъ въ горахъ или составлять планы каналовъ для орошенія полей. И хотя бы между ними и существовало естественное распределение занятій, тѣмъ не менѣе, эта группа выброшенныхъ на берегъ людей отлично понимала бы, что наибольшаго успѣха она достигнетъ, помогая, а не мѣшая другъ другу; она точно такъ же ясно сознавала бы, что такая помощь можетъ существовать только при искреннихъ и довѣрчивыхъ отношеніяхъ, когда затрудненія, встрѣчаемыя каждымъ изъ нихъ, понятны остальнымъ. Такъ что малѣйшее проявленіе въ комъ-либо изъ нихъ скрытности или желанія обособиться справедливо внушило бы остальнымъ немедленное подозрѣніе, и они сочли бы это за признакъ эгоистическаго или неразумнаго поступка. Если-бъ, напримѣръ, образованный изъ среды ихъ господинъ, безъ вѣдома остальныхъ, отправился бы ночью переставлять шлюзы, то остальные могли бы подумать, и, вѣроятно, вполне справедливо, что онъ пожелалъ воспользоваться наибольшимъ количествомъ воды для своего поля, и если-бъ башмачникъ отказался указать имъ, гдѣ растутъ тѣ деревья, изъ коры которыхъ онъ выдѣлываетъ сандалии, то они, естественно, подумали бы, и, по всей вѣроятности, вполне справедливо, что онъ не хочетъ, чтобы они знали, сколько имѣется этой коры, желая получить отъ своихъ товарищей больше хлѣба и картофеля, чѣмъ стоить его сандалии. И, такимъ образомъ, хотя каждому человѣку будетъ предоставлено извѣстное количество времени, въ теченіе котораго онъ можетъ дѣлать, что хочетъ, но въ дѣлѣ его специальной работы, предпринятой имъ для общей пользы, всякая скрытность съ его стороны будетъ всегда считаться признакомъ грозящаго бѣдствія, требующимъ или выясненія, или немедленнаго устраненія, тѣмъ болѣе, что, какова бы ни была эта работа, всегда при ней встрѣтятся затрудненія, которыя, если будутъ выяснены, могутъ, такъ или иначе, быть облегчены или устранены при помощи остальныхъ, при чемъ каждый изъ нихъ не только удачнѣе, но и выгоднѣе, и быстрѣе преуспѣваетъ въ своей работѣ при отсутствіи всякихъ тайнъ, когда онъ открыто выясняетъ свои затрудненія и открыто получаетъ ту помощь, которую ему возможно оказать и которую онъ, въ свою очередь, принесетъ другимъ.

И какъ лучшіе и плодотворнѣйшіе результаты по обилію и счастью для всѣхъ получаются, когда люди неуклонно и тщательно

слѣдуютъ такой системѣ откровеннаго общенія и взаимной поддержки другъ друга въ трудѣ,—такъ худшіе и бѣднѣйшіе результаты получаются при системѣ скрытности и враждебности; счастье и благосостояніе каждаго человѣка безспорно уменьшаются по мѣрѣ того, какъ зависть и скрытность становятся болѣе распространенными принципами общественной и промышленной жизни. Въ общемъ, не полезно, а вредно было бы и для человѣка науки, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы открыто объявить, гдѣ находится хорошее желѣзо, тщательно скрывалъ бы каждую залежь, желая за рѣдкій плугъ получить отъ фермера больше хлѣба или отъ швеи за грубую иглу больше работы; и, въ концѣ концовъ, получилась бы не польза, а оказался бы только вредъ для самихъ фермеровъ, если бы они старались сжечь другъ у друга запасы, чтобъ повысить цѣну на свой хлѣбъ, или швеи пытались переломать другъ у друга иглы, съ цѣлью забрать всю работу въ свои руки.

И эти законы человѣческой дѣятельности такъ же непреложны въ ихъ примѣненіи къ труду милліона людей, какъ и къ работѣ шести или двѣнадцати. Всякого рода вражда, зависть, противодѣйствіе, скрытность вполнѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ, одинаково вредны и по самой своей природѣ никогда не могутъ ничего ни созидать, ни производить; всякого же рода благорасположеніе, товарищество и общительность неизбѣжно имѣютъ творческое, а не разрушительное вліяніе; при чемъ вредные принципы противодѣйствія и исключительности являются не менѣе, а болѣе пагубными при ихъ примѣненіи къ обширнымъ массамъ людей и по мѣрѣ того, какъ ихъ вліяніе оказывается болѣе скрытымъ. Въдъ соперничество, неизбѣжно производя извѣстное количество вреда и лишая общество извѣстнаго опредѣленнаго количества обладаемаго имъ богатства, не ограничивается этимъ, но, судя по величинѣ общины, приносить еще большій и тонкій вредъ, скрывая свое пагубное вліяніе подъ видомъ меркантильной сложности и меркантильной выгоды, порождая множество ложныхъ теорій, основанныхъ на подлой вѣрѣ въ немедленное появленіе добра и здѣсь и тамъ,—какъ результатъ порядка вещей, обладающаго всеобщими и вѣчными свойствами зла. Время и силы націи, такимъ образомъ, бесполезно тратятся не только на жалкую взаимную борьбу, но и на бесплодныя жалобы, безосновательныя противодѣйствія, пустыя изслѣдованія и бесполезные эксперименты въ области законодатель-

ства, избирательной практики и всякаго рода измышлений, въ вѣчной надеждѣ раздобыть мудрость изъ какого-нибудь вновь изобрѣтеннаго отдѣленія въ ящикѣ для баллотировки и извлечь благосостояніе изъ облаковъ при помощи какихъ-нибудь новыхъ пучковъ электрической проволоки; тогда какъ въ это время мудрость вызываетъ на перекресткахъ улицъ, и небесныя благословенія готовы излиться на насъ дождемъ, болѣе обильнымъ, чѣмъ рѣки, болѣе живительнымъ, чѣмъ роса, если только мы будемъ повиноваться первымъ простымъ принципамъ человѣчности и первымъ явнымъ указаніямъ неба: „Производите судъ справедливый, оказывайте милость и состраданіе каждый брату своему, и зла другъ противъ друга не мыслите въ сердцахъ вашихъ“ *).

Поэтому я твердо вѣрю, что по мѣрѣ того, какъ законы народнаго благосостоянія станутъ все болѣе и болѣе примѣняться нами, мы все ревностнѣе будемъ направлять нашъ трудъ на путь общности и взаимной прямоты, и однимъ изъ первыхъ средствъ для достиженія этого будетъ возстановленіе прежнихъ гильдій для всѣхъ значительныхъ ремеслъ въ ихъ жизненныхъ, а не формальныхъ условіяхъ. Будутъ обширные дома для совѣщаній или для членовъ

*) Было бы далеко не бесполезно, если бы наше духовенство, вмѣсто того, чтобы постоянно проповѣдывать на тему объ учении о вѣрѣ и о добрыхъ дѣлахъ, хотя немного объясняло бы своей паствѣ, что оно разумѣетъ подъ добрыми дѣлами. Нѣтъ ни одной главы во всей книгѣ, признаваемой нами за священную, которая болѣе непосредственно относилась бы къ Англіи, чѣмъ книга пророка Аввакума, а между тѣмъ, я не слышалъ во всю мою жизнь ни одной проповѣди на ея практическіе тексты. Я думаю, что всѣ наши проповѣдники боятся и знаютъ, что ихъ паства, спокойно сидящая и вѣжливо слушающая ихъ разсужденія на тексты изъ посланія къ Римлянамъ, тотчасъ же всполошилась бы, если-бъ дѣло коснулось до текста, непосредственно относящагося къ ихъ практической жизни. Но за то не было бы у насъ промышленныхъ катастрофъ, не было бы отчаяннаго пауперизма, если бы мы почаще читали и близко принимали къ сердцу слѣдующія простые слова: „надменный человѣкъ, какъ бродящее вино, не успокоивается, такъ что расширяетъ душу свою, какъ адъ, и какъ смерть онъ ненасытенъ. Но не всѣ ли будутъ произносить о немъ притчу и насмѣшливую пѣснь: „горе тому, кто безъ мѣры обогащаетъ себя не своими и обременяетъ себя залогами“ (что за прелестная характеристика жизни человѣка, жаднаго до богатства!) „Горе тому, кто жаждетъ неправедныхъ приобрѣтеній для дома своего, чтобы устроить гнѣздо свое на высотѣ“. „Горе строящему городъ на крови и созидающему крѣпости неправдою! Вотъ, не отъ Господа ли Саваога это, что народы трудятся для огня, и племена мучатъ себя напрасно?“

управленія каждой отрасли промышленности во всѣхъ городахъ королевства, преимущественно занимающихся данной промышленностью, и менѣе обширныя совѣщательныя палаты въ другихъ городахъ; и въ каждой совѣщательной палатѣ будутъ должностныя лица, первой обязанностью которыхъ будетъ вникать въ дѣла каждаго рабочаго даннаго ремесла, пожелавшаго обратиться къ нимъ въ случаѣ безработицы; и если такой рабочій дѣйствительно хочетъ и способенъ работать, то они должны немедленно приискывать ему работу за плату, опредѣляемую періодически совѣщательными собраніями; затѣмъ, на ихъ обязанности будетъ лежать доводить до свѣдѣнія собранія о всѣхъ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ данной отрасли промышленности и о средствахъ для распространенія и примѣненія этихъ улучшеній, при чемъ никакіе частныя патенты не допускаются, такъ какъ всякаго рода изобрѣтенія и улучшенія будутъ достояніемъ каждаго члена гильдіи, и только послѣ успѣшнаго испытанія ихъ изобрѣтатель можетъ получить извѣстное вознагражденіе.

Для такихъ и подобныхъ имъ цѣлей станутъ, надѣюсь, существовать палаты, и тогда, при разрисовкѣ и убранствѣ ихъ, особенное вниманіе должно быть обращено на выраженіе значенія и благородства того спеціальнаго ремесла, для членовъ котораго основана извѣстная палата. Однимъ изъ худшихъ симптомовъ современнаго общества, по моему мнѣнію, служить то, что въ его глазахъ занятіе ремеслами является признакомъ болѣе низкаго положенія, а не большаго благородства. Я же думаю, что ремесленники могутъ и должны считаться болѣе благородными личностями, чѣмъ праздные и бесполезные джентельмены, и, — полагаю, — что искусство можетъ оказать добрую услугу, наглядно изображая на стѣнахъ зданій каждаго цеха ту пользу, какую люди, принадлежащіе къ нему, оказываютъ и оказали своей странѣ; это можетъ быть достигнуто изображеніемъ портретовъ людей, содѣйствовавшихъ прогрессу промышленности, торговли и цивилизаціи, а также и выдающихся эпизодовъ изъ ихъ жизни. Я не могу подробно прослѣдить этого вопроса во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и направленіяхъ; къ тому же я на мало не сомнѣваюсь, что, въ общемъ, вы признаете справедливость высказанныхъ мною принциповъ и постараетесь сами выяснитъ всѣ вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Мнѣ хотѣлось бы сказать еще кое-что о томъ, что можно сдѣлать въ этомъ

отношеніи для богадѣленъ, больницъ и для тѣхъ домовъ, которые, какъ я постараюсь показать въ примѣчаніяхъ къ этой лекціи, будутъ, надѣюсь, рабочими домами не въ томъ смыслѣ, какъ теперь; но я и безъ того уже слишкомъ злоупотреблялъ вашимъ вниманіемъ и потому, въ заключеніе, ограничусь только краткимъ повтореніемъ тѣхъ простыхъ принциповъ относительно богатства, которые мы успѣли добыть въ теченіе нашихъ изслѣдованій и которые, въ сущности, являются только буквальнымъ и практическимъ признаніемъ правила, признаваемаго каждымъ добрымъ человѣкомъ, а именно, что онъ не болѣе, какъ охранитель и распорядитель ввѣренныхъ ему талантовъ. Только не странно ли, что, признавая, болѣе или менѣе, справедливость этого изреченія въ метафорическомъ смыслѣ, мы никогда не признаемъ его въ буквальномъ смыслѣ. Вы знаете, что поученіе это передано намъ въ притчѣ о монетахъ, называемыхъ талантами. Монеты эти даны рабамъ для употребленія. Рабъ лукавый и лѣнивый зарылъ въ землю и скрылъ деньги Господина своего. И мы, принимая эту притчу въ ея поэтическомъ и духовномъ значеніи, говоримъ, что подъ деньгами, конечно, подразумѣваются не деньги, а остроуміе, умъ, вліяніе въ высшихъ сферахъ,—словомъ, все, что угодно, но только не деньги. И неужели вы не замѣчаете, какаѣ миленькая и занятная увертка заключается для большинства изъ насъ при такомъ толкованіи этой притчи въ духовномъ ея смыслѣ. Конечно, если бы мы обладали остроуміемъ, то употребили бы его на пользу ближнихъ. Но у насъ нѣтъ остроумія. Конечно, если бы мы пользовались вліяніемъ среди епископовъ, то употребили бы его на пользу церкви. Но такого вліянія у насъ нѣтъ. Безспорно, обладай мы политической властью, то воспользовались бы ею на благо народа, но мы лишены ея,—словомъ, никакого таланта не ввѣрено намъ. Правда, мы обладаемъ деньгами, но развѣ притча могла разумѣть нѣчто столь пошлое, какъ деньги; нѣтъ, деньги никѣмъ не ввѣрены намъ; онѣ наша собственность.

Я думаю, что, серьезно вдумываясь въ этотъ вопросъ, вы поймете, что понимать притчу въ прямомъ и буквальномъ значеніи такъ же законно, какъ и въ любомъ переносномъ, и что въ ней подъ талантами спеціально разумѣются и деньги; причина же, почему мы этого не допускаемъ, кроется въ нашемъ молчаливомъ признаніи, что, въ то время, какъ мысль, остроуміе, разумъ,—однимъ словомъ, всѣ преимущества рожденія и положенія, дѣйствительно, дарованы намъ,

и мы въ нихъ должны отдать отчетъ Тому, отъ Кого ихъ получили,—богатство никѣмъ намъ не дано; оно нами заработано, и мы въ правѣ употребить его, какъ хотимъ. Я думаю, что вы согласитесь съ справедливостью моего объясненія этого страннаго явленія. Красота, говоримъ мы, дарована намъ Богомъ—это талантъ. Сила и энергія дарованы Богомъ—это таланты; но деньги,—эта подобающая плата за нашъ дневной трудъ,—не талантъ, а нѣчто должное, и мы въ правѣ тратить ихъ, какъ заработанныя нами.

И въ этомъ разсужденіи была бы тѣнь справедливости, если бы та сила, благодаря которой мы наживаемъ богатства, не являлась бы однимъ изъ примѣненій ума или энергіи, признаваемыхъ нами за таланты. Почему одинъ богаче другого? Потому, что онъ смысленѣе, настойчивѣе, проникательнѣе, разсудительнѣе. Хорошо, но кто создалъ его болѣе настойчивымъ и проникательнымъ, чѣмъ другіе? Сила настойчивости, быстрота соображенія, хладнокровіе въ сужденіи, благодаря которымъ онъ въ состояніи воспользоваться благопріятными случайностями, не замѣчаемыми другими, его способность упорно держаться извѣстной линіи и быть послѣдовательнымъ въ своей дѣятельности, развѣ все это не таланты и притомъ такіе, которые, при современномъ порядкѣ вещей, являются наиболѣе высоко цѣнными и вліятельными изъ всѣхъ духовныхъ даровъ? И развѣ не поразительно, что въ то время, какъ мы стыдимся воспользоваться преимуществомъ нашей физической силы, чтобы столкнуть нашихъ болѣе слабыхъ товарищей съ выгодныхъ мѣстъ, мы, не колеблясь, пользуемся нашими духовными преимуществами, чтобы оттолкнуть ихъ отъ тѣхъ благъ, которыхъ можемъ достигнуть благодаря энергіи нашего ума или характера. Вы бы почувствовали страшное негодованіе, если бы увидали, какъ сильный мужчина, войдя въ театръ или въ аудиторію и спокойно высмотрѣвъ себѣ наиболѣе удобное мѣсто, взялъ за плечи болѣе слабого, сидѣвшаго на немъ, и отправилъ бы его въ задніе ряды или на улицу. Вы точно такъ же вознегодовали бы, если бы увидали, что здоровенный парень бросился къ столу, за которымъ сидятъ нѣсколько голодныхъ дѣтей и, протянувъ свою руку надъ ихъ головами, отобралъ у нихъ хлѣбъ. Но вы нисколько не негодуете и считаете вполне справедливымъ, чтобы человѣкъ, обладающій силой мысли, быстротой соображенія, а вмѣсто длинной руки одаренный гораздо болѣе цѣннымъ талантомъ въ видѣ смѣтливой головы, поль-

зовался этими дарами, чтобъ отнимать жлѣбъ отъ рта другихъ людей, занимающихся одинаковымъ съ нимъ дѣломъ въ томъ же городѣ; или пользовался широтой и проницательностью своего взгляда, чтобы заплести нѣкоторыя отрасли промышленности своей страны одной обширной паутиной, въ которой онъ является главнымъ паукомъ, прикосновеніемъ своихъ лапъ заставляя каждую нить колебаться, а проницательнымъ своимъ взоромъ распоряжаясь всѣмъ окружающимъ. И вы не находите въ этомъ ничего несправедливаго.

Но тутъ кроется глубокая несправедливость; и будемъ надѣяться, что, въ недалекомъ будущемъ, каждый почтенный человѣкъ будетъ гнушаться быть причастнымъ ей. Правда, до извѣстной степени это не нарушаетъ справедливости, а даже необходимо. Безспорно, справедливо, чтобы энергія пользовалась преимуществомъ надъ праздностью, чтобы наибольшимъ вліяніемъ пользовались люди, способные не злоупотреблять имъ, и чтобы мудрый къ концу своего жизненнаго поприща находился въ лучшемъ положеніи, чѣмъ безумецъ. Но именно въ силу этого, неужели безумецъ долженъ быть совсѣмъ несчастенъ, задавленъ и предоставленъ въ жертву тѣмъ страданіямъ, на которыя онъ естественно обреченъ въ силу своего образа жизни и соотвѣтственно своимъ способностямъ? Конечно, нѣтъ. Какъ вы думаете, для чего существуютъ безумцы? Неужели для того, чтобы вы могли ихъ топтать, заставляя умирать съ голоду и извлекать изъ нихъ всевозможную пользу? Совсѣмъ нѣтъ. Они существуютъ для того, чтобы мудрые заботились о нихъ. Таковъ истинный и очевидный фактъ, рисующій отношеніе каждаго сильнаго и мудраго человѣка къ окружающему его міру. Мощь дана ему не для того, чтобы онъ давилъ слабаго, а чтобы онъ поддерживалъ его и помогалъ ему. Въ своемъ домѣ онъ долженъ быть руководителемъ и опорой своихъ дѣтей; внѣ своего дома онъ долженъ тоже быть отцомъ, т. е. руководителемъ и опорой слабыхъ и бѣдныхъ, не только наиболѣе достойныхъ слабыхъ и невинныхъ бѣдныхъ, но и виновныхъ бѣдняковъ, людей достойныхъ наказанія, которые должны были бы поступать лучше, бѣдняковъ, которымъ слѣдовало бы стыдиться самихъ себя. Ничтожно-давать пенсію и убѣжище вдовѣ, лишившейся сына; пищу и лѣкарство рабочему, переломившему себѣ руку, или дряхлой старухѣ, изнывающей на одрѣ болѣзни. Но далеко не ничтожное значеніе имѣетъ то, если вы употребляете ваше

время, ваши силы на борьбу со злобой и глупостью человечества, если вы поддерживаете сбившагося съ пути рабочаго, пока не наставите его на истинный путь, если вы направляете вашихъ сотоварищей-промышленниковъ на пользованіе тѣми удобными случаями, на которые они безъ васъ, по нерадѣнію или по тупости, не обратили бы вниманія. Да, все это имѣетъ большое значеніе, но и еще больше пользы окажете вы, если, вполне достигнувъ того вліянія, котораго заслуживаете, и пріобрѣтя богатство, какъ должную награду за вашу проникательность и разсудительность, вы торжественно примете на себя и отвѣтственность, сопряженную съ этими почестями и богатствами, являясь защитниками и руководителями труда вблизи и вдали. Вѣдь вы, имѣющіе въ своихъ рукахъ эти дары, являетесь дѣйствительными кормчими власти и силы государства. Эти богатства ввѣрены вамъ, какъ сила, которой вы можете пользоваться на благо или во вредъ, такъ же точно, какъ царская власть ввѣрена королямъ, а военная полководцамъ. И, соразмѣрно количеству богатства, находящемуся въ вашихъ рукахъ, вы являетесь посредниками энергіи и труда Англіи, и отвѣтственность за то, будетъ ли этого труда достаточно для удовлетворенія нуждъ государства, лежитъ всецѣло на васъ. Вы можете поднять вашъ скипетръ надъ головами англійскихъ рабочихъ и, когда они преклонятся передъ мановеніемъ его, сказать имъ: „Уничтожьте эти соблазны, вводившіе въ заблужденіе вашихъ отцовъ, устраните эту язву, губящую вашихъ дѣтей; оросите эти пустыни, вспашите нивы, заросшія бурьяномъ, доставьте пищу голоднымъ, свѣтъ—сидящимъ во мракѣ, жизнь—умирающимъ“. Или же вы можете сказать тѣмъ же рабочимъ: „Вотъ я; эта власть въ моихъ рукахъ; идите, устраивайте гору, на которой я могъ бы возсѣдать, словно на престолѣ, гору высокую и широкую; устраивайте корону для моей головы, чтобъ люди издалека видѣли ея блескъ, тките ковры для моихъ ногъ, чтобы я нѣжно ступалъ по шелку и виссону; танцуйте передо мной, чтобы я могъ веселиться, и напѣвайте мнѣ нѣжныя пѣсни, чтобы я могъ сладко дремать; такъ проживу я въ веселіи и умру въ почетѣ“. Но лучше, чтобы такой почетной смерти совсѣмъ не существовало, какъ и того дня, когда такой человѣкъ явился на свѣтъ, и той ночи, когда мать зачала его.

Я надѣюсь, что въ скоромъ времени у насъ останется очень немного такихъ богачей, которые, по небрежности или по жадности,

рѣшатся такъ нарушать славное дѣло, ввѣренное имъ. Я только что сравнилъ богатство, дурно употребляемое, съ паутиной, все опутывающей и все губящей; богатство же, употребляемое на благо людей, есть сѣть священнаго рыбака, спасающая души людей отъ бездны погибели. Настанетъ время—и надѣюсь скоро,—когда эта золотая сѣть богатства міра будетъ широко раскинута, какъ пылающая на небѣ сѣть утреннихъ облаковъ, неся съ собой отраду свѣта, утреннюю росу и призывъ къ благородному и мирному труду. Можемъ ли мы ожидать чего-нибудь меньшаго отъ васъ, богачи Англіи, когда вы вполне сознаете мощь того, чѣмъ вы обладаете не для погибели, а для того, чтобы направлять трудъ, чтобы руководить энергіей, просвѣщать невѣжество, удлинять жизнь всего человѣческаго рода, когда вы признаете, что даже по отношенію къ мудрости міра сего, когда человѣкъ вѣренъ ей, справедливо, что не только „пути ея—пути пріятные, а всѣ стези ея—мирныя“, но что, для всѣхъ сыновъ человѣческихъ, какъ и для тѣхъ, кому она дарована, „долгоденствіе въ правой рукѣ ея, а въ лѣвой у нея — богатство и слава“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣчаніе 1. „Отцовская власть“.

Это положеніе, конечно, не могло встрѣтить одобренія со стороны извѣстной политической группы, и въ одномъ изъ отчетовъ объ этихъ лекціяхъ, помѣщенномъ въ манчестерской газетѣ того времени, сдѣлана была попытка опровергнуть мое положеніе, при чемъ авторъ замѣтки считаетъ отцовской властью только власть Бога, въ силу которой всѣ люди и могутъ считаться братьями. Это совершенно вѣрно, какъ и то, что любое правительство должно быть исполнителемъ и выраженіемъ этой божественной власти. И если правительство перестаетъ быть практическимъ исполнителемъ божественнаго закона, то оно становится тираніей, и значеніе, придаваемое мною словамъ „отеческое правительство“ можно нѣсколько пространнѣе опредѣлить такъ: „это есть исполнительная власть, старающаяся внѣшними формальными человѣческими способами выполнять волю Отца людей по отношенію къ Его дѣтямъ“. Я не могъ дать такого опредѣленія въ популярномъ чтеніи, и даже здѣсь оно неизбежно вызоветъ много возраженій, болѣе вѣроятныя изъ которыхъ я считаю нужнымъ теперь же отмѣтить и опровергнуть.

Съ цѣлью избѣжать необходимости прибѣгать къ такимъ скучнымъ фразамъ, какъ „во-первыхъ нужно замѣтить“, „во-вторыхъ слѣдуетъ возразить“ и т. д., я попрошу у читателей позволенія изложить эти пренія въ формѣ діалоговъ. При этомъ буквою В. я означаю лицо возражающее, а О.—лицо, отвѣчающее на возраженія.

В. Вы говорите, что ваше отеческое правительство есть исполнительная власть, путемъ внѣшнихъ человѣческихъ способовъ выполняющая божественную волю. Но, конечно, такая воля не можетъ нуждаться въ помощи человѣческихъ законовъ, такъ какъ все равно неизбежно исполнится.

О. Въ конечномъ смыслѣ—не можетъ. И разсматривая съ этой точки зрѣнія, люди, совершающіе убійства и грабежи, такъ же исполняютъ волю Бога, какъ и лучшіе и добрѣйшіе люди въ мірѣ. Но въ ограниченномъ смыслѣ даннаго времени, т. е. въ томъ смыслѣ, которое одно только и имѣетъ значеніе для насъ, воля Божья исполняется одними и нарушается другими. И тѣ люди, которые или убѣждаютъ, или заставляютъ исполнять ее, находятся къ людямъ, возмущающимся и нарушающимъ ее, въ положеніи вѣрныхъ дѣтей семьи, которыя, когда Отецъ невидимъ заставляютъ или убѣждаютъ остальныхъ такъ же вести себя, какъ и въ его присутствіи, и, поскольку они въ данное время выражаютъ и поддерживаютъ власть Отца, выполняютъ роль отеческаго правительства въ томъ смыслѣ, какое я ему придаю.

В. Но Провидѣніе съ цѣлью испытанія предоставило человѣку свободу во многихъ отношеніяхъ, и съ какой стати станетъ человѣческій законъ ограничивать эту свободу и принуждать къ тому, къ чему Самъ Великій Законодатель не принуждаетъ?

О. Допущеніемъ какого бы то ни было закона уже признается за законодателями это право. Если вы не имѣете права ограничивать свободу, предоставляемую Провидѣніемъ человѣку, то не имѣете права карать кого бы то ни было за совершенные имъ убійства или грабежъ. Вы должны предоставить Богу или природѣ карать его. Но если вы считаете себя обязаннымъ, поскольку это во власти человѣческихъ законовъ, карать нарушеніе воли Божіей этими великими грѣхами, то вы не менѣе обязаны соотвѣтственно карать и нарушеніе Его воли болѣе мелкими проступками.

В. Нѣтъ, вы не должны пытаться карать закономъ болѣе мелкіе грѣхи, потому что вы въ точности не можете ни опредѣлять, ни утверждать ихъ. Каждый человѣкъ можетъ опредѣлить, было ли совершено убійство или нѣтъ, но вы не можете опредѣлить, поскольку люди были несправедливы или жестоки въ болѣе ничтожныхъ вещахъ, и потому не можете издавать или выполнять законы, до нихъ относящіеся.

О. Если я предлагаю карать за проступки, которые не могутъ быть опредѣлены, или выполнять законы, которые не могутъ справедливо примѣняться, то отвергните предлагаемые мною законы, но не самый принципъ вмѣшательства.

В. Да, я отвергаю самый принципъ вмѣшательства законода-

тельства въ болѣе ничтожныхъ вещахъ, потому что если-бъ вы могли (что немыслимо), регулировать закономъ всѣ человѣческіе поступки какъ самыя важныя, такъ и самыя мелкіе, то лишили бы человѣческую жизнь ея свободы, и многія добродѣтели и радости стали бы невозможны. Вся добродѣтель свелась бы къ механической дѣятельности, и духовная сторона человѣческой жизни исчезла бы.

О. Вы очень вѣрно замѣтили,—и я вполне и охотно соглашаюсь съ вами,— что немыслимо путемъ закона регулировать всѣ мелочи. Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что по мѣрѣ возможности должно регулировать поступки людей? И какимъ способомъ отдѣлите вы область, подлежащую формальному регулированію, отъ области, не подлежащей ему? Вы допускаете, что крупныя грѣхи должны быть законно обузданы, но не допускаете этого по отношенію къ мелкимъ. Какъ отличаете вы, однако, крупныя грѣхи отъ мелкихъ и какъ намѣреваетесь вы опредѣлить или какъ опредѣляете вы на практикѣ повседневной жизни, въ какихъ случаяхъ вы должны заставлять людей поступать правильно и въ какихъ должны предоставлять имъ свободу поступать и неправильно?

В. Я думаю, что относительно этого точное и строго логическое различіе невозможно, но что здравый смыслъ и инстинктъ цивилизованныхъ націй указываютъ на то, что извѣстныя преступленія, какъ, напр., убійства, кражи, развратъ, диффамачія и т. п., очень вредны обществу и что ихъ слѣдуетъ подавлять законнымъ путемъ, и что, съ другой стороны, тотъ же здравый смыслъ и инстинктъ подсказываютъ націи, какихъ вѣступленій ей не касаться; къ послѣдней категоріи можно отнести, напр., скарденность, злословіе и многія промышленныя нечестныя сдѣлки, въ которыя вы, какъ мнѣ кажется, желали бы, чтобы вмѣшивалось ваше отеческое правительство.

О. Пожалуйста не страшитесь того, во что мое отцовское управленіе будетъ или желало бы вмѣшиваться и не отступайте отъ предмета нашей бесѣды. Вы говорите, что „здравый смыслъ и инстинктъ“ различаютъ грѣхи, подлежащіе законному преслѣдованію отъ прегрѣшеній, ему не подлежащихъ, но при этомъ—считаете ли вы законы всѣхъ цивилизованныхъ націй совершенными?

В. Нѣтъ; конечно нѣтъ.

О. Идѣ что они, по крайней мѣрѣ, совершенны въ своемъ разгра-

ниченія преступленій караемыхъ отъ преступленій, которыхъ карать не слѣдуетъ.

В. И въ этомъ отношеніи я не считаю ихъ вполне совершенными.

О. Въ такомъ случаѣ, что хотѣли вы сказать?

В. Я хотѣлъ сказать, что общая тенденція законодательства цивилизованныхъ націй вполне правильна, и что съ теченіемъ времени природный инстинктъ и здравое чувство указываютъ на тѣ стороны жизни, которыя подлежатъ урегулированію путемъ законодательства. Такимъ образомъ каждый вопросъ законодательства долженъ быть отдѣльнымъ предметомъ изслѣдованія, по мѣрѣ того, какъ онъ выдвигается жизнью; и вы не можете установить какихъ бы то ни было общихъ принциповъ относительно того, что должно и что не должно подлежать вѣдѣнію закона.

О. Предположимъ, что это вѣрно; но въ такомъ случаѣ находите ли вы, что существуютъ извѣстные пункты, относительно которыхъ наше англійское законодательство подлежитъ реформѣ, напр., въ настоящее время относительно промышленныхъ и экономическихъ вопросовъ?

В. Конечно.

О. Въ такомъ случаѣ рассмотримъ это спокойно, не волнуясь, и если вопросы, относительно которыхъ я желалъ бы пересмотра нашего законодательства, кажутся вамъ или невуждающимися въ немъ, или не подлежащими урегулированію, то вы такъ и скажите, а не возражайте, отрицая самую мысль о возможности расширенія вмѣшательства законодательства въ вопросы, которыхъ законъ до сихъ поръ не касался. Вы допустили пригодность моего термина „отеческое правленіе“, и все разногласіе между нами сводится къ тому, насколько юрисдикція такой власти должна быть широка. Можетъ быть вы желали бы, чтобы она касалась только продолжительности уроковъ дѣтей, а я—чтобы она регулировала и мѣткость ударовъ шаровъ ихъ крикета; но развѣ вы не можете терпѣливо выслушать, чего именно я желаю, не выступая тотчасъ же съ своими возраженіями?

В. Нѣтъ, я не могу спокойно выслушивать, и не нахожу никакого смысла въ такого рода бесѣдѣ, потому что съ самаго начала вполне увѣренъ, что вы желаете вмѣшательства закона въ вопросы, не допускающіе его, и намѣрены нарушать всевозможными

способами вполне разумную свободу дѣятельности и потому не можете предложить ни одного практически полезнаго закона *).

О. Если вы дѣйствительно увѣрены въ этомъ, то вамъ не зачѣмъ выслушивать меня дальше. Но если вы только подозреваете и не желаете рисковать бесполезной тратой времени, то считаю нужнымъ заранѣе высказать вамъ, что я думаю относительно этой самой свободы дѣятельности. А думаю я, что если мы можемъ по какому бы то ни было вопросу создать вполне справедливый законъ или даже такой законъ, который, въ общемъ, обеспечивалъ бы болѣе справедливое, чѣмъ несправедливое отношеніе, то мы и должны создать его; къ тому же я увѣренъ, что всегда останется обширная область вопросовъ, относительно которыхъ урегулированіе не возможно, и что ея будетъ всегда достаточно и даже болѣе чѣмъ достаточно для упражненія всѣхъ умственныхъ индивидуальныхъ человѣческихъ силъ, представляя притомъ обильное поприще для дѣятельности личной свободѣ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю; но проверить это, конечно, можно только путемъ изслѣдованія всѣхъ возможностей формальнаго обуздыванія въ каждой данной области дѣятельности, и эти двѣ лекціи являются просто очеркомъ такого анализа относительно только одной области, а именно области искусства. Вы встрѣтите однако двѣ—три замѣтки о такой возможности и въ слѣдующемъ примѣчаніи.

Примѣчаніе 2-е. „Право на общественную поддержку“.

Мнѣ не хотѣлось во время чтенія лекціи входить въ подробности или дѣлать намеки по вопросу о регулированіи работы и распредѣленіи помощи, такъ какъ при этомъ необходимо было бы коснуться многихъ спорныхъ и оспариваемыхъ пунктовъ, въ которыхъ не легко разобраться въ смѣшанной аудиторіи. Теперь же я считаю нужнымъ выяснить общія мои положенія.

*) Если читатель возмущается тѣмъ, что я въ уста моего оппонента властаю такое бессмысленное возраженіе, то я прошу меня извинить, но могу его увѣрить, что такого рода возраженія сдѣлали бы очень многие слушатели, а еще большее количество ихъ подумало бы это, не рѣшаясь высказать. До этого возраженія я старался представить моего оппонента въ высшей степени разумно мыслящимъ существомъ, насколько это возможно вообще при изображеніи противника, который расходится съ вами во взглядахъ.

Я думаю прежде всего, что никакая христіанская нація не должна видѣть кого-либо изъ своихъ членовъ въ бѣдѣ безъ того, чтобы не прійти ему на помощь, хотя она, можетъ быть, сочтетъ въ то же время нужнымъ и покарать его; помощь—въ девяти случаяхъ изъ десяти—значить скорѣе руководство, чѣмъ даръ, т. е. вмѣшательство въ его свободу. Крестьянка, увидавъ, что ея безпечный ребенокъ упалъ въ канаву, прежде всего вытащить его изъ канавы, затѣмъ оттаскаетъ его за уши, а послѣ того бережно поведетъ его за руку или отправить домой и не выпуститъ изъ дому до слѣдующаго дня. Ребенокъ обыкновенно при этомъ плачетъ, часто предпочитая остаться въ канавѣ, и, будь онъ знакомъ съ терминами нашихъ политическихъ наукъ, выразилъ бы протестъ противъ вмѣшательства въ его личную свободу, но тѣмъ не менѣе мать выполняетъ свой долгъ. Тогда какъ мать-нація обыкновенно въ такихъ случаяхъ повторяетъ только поговорку охотниковъ на лисицъ: „вотъ, постойка-ка, я тебя высвобожу“. И если-бъ мы могли всегда ихъ высвободить, то ихъ требованія относительно того, чтобы имъ предоставлено было право барахтаться въ грязи независимости, могли бы иногда быть уважены добросердечными людьми или ихъ крики о помощи—оставлены безъ вниманія людьми злыми. Но мы не можемъ „высвободить ихъ“. Вся нація въ дѣйствительности крѣпко связана, какъ связываютъ общей веревкой путешественниковъ, взбирающихся на ледники; и если одинъ изъ нихъ упадетъ, то неизбѣжно потащить за собой и всѣхъ остальныхъ или же всѣ они должны тащить его, какъ мертвое тѣло, не мало тѣмъ увеличивая опасность для себя *). И такъ какъ законъ справедливости состоитъ очевидно въ томъ, чтобы проявлять цѣлесообразную помощь и разумное вмѣшательство, то остается единственный вопросъ о практическомъ осуществленіи этой предусмотрительности.

Вмѣшательство это должно прежде всего проявиться въ воспитаніи. Чтобы люди, достигнувъ зрѣлаго возраста, могли содер-

*) Курьезно слѣдить за усиліями лавочниковъ разорить другъ друга, ни мало не думающихъ о томъ, что разорившійся сосѣдъ долженъ неизбѣжно быть поддерживаемъ также и на его счетъ, при увеличеніи налога въ пользу бѣдныхъ, и что соперничество между ними состоитъ не въ томъ, кто изъ нихъ заберетъ все въ свои руки, а кто первый взвалитъ на себя и на своихъ покупателей обязанность содержать семью своего противника.

жать себя, ихъ силы въ дѣтствѣ и юности должны быть правильно развиты. И государство должно всегда слѣдить за этимъ, отнюдь не дозволяя, чтобы здоровье рабочихъ было надорвано преждевременнымъ непосильнымъ трудомъ или ихъ силы потрачены безплодно за недостаткомъ знанія. На нѣкоторые относящіеся сюда вопросы я отвѣчаю дальше въ слѣдующемъ примѣчаніи „о пробныхъ школахъ“, здѣсь же считаю нужнымъ замѣтить только, что, по моему мнѣнію, всѣ юноши, не взирая на ихъ положеніе, должны вполне основательно изучить какое-нибудь ручное ремесло, такъ какъ поразительно, до какой степени взглядъ людей на жизнь проясняется пріобрѣтеніемъ способности хорошо исполнять какую-нибудь ручную работу. Правда, въ теченіе довольно долгаго времени вся, незначительная доля того хорошаго, что было въ жизни высшихъ классовъ европейскихъ націй, зависѣла въ значительной степени отъ необходимости для каждаго человѣка научиться хорошо фехтовать; въ настоящее же время самое полезное изъ всего, чему научаются мальчики въ общественныхъ школахъ есть умѣніе ѣздить верхомъ, грести веслами и играть въ крикетъ. Но было бы гораздо лучше, если бы члены парламента умѣли хорошо пахать и выдѣлывать подковы, а не только красиво махать веслами и изящно вдѣвать ноги въ стремяна. Затѣмъ въ литературномъ и научномъ нашемъ обученіи важнымъ пунктомъ съ точки зрѣнія экономіи была бы дисциплина ума путемъ знаній, непосредственно пригодныхъ и полезныхъ для жизни. Наше литературное обученіе въ теченіе долгаго времени было для насъ вполне бесполезно, слишкомъ много занимаясь мертвыми языками, и наша научная работа будетъ еще довольно долго въ значительной степени безплодна, такъ какъ люди науки слишкомъ пристрастны къ своимъ системамъ и слишкомъ гордятся ими, заставляя учащихся тратить много времени на усилія пріобрѣтать общіе, широкіе взгляды и слѣдить за интересными сочетаніями фактовъ, тогда какъ вообще изъ тысячи учащихся людей нѣтъ ни одного, который могъ бы прочувствовать всю красоту системы или даже ясно понять ее, хотя почти каждый человѣкъ между тѣмъ можетъ понять факты, относящіеся до повседневной жизни, и интересоваться ими. Ботаники нашли нѣкоторые интересныя родственныя черты у крапивы и фиги, однако пастушкѣ которому никогда въ жизни не придется увидать спѣлую смовву, нечего, конечно, этимъ интересоваться; но ему интересно было бы знать значеніе примѣси крапивы къ сѣну и

какой вкусъ она придаетъ похлѣбкѣ; и онъ почувствуетъ въ себѣ какъ бы притокъ новой жизни, если ему удастся хоть разъ весной хорошо разглядѣть прекрасные кружки бѣлаго цвѣтка крапивы, прослѣдить при помощи учителя изгибы лепестковъ и то, какъ они насажены на стеблѣ. Точно такъ же принципъ химическихъ эквивалентовъ, какъ онъ ни прекрасенъ, гораздо менѣе важенъ для крестьянскаго мальчика или даже для большинства сыновей нашихъ джентельменовъ, чѣмъ умѣніе опредѣлить, здорова ли вода въ цистернѣ кухни и не нуждается ли поле въ пескѣ или извести.

Организовавъ обученіе нашего юношества такъ, чтобы изъ нихъ выходили практически полезные люди къ тому времени, когда имъ приходится вступить въ жизнь, необходимо подготовить и это вступленіе такъ, чтобы работа была всегда къ ихъ услугамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда случайныя обстоятельства не даютъ имъ возможности найти немедленно частную работу. Для этого должны существовать правительственныя заведенія по каждой отрасли промышленности, куда юноши, окончившіе школу, могли бы въ случаѣ желанія вступить въ качествѣ учениковъ и куда во всякое время принимались бы люди, лишенные работы. Въ этихъ правительственныхъ учрежденіяхъ дисциплина должна быть строгая и плата опредѣленная, измѣняющаяся не въ зависимости отъ спроса на производимые продукты, а отъ цѣнъ на пищу. Производимые предметы помѣщаются въ склады на случай внезапнаго повышенія спроса и соотвѣтствующаго быстрого повышенія цѣнъ на рынкахъ, такъ какъ допускается только постепенное и неизбѣжное колебаніе цѣнъ въ зависимости отъ болѣе обильнаго или болѣе скуднаго притока сырого матеріала и отъ другихъ столь-же естественныхъ причинъ. При явномъ стремленіи произвести излишекъ предметовъ какого-бы то ни было производства, этому стремленію ставится преграда, и трудъ юношей правительственныхъ школъ направляется на другія производства, при чемъ ежегодный излишекъ предметовъ является главнымъ средствомъ правительственнаго снабженія бѣдняковъ. Это снабженіе должно быть въ широкихъ размѣрахъ и не считаться безчестіемъ для нихъ. Въ настоящее время существуетъ въ обществѣ довольно странный взглядъ на полученіе милостыни: большинство людей охотно получаютъ ее въ видѣ правительственныхъ пенсій, но не охотно—въ формѣ пенсій отъ приходовъ. Вѣроятно существуетъ какое-нибудь основаніе для такого страннаго

предразсудка, кроющееся въ томъ, что правительственныя пенсіи выдаются обыкновенно за признанную услугу, оказанную государству, но и приходскія пенсіи тоже выдаются или должны даваться на точно такихъ же условіяхъ. Земледѣлецъ своей лопатой такъ же служить странѣ, какъ и люди среднихъ сословій саблей, перомъ или ланцетомъ; если его услуга менѣе значительна и плата, когда онъ здоровъ, меньше, то и награда, когда здоровье надломлено, можетъ быть меньше, но не менѣе почетна. И земледѣлцу должно быть такъ же естественно и справедливо получать пенсію отъ прихода, честно послуживъ ему, какъ и человѣку высшихъ сословій брать пенсію отъ страны, честно послуживъ ей. Если есть доля безчестія въ томъ, чтобы обращаться къ приходу, такъ какъ это можетъ предполагать недостатокъ предусмотрительности въ ранніе годы, то тѣмъ стыднѣе обращаться къ странѣ, въ виду того, что непредусмотрительность гораздо менѣе простительна человѣку, получившему высшее образованіе, чѣмъ полуобразованному, и стыднѣе людямъ высшихъ сословій, гдѣ излишества выражаются въ роскоши, чѣмъ тѣмъ, гдѣ этимъ излишествомъ могутъ быть только удобства. Такъ что, въ дѣйствительности, люди съ восторгомъ принимаютъ милостыни, состоящія изъ экипажа и лакея, потому что это не имѣетъ вида милостыни въ глазахъ толпы, но стыдятся милостыни, состоящей только изъ хлѣба, воды и угольевъ, потому что каждый понялъ бы, въ чемъ дѣло. Я отнюдь не думаю этимъ сказать, что люди должны отказываться отъ экипажей, а только, что они не должны бы отказываться и отъ углей. Я былъ бы глубоко огорченъ, если бы кака-нибудь перемѣна въ нашихъ взглядахъ по этому вопросу повела къ ослабленію духа независимости у англичанъ; но общее опасеніе людей пользоваться общественной благотворительностью происходитъ не отъ независимости, а просто отъ довольно низкаго и узкаго тщеславія. Эти люди далеко не прочь жить на счетъ своего сосѣда, но не желаютъ въ этомъ сознаться; и хотятъ избѣжать не зависимости, а благодарности. Они охотно займутъ мѣста, на которыхъ знаютъ, что нечего дѣлать, охотно займутъ деньги, которыхъ, знаютъ, что не въ состояніи отдать, охотно поведутъ невыгодное предпріятіе на чужія деньги, станутъ обманывать публику въ лавкахъ или жить на счетъ своихъ друзей въ ихъ домахъ, но открыто признаться, что они бѣдны, что нуждаются въ общественной

помощи и идти въ дома призрѣнія бѣдныхъ они надменно не соглашались, предпочитая быть ворами, но не бѣдняками.

Я надѣюсь, что эти недостойныя усилія безчестныхъ людей казаться независимыми и мучительныя усилія несчастныхъ людей оставаться независимыми—могутъ въ значительной степени быть прекращены болѣе совершенной администраціей и болѣе яснымъ пониманіемъ законовъ о бѣдныхъ. Но законы о помощи и законы о работѣ должны идти рука объ руку; въ противномъ случаѣ бѣдствія, порождаемыя несчастіями или неудачами, будутъ, какъ теперь, всегда смѣшиваться съ бѣдствіями, являющимися результатомъ праздности, пьянства и обмана. Только, когда государство слѣдитъ за человѣкомъ и руководить имъ въ теченіе всего періода его жизни, во время котораго онъ не лишенъ работоспособности,—оно и можетъ, не унижая его, оказывать ему помощь въ старости, и эта помощь является признаніемъ того, что человѣкъ честно исполнялъ свой долгъ въ теченіе своей жизни или въ пору лучшихъ дней.

Я знаю, до какой степени странными, фантастичными и непрактичными покажутся эти планы большинству дѣловыхъ людей нашего времени,—людямъ, считающимъ, что самымъ подходящимъ порядкомъ вещей въ этомъ мірѣ является попросту тотъ, при которомъ обширная и безпорядочная толпа вырываетъ другъ у друга все, что можетъ, топчетъ дѣтей и стариковъ въ грязи и фабрикуетъ различные предметы при помощи любой неорганизованной толпы рабочихъ, которую можно соблазнить и собрать, а впоследствии разогнать, предоставляя ей умирать съ голоду. Конечно, многое можетъ быть сдѣлано и этимъ путемъ,—въ особенности націей, которая, какъ наша, одарена здоровыми кулаками и здоровымъ сердцемъ и которую не легко запугать пинками и обезкуражить спибающими съ ногъ ударами. Но все же это не надлежащій путь дѣятельности для націи, называющей себя послѣдовательницею ученія Христа. Каждый христіанинъ требуетъ для каждаго своего собрата защиты и воспитанія въ дѣтствѣ, помощи или наказанія въ пору зрѣлаго возраста и награды, а если нужно и поддержки, въ старости, и все это должно быть вполне и безгранично дано, а дать это возможно только при организаціи только что изложенной мною системы.

Примѣчаніе 3-е. „Испытательныя школы“.

Читатель можетъ серьезно задать вопросъ относительно того, сколько художественныхъ талантовъ мы дѣйствительно губимъ при современной системѣ *) и сколькими обогатились бы мы при су-

*) Припомнимъ, что въ нашей лекціи мы утверждали, что произведенія искусства представляютъ національныя сокровища и потому было бы желательно всѣ руки, способныя рисовать или гравировать, отвлечь отъ другихъ занятій съ цѣлью заставить ихъ производить этого рода богатства. Высказывая это, я отнюдь не разумѣлъ, что произведенія искусства увеличиваютъ денежные источники нации или составляютъ часть ея богатства въ денежномъ смыслѣ. Результатомъ продажи картины будетъ только переходъ извѣстной суммы денегъ изъ рукъ покупателя Б. въ руки А., т. е. челоѣка, произведшаго картину; сумма, подлежащая распредѣленію, остается въ итогѣ та же, только теперь расходовать ее будетъ не Б., а А., трудъ котораго былъ тѣмъ временемъ направленъ по непроизводительному руслу: онъ нарисовалъ картину, которая никому не можетъ служить ни пищей, ни жилищемъ, тогда какъ онъ могъ бы тѣмъ временемъ вырастить рожь или построить домъ. Если продажа картины происходитъ внутри страны, она не увеличиваетъ, а уменьшаетъ денежные источники страны за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда А. потребляетъ деньги, полученныя имъ за картину, разумнѣе и производительнѣе, чѣмъ употребилъ бы ихъ Б. Если картина продается за границу и взаменъ ея ввозятся деньги или полезные предметы производства, то такая продажа увеличиваетъ денежный фондъ продающей нации и настолько же уменьшаетъ его у нации, купившей картину. Но здравой политической экономіи, какъ это ни кажется въ началѣ страннымъ, рѣшительно нѣтъ дѣла до отдѣльных интересовъ націй. Политическая экономія занимается вопросомъ объ управленіи дѣлами всѣхъ гражданъ вообще, изслѣдуя дѣла не исключительно одной какой-либо нации, а цѣлаго міра, рассматриваемаго какъ одна нація. Такъ, если происходитъ обмѣнъ между двумя лицами, настолько же обогащающій А., насколько отъ него Б. становится бѣднѣе, то здравая политическая экономія считаетъ такую сдѣлку непроизводительной, и если торговля обогащаетъ одну націю настолько же, насколько отъ нея бѣднѣетъ другая, то здравомыслящая экономія считаетъ такую торговлю между націями непроизводительной. Не общій политико-экономическій вопросъ, а только частный вопросъ мѣстнаго удобства заключается въ томъ, можетъ ли предметъ, самъ по себѣ не имѣющій никакой цѣны, приобрести мѣновую цѣнность при обмѣнѣ съ какой-нибудь другой націей. Политико-экономъ рассматриваетъ только дѣйствительную цѣнность сдѣланнаго или произведеннаго предмета, и если онъ видитъ, что извѣстное количество труда потрачено, напр., въ Швейцаріи на производство деревянныхъ работъ, продаваемыхъ въ Англію, то онъ сразу устанавливаетъ коммерческое обмѣнѣе англійскаго покупателя соответственно обогащенію швейцарскаго продавца; и считаетъ всю сдѣлку настолько лишь производительной, насколько произведенные предметы изъ дерева сами по себѣ увеличили мировое богатство.

и существованіи предлагаемых мною „испытательныхъ школъ“. Правда, можно было бы предположить, что при современномъ порядкѣ у насъ больше художниковъ, чѣмъ нужно, такъ какъ въ числѣ ихъ есть много дурныхъ, и что всѣ юноши, обладающіе дѣйствительнымъ художественнымъ геніемъ, пробиваютъ себѣ путь изъ мрака неизвѣстности. Но это невѣрно. Трудно прослѣдить тѣ духовныя свойства, въ силу которыхъ юноши ошибаются въ своемъ призваніи и стараются стать художниками, не обладая истинно художественными дарованіями. Но въ дѣйствительности множество юношей впадаютъ въ эту ошибку, и еще большее количество современныхъ художниковъ ошибаются въ своемъ призваніи. Исключительныя обстоятельства современной жизни, въ силу которыхъ предметы всевозможныхъ видовъ искусства бросаются въ нашихъ большихъ городахъ на глаза юношей, естественно ведутъ къ тому, чтобы наполнить ихъ воображеніе скрытыми мыслями, а ихъ умъ несовершеннымъ знаніемъ; отвращеніе къ механическимъ занятіямъ, счи-

вѣдъ установленіе націй такихъ законовъ, цѣль которыхъ доставлять ей возможно больше, а другимъ націямъ возможно меньше выгоды, не составляетъ отдѣла политической экономіи, а просто является довольно смѣлымъ примѣненіемъ науки о мошенничествѣ. Итакъ, разсматривая отвлеченно, картины представляютъ увеличеніе денежнаго богатства міра, лишь поскольку онѣ увеличиваютъ изо дня въ день количество удовольствій и пользы, получаемыхъ отъ нихъ; но произведенія высокаго искусства имѣютъ извѣстное охраняющее вліяніе на богатство, которое всегда нужно включить въ опѣнку ихъ значенія. Вообще говоря, липа, украшающія свои дома картинами, потратятъ меньше денегъ на обои, ковры, шторы и т. п. дорогіе и быстро уничтожающіеся предметы роскоши. Предметы истиннаго искусства, какъ и книги, имѣютъ охраняющее воздѣйствіе на комнаты, занимаемыя ими, и стѣны библиотекъ и картинныхъ галлерей остаются нетронутыми въ то время, какъ стѣны другихъ комнатъ обиваются новыми обоями и украшаются новыми панелями. Конечно, это вліяніе еще болѣе рѣзко въ тѣхъ случаяхъ, когда картины нарисованы на самыхъ стѣнахъ, что неизбѣжно предохраняетъ зданіе отъ всякихъ ненужныхъ и прихотливыхъ измѣненій. И вообще говоря, занятіе большого числа рукъ живописью или скульптурой въ любой націи можетъ считаться средствомъ, предохраняющимъ ее отъ увлеченія быстро уничтожающеюся роскошью. Однако, утверждая, что произведенія искусства представляютъ сокровища, я не особенно принималъ во вниманіе эти побочныя денежныя вліянія. Я просто считаю ихъ сокровищами, какъ постоянныя средства удовольствія и воспитанія. Въ другихъ моихъ произведеніяхъ я уже пытался показать, какими различными путями они могутъ доставлять наслажденіе и содѣйствовать воспитанію, а здѣсь только утверждаю, что они въ силу этого полезны; и что поэтому желательно создать возможно больше художниковъ.

таемымъ трудными и унижительными, побуждаетъ многихъ молодыхъ людей становиться художниками такъ же охотно, какъ они записались бы въ военную или морскую службу; затѣмъ сыновья рѣзчиковъ, граверовъ и художниковъ, изучивъ эти искусства у своихъ родителей и не обладая соотвѣтствующими дарованіями, съ жалкимъ упорствомъ однако продолжаютъ заниматься тѣмъ же, что и родители, считая искусство ремесломъ, доставляющимъ средства для существованія; третьи, наконецъ, руководясь тщеславіемъ, стараются обратить на себя вниманіе или затмить противниковъ фантастическимъ примѣненіемъ своей механической ловкости, создавая нѣчто новое и не имѣющее никакого достоинства; наконецъ, многіе молодые люди, глубоко чувствующие и добросовѣстные въ своихъ убѣжденіяхъ, принимая свое желаніе быть полезными за любовь къ искусству и быстроту воспріимчивости за способность къ искусству, проводятъ всю жизнь въ томъ, что рисуютъ нравственные и поучительныя картины, какъ бы въ подтвержденіе той лжи, что истинными художниками могутъ быть только негодяи. Съ другой стороны, я думаю, что многія лучшія художественныя силы ежедневно гибнутъ, не напавъ на свое призваніе. Вообще люди, изъ которыхъ выходятъ дивныя художники, по самой природѣ своей отличаются скромностью и наблюдательностью; они способны живо интересоваться мелочами и довольствоваться самой жалкой обстановкой. Представьте себѣ, что къ этому присоединяется глубокая совѣстливость, старающаяся выполнять свои обязанности въ любой обстановкѣ, и способность, которой лишены очень немногіе художественныя натуры, благородной изобрѣтательности въ любой области практическаго примѣненія человѣческой ловкости, — и вы ясно поймете, что самая эта скромность и добросовѣстность, которыя могли бы содѣйствовать тому, чтобы изъ нихъ вышли дивныя художники, во многихъ случаяхъ мѣшаютъ имъ избрать это поприще; и что въ мирной жизни нашихъ добросовѣстныхъ ремесленниковъ—терпѣливыхъ рабочихъ и нежалующихся писцовъ—часто скрывается больше дарованій, чѣмъ въ средѣ людей, достигшихъ руководства общественнымъ вкусомъ или отмѣченныхъ общественными похвалами и наградами.

Правда, довольно вѣроятно, что сильная наклонность къ художеству преодолѣетъ самыя тяжелыя препятствія, если окружающія обстоятельства предрасполагаютъ вообще къ мысли о такой

побѣдѣ, но мы не имѣемъ основанія утверждать, что Джіотто не остался бы навсегда пастухомъ, если бы Чимабуэ случайно не засталъ его за рисованіемъ, и что среди пастуховъ Апеннинскихъ горъ осталось не мало такихъ же Джіотто, неоткрытыхъ Чимабуэ. Мы слишкомъ привыкли считать счастливыя случайности за такъ называемыя „спеціальныя указанія Провидѣнія“ и думать, что если предстоитъ совершить какое-нибудь великое дѣло, то Провидѣніе выдвинетъ нужнаго для этого человѣка, будь то изъ среды пастуховъ или рыбаковъ, — человѣка подготовленнаго для этого дѣла всякаго рода болѣе мелкими содѣйствіями Провидѣнія. Тогда какъ по аналогія съ проявленіями божественнаго устройства въ другихъ сферахъ природы мы должны были бы прійти къ иному заключенію: мы видимъ, напр., что изъ тысячи сѣмянъ часто вырѣвается только одно, а не рѣдко и ни одного; и это одно сѣмя, дающее плодъ, можетъ дать плодъ дурной и грубый, смотря по уходу за нимъ. И человѣкъ, привыкшій къ широкому и логическому взгляду на исторію міра, не можетъ нисколько сомнѣваться въ томъ, что событія въ жизни человѣчества совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ и урожаи; что сѣмена добра и зла такъ же обильно разсѣяны между людьми, какъ и сѣмена плевелъ и плодовъ; и что, смотря по энергіи нашей промышленности и по мудрости нашего хозяйства, могутъ произрастать или смоквы, или плевелы. Такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда для міра должно быть совершенно какое-нибудь дѣло, и нѣтъ для этого подходящаго человѣка, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что Провидѣніе и не желало, чтобы это дѣло было совершено и потому не послало человѣка нужнаго для этого дѣла. По всѣмъ вѣроятіямъ (лично я, въ силу моей увѣренности, могъ бы сказать не „по всѣмъ вѣроятіямъ“, а „несомнѣнно“) Провидѣніе послало много людей, сотни людей, способныхъ совершить это дѣло, но мы или отвергли, или погубили ихъ; безуміемъ нашихъ отношеній, нашихъ учрежденій мы себя лишили способности отличать ихъ, а имъ преградили доступъ; и когда является нужда въ такихъ людяхъ и мы страдаемъ отъ недостатка въ нихъ, то не Провидѣніе отказываетъ намъ въ ниспосланіи спасителей и не оно осуждаетъ насъ на страданія, а мы сами отказываемся принимать избавителей, ниспосылаемыхъ къ намъ Богомъ, и страданія являются такимъ же неизбѣжнымъ послѣдствіемъ начертанныхъ имъ законовъ, какъ голодъ для націй, не

желающей ни пахать, ни сѣять. Не мѣнѣе ошибочно такъ часто дѣлаемое нами предположеніе, что если найдется такой человѣкъ, то онъ навѣрное во всѣхъ отношеніяхъ будетъ пригоденъ для совершенія этого дѣла, какъ ключъ для отмычки замка; и что всѣ обстоятельства, содѣйствовавшія его образованію, только подготовляли его. Грустно видѣть, какъ историки обоощаютъ и себя, и читателей, подчеркивая въ раннемъ дѣтствѣ великихъ людей всѣ мельчайшія обстоятельства, которыя какъ бы подготовляли ихъ для того дѣла, которое они совершили, не обращая вниманія на противоположныя обстоятельства, которыя также безспорно вредили ихъ пригодности. Они такимъ образомъ заключаютъ, что сверхъестественное посредничество подготовляло ихъ во всѣхъ отношеніяхъ и что они совершили все, чего только можно было желать или ожидать отъ нихъ; тогда какъ, въ дѣйствительности, они въ теченіе всей жизни настолько же безспорно обоощались и развращались одними обстоятельствами, насколько развивались и дисциплинировались другими; и даже при самомъ добромъ и почтительномъ къ нимъ отношеніи мы, не нарушая справедливости, должны признать, что они были только жалкими, ошибающимися созданиями, боровшимися съ міромъ, — еще болѣе ошибавшимся, чѣмъ они, — и безспорно грѣшившими не въ одномъ, а въ тысячахъ случаевъ, и достигшими, наконецъ, жалкихъ результатовъ не того, что они могли или должны были бы совершать, а того, что имъ удалось достигнуть при всемъ противоdѣйствіи міра и вопреки ихъ собственной печальной измѣнѣ себя.

При такихъ условіяхъ практическая обязанность разумной націи состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы по возможности ограждать юношество отъ пагубныхъ вліяній и по возможности испытывать ихъ способности съ цѣлью использовать всѣ добрыя. Подъ словами „ограждать отъ пагубныхъ вліяній“ я отнюдь не разумѣю, что нужно ограждать ихъ отъ всякихъ испытаній, но что нужно только удалять ихъ съ пути всего безусловно пагубнаго. Я не говорю, что мы должны притѣнять незрѣлый хлѣбъ отъ солнца и прикрывать его отъ морозовъ, а только, что нужно защищать его рвами и насыпями отъ наводненій и отговять отъ него птицъ. Пусть наше юношество трудится и мучится, но не умираетъ съ голоду, не воруетъ и не богохульствуетъ.

Я не въ силахъ, конечно, входить здѣсь въ подробныя схемы

воспитанія; и не мало времени пройдетъ прежде, чѣмъ результаты предпринимаемыхъ теперь попытокъ доставятъ намъ нужныя данныя для разрѣшенія самыхъ трудныхъ пунктовъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ, изъ которыхъ главный заключается въ томъ, какимъ образомъ шансы успѣха въ жизни могутъ стать достоинствомъ всѣхъ, не противорѣча тому, чтобы люди довольствовались болѣе низкими призваніями, если для высшихъ у нихъ нѣтъ требуемыхъ способностей. И въ основѣ разрѣшенія этого вопроса лежатъ проблемы школы, т. е. школы, въ которыхъ предлагаемыя знанія и требуемая дисциплина будутъ служить частицей испытанія человеческой души, при чемъ одно будетъ усилено, а другое направлено сообразно только съ тѣмъ, какъ лучше всего могутъ это вынести испытываемые сердца и умы. Одно, однако, я долженъ здѣсь замѣтить, а именно, что при этомъ испытаніи всякаго рода соперничество будетъ считаться ложнымъ мотивомъ и раздача наградъ ложнымъ приемомъ. Въ любомъ мальчикѣ признакомъ его испытательной мощи, на которую вы можете рассчитывать, какъ на обѣщающую принести добрый плодъ, будетъ его желаніе работать изъ любви къ работѣ, а не изъ желанія превзойти своихъ товарищей, такъ какъ цѣль образованія состоитъ въ томъ, чтобы доказать и укрѣпить въ немъ его специальное дарованіе, а не раздувать въ немъ соперничество съ тѣми, кто неизмѣримо выше его; тѣмъ болѣе не должно увѣщивать наградами и лентами шелъ наиболѣе даровитыхъ, дѣлая ихъ предметомъ зависти для всѣхъ остальныхъ; старайтесь заставить остальныхъ товарищей полюбить наиболѣе даровитаго, подражать ему, а не бороться съ нимъ.

Конечно, необходимы испытанія для провѣрки и удостовѣренія успѣховъ и дарованій, но учащіеся должны смотрѣть на нихъ, какъ на средства, опредѣляющія ихъ истинное положеніе и дѣло въ мірѣ, а не какъ на арену, гдѣ они могутъ уже теперь одерживать побѣды. И въ моей лекціи, можетъ быть, недостаточно напиралъ на природу относительныхъ способностей и индивидуальностей характеровъ, какъ на главную основу, имѣющую дѣйствительное значеніе въ искусствѣ. Мы въ настоящее время слишкомъ привыкли относиться къ искусству, цѣнимому на рынкѣ, какъ къ товару, производить который можно вообще научить людей, словно будто образованіе художника, а не природное дарованіе придаетъ цѣну его произведенію. Но нѣтъ ничего болѣе нелѣпаго и лож-

наго, какъ такое сужденіе. Все, чему люди могутъ научить другъ друга, они будутъ и должны цѣнить, но только какъ самое обычное ремесло; высокую же цѣну придаетъ всегда только то, чему нельзя научить и чѣмъ обладаютъ только творцы, создавшіе цѣнные произведенія. Ни при какомъ строѣ общества и ни на какой ступени знанія не исчезнетъ превосходство одного человѣка надъ другимъ, а это только и придаетъ или должно придавать произведенію еще цѣну на рынкѣ. Дурнымъ признакомъ ложнаго сужденія о прогрессѣ націи является предположеніе, будто она обладаетъ нѣсколькими художниками одинаковаго достоинства. Благородное искусство есть ни болѣе, ни менѣе какъ выраженіе благородной души, а благородная душа есть вещь далеко не заурядная, и если мы смѣшиваемъ ея произведенія съ произведеніями другихъ художниковъ, то это служитъ доказательствомъ не нашего либерализма, а нашей слѣпоты.

Примѣчаніе 4-ое. „Симпатіи публики“.

Очень трудно дать краткое и общее понятіе о различіи между великими и низкими душами въ ихъ отношеніяхъ къ публикѣ. Нельзя считать за общее правило, какъ я на это и указываю въ моей лекціи, что низкая душа преклонится передъ всѣмъ, чего бы вы отъ нея ни потребовали; наоборотъ, есть извѣстнаго рода души, самыя низкія изъ всѣхъ, которыя вѣчно не довольны публикой, любятъ лишь собой, провозглашаютъ себя гениями, отказываются отъ всякой здоровой дисциплины или скромнаго дѣла и кончаютъ жалкой гибелью и разореніемъ, питая ненасытную жажду мести къ публикѣ; тогда какъ, съ другой стороны, самыя величайшія души больше всего отличаются непостижимой скромностью и готовностью принимать любое наставленіе, любую работу въ какой бы то ни было формѣ и отъ кого бы то ни было. Они готовы учиться у всѣхъ и дѣлать все, что бы отъ нихъ ни потребовали, поскольку это касается труда, хотя бы другіе люди и считали это за униженіе. Но тѣмъ не менѣе между ними и публикой неизбѣжно все таки возникаетъ пунктъ несогласія, хотя, конечно, не на почвѣ оскорбленнаго самолюбія. Вашъ великій человѣкъ все-таки замѣчаетъ и открываетъ нѣчто такое, чего публика не ви-

дять. Это нѣчто онъ будетъ упорно возвѣщать языкомъ или кистью, утверждая, что это именно такъ, какъ *онъ* видитъ, а не какъ *она* видитъ; и весь міръ, съ другой стороны, не можетъ его заставить иначе высказывать эту истину. Если міръ при этомъ возстаетъ противъ него, то можетъ побить его камнями или сжечь, на что онъ ни мало не обратитъ вниманія; если же міръ не особенно возмущается возвѣщаемымъ имъ открытіемъ, то можетъ спокойно предоставить ему твердить эту истину до самой смерти, считая его просто за идіота, и на это онъ тоже мало обратитъ вниманія и будетъ все-таки смотрѣть на вещи такъ, какими онъ въ дѣйствительности представляются ему, а не какъ справа или слѣва режутъ объ этомъ разступившіяся волны Чермнаго моря. Итакъ, несогласіе между нимъ и публикой рано или поздно неизбежно всегда возникнетъ.

Человѣкъ же съ низкой душой, хотя и будетъ яростно накидываться и плевать на публику, если она не будетъ интересоваться имъ, станетъ въ то же время извиваться передъ нею, добиваясь ея одобреній и высказывать только то, что можетъ доставить ему лишній аплодисментъ, и, такимъ образомъ, онъ и публика, какъ я сказалъ въ моей лекціи, мирно шествуютъ рука объ руку.

Бываютъ однако случаи, когда упорство низкихъ людей очень сходно съ упорствомъ великихъ людей; но, если вы внимательнѣе присмотритесь, то всегда найдете, что въ упорствѣ первыхъ главную роль играетъ ихъ *я*, а въ упорствѣ вторыхъ — то дѣло, которое они отстаиваютъ.

Примѣчаніе 5-ое. „Придумываніе новыхъ потребностей.“

Политико-экономы не могли бы долго отстаивать заблужденіе*), о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ моей лекціи, если бы ихъ не сбивала съ толку справедливая отчасти мысль, что энергія и изы-

*) Высказывая это, я, оказывается, слишкомъ легкомысленно довѣрялъ здравому смыслу политико-экономовъ. Въ то время, какъ печатаются настоящія строки, эта грубая, широко распространенная и ничѣмъ не прикрашенная ложь формально и обстоятельно высказывается муниципальными совѣтниками Нью-Йорка въ ихъ докладѣ о наступившемъ промышленномъ кризисѣ. Вотъ

сканность, какъ и богатство цивилизованныхъ націй возникли изъ воображаемыхъ потребностей. Вполнѣ справедливо, что дикарь, не знающій иныхъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, въ жилищѣ и въ снѣ, и который, сѣввши свою дичину и замазавъ щели своего шалаша, проводитъ остальное время въ животномъ покоѣ, стоитъ на болѣе низкой ступени, чѣмъ человѣкъ, безустанно работающій, чтобы добыть себѣ предметы роскоши современной цивилизаціи; не менѣе справедливо и то, что различіе въ прогрессивной силѣ націй зависитъ въ значительной степени отъ ихъ тщеславныхъ стремленій; но эти тщеславныя стремленія имѣютъ только значеніе стимуловъ для упражненія тѣлесныхъ и духовныхъ силъ націи. Если мальчикъ неловокъ и лѣнивъ, то хорошо будетъ, если мы убѣдимъ его вынимать вѣшневья косточки

это коллективное мнѣніе, опубликованное въ „Таймсѣ“ отъ 23-го ноября 1857 г.: „Точно такъ же ошибочно мнѣніе, будто роскошная жизнь, изысканно богатая одежда, блестящіе дома и экипажи служатъ причиной несчастья народа. Повторяемъ, что мысль эта очень несправедлива. Каждая безумная затѣя въ сотни тысячъ и миллионы долларовъ, которую позволяютъ себѣ люди, содѣйствуетъ жизни и благосостоянію десятка или сотни людей, у которыхъ очень мало или даже нѣтъ ничего, кромѣ ихъ рабочихъ рукъ, ихъ ума и вкуса. Если человѣкъ, обладающій миллионѣмъ долларовъ, израсходуетъ въ десять лѣтъ свой капиталъ и доходъ и окажется нищимъ къ концу этого времени, то благодаря его безумнымъ тратамъ сотни людей, предпринимателей и рабочихъ, окажутся болѣе богатыми. Онъ разорится, но нація станетъ богаче, потому что сто умовъ и людей, съ десятью тысячами долларовъ каждый, болѣе производительны, чѣмъ одинъ, обладающій миллионами.“

Да, господа муниципальные совѣтники, но что произошло за время перехода его капитала? Чтобы истратить это богатство, понадобилось извѣстное число лѣтъ, предположимъ десять, и за это время работа на миллионъ долларовъ произведена людьми, получавшими извѣстную плату. Но гдѣ продуктъ этого труда? Онъ, какъ вы утверждаете, вполнѣ уничтоженъ, потому что человѣкъ сталъ нищимъ... Прекрасная экономія, господа, и навѣрное могущая со временемъ привести къ созданію не одного, а нѣсколькихъ нищихъ. Но, можетъ быть, вопросъ станетъ для васъ яснѣе на болѣе обычномъ примѣрѣ. Если школьникъ выходитъ съ пятью шиллингами въ карманѣ и возвращается домой безъ гроша, потративъ все на сладкіе пирожки, то онъ лишился своего капитала и дохода, а обогатились булочникъ или пирожника. Хорошо, но предположите, что школьникъ вмѣсто этого купилъ книгу и ножикъ; правда, онъ также лишился своего капитала и доходовъ, книгопродавецъ и ножовщикъ обогатились, но школьникъ тоже обогатился и можетъ на другой день этимъ ножомъ и книгой оказать товарищамъ услугу, вмѣсто того, чтобы слечь въ постель и задолжать доктору.

и запускать бумажных змѣевъ; и это упражненіе его пальцевъ и ногъ можетъ случайно стать причиною того, что онъ станетъ современнымъ богатымъ и счастливымъ человекомъ, однако изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны утверждать, будто вишневая косточка представляетъ цѣнную собственность и пусканіе змѣевъ очень выгодный способъ препровожденія времени. Точно такъ же нація всегда непосредственно тратитъ бесполезно свое время и трудъ, придумывая новыя пустыя потребности, хотя созданіе такихъ потребностей можетъ быть признакомъ здоровой дѣятельности и трудъ, употребленный на удовлетвореніе новой потребности, можетъ повести косвенно къ полезнымъ открытіямъ или къ благороднымъ искусствамъ; такъ что не слѣдуетъ отвлекать націю отъ ея фантастическихъ затѣй, если она или такъ слаба и безумна, что ее нельзя побудить [къ дѣятельности ничѣмъ кромѣ прихотей, или если она предварительно уже озаботилась о выполненіи своихъ серьезныхъ обязанностей. Если нація не хочетъ ковать желѣза, а предпочитаетъ перегонять лавенду, то изъ всѣхъ силъ давайте ей лавенды для перегонки; только пусть ея политико-экономы не утверждаютъ, что лавенда такъ же выгодна, какъ и овесъ, и помогаетъ бѣднякамъ существовать, а бумажные змѣи доставляютъ ихъ ребятамъ обѣды. Роскошь какъ единичныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ націй, должна всегда оплачиваться трудомъ, отвлекаемымъ отъ полезныхъ вещей; и никакая нація не имѣетъ права потворствовать ей до тѣхъ поръ, пока всѣ ея бѣдняки не имѣютъ удобнаго крова и здоровой пищи.

Разслабляющаго вліянія роскоши и ея тенденціи усиливать пороки я здѣсь совѣтъ не касаюсь, но—насколько это отзывается на любой изъ сторонъ разсматриваемаго вопроса, подтверждаетъ только что высказанное нами мнѣніе. Такъ, въ данномъ случаѣ я допускаю, что роскошь цивилизованной жизни для владѣющихъ ею безвредна, а для желающихъ ее пріобрѣсти можетъ служить мотивомъ ихъ дѣятельности, и тѣмъ не менѣе мы и при этихъ благопріятныхъ предпосылкахъ приходимъ къ заключенію, что нація только въ строгихъ границахъ можетъ допускать ее. И тѣмъ болѣе не должна она терпѣть ее, если искушенія, слѣдующія за обладаніемъ роскошью, или гибельныя вліянія ея производства пересиливаютъ пользу, приносимую усиліями пріобрѣсти предметы роскоши.

Примѣчаніе 6-ое. „Экономія литературы.“

Недавно меня сильно поразилъ одинъ изъ результатовъ чрезвычайнаго обилія нашихъ книгъ, а именно упорная невозможность заставить понять что-нибудь, требующее серьезнаго вниманія. Относительно моихъ сочиненій я всегда замѣчаю, что каждая мысль, стоявшая мнѣ труда при выясненіи ея и которая поэтому требуетъ и со стороны читателя нѣсколькихъ минутъ вниманія, будетъ не только ложно понята, но, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, ей придано будетъ какъ разъ противоположное значеніе. Каковы бы ни были недостатки въ моихъ способахъ выраженія, я знаю, что слова, употребляемыя мною, всегда найдутся въ словарь Джонсона и при томъ всегда мною употребляются въ ихъ первомъ, непосредственномъ значеніи. Знаю, что выраженія мои, какъ бы они ни были неловки, никогда не нарушаютъ обычныхъ правилъ грамматики и что, слѣдуя ей, никогда нельзя придать имъ иного значенія, чѣмъ то, въ какомъ они употреблены мною; такъ что невѣрно с пониманіе можетъ исключительно зависѣть только отъ того, что въ эти мысли нужно нѣсколько вдуматься. И я замѣчаю также ложное пониманіе мыслей и другихъ писателей, каждый разъ, когда онѣ требуютъ, чтобы люди внимательно вдумывались въ нихъ.

Въ началѣ это нѣсколько смущало меня, но, въ общемъ, я думаю, что это будетъ со временемъ имѣть хорошее вліяніе на нашу литературу; и тогда публика, можетъ быть, снова научится внимательно читать. Въ самомъ дѣлѣ, прекрасной дисциплиной для автора явится необходимость чувствовать, что онъ долженъ высказать все, что имѣетъ сказать, въ возможно меньшемъ количествѣ словъ или въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ, что читатель пропуститъ его главную мысль; долженъ высказать возможно яснѣе, иначе читатель, конечно, пойметъ его наоборотъ или вкривъ и вкось. Вообще, очевидный фактъ можетъ вполне ясно быть выраженъ, и мы въ настоящее время нуждаемся въ очевидныхъ фактахъ больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ. И хотя мнѣ очень часто приходится выслушивать жалобы моралистовъ на дурное вліяніе нашего неумѣнія думать, однако, я, съ своей стороны, нахожу, что однимъ изъ худшихъ недуговъ, которому подвержены люди, есть именно манія думать. Если-бъ человѣкъ правильно смотрѣлъ *) на

*) Не можетъ быть, однако, никакого сомнѣнія относительно вреднаго зна-

вещи, вмѣсто того, чтобы думать о томъ, на что онѣ похожи, или дѣлать, вмѣсто того, чтобы думать, что этого пельзья сдѣлать, намъ всѣмъ было бы гораздо лучше.

Примѣчаніе 7-ое. „Кормчіе государства“.

Хотя обязанности кормчаго лежать на всѣхъ людяхъ, обладающихъ богатствомъ, но необходимо избѣгать слишкомъ строгаго отчета въ благодѣтельныхъ способахъ траты денегъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускать и одобрить такую свободу въ расходованіи ихъ на собственныя удовольствія, при которой богатство было бы истинной наградой за трудъ и оправдывало бы въ глазахъ всѣхъ людей право собственности. Самыя чистыя наслажденія, доставляемые богатствомъ, конечно не эгоистичны, но однако громадное большинство рабочихъ смотрятъ на него только какъ на средство личнаго удовлетворенія; и было бы довольно ложной и этикой, и политикой, если бы люди вздумали подавлять ихъ энергію какой бы то ни было формой общественнаго мнѣнія, тяжело тяготящей надъ прихотливой тратой честно пріобрѣтеннаго богатства. Было бы слишкомъ сурово, если бы человѣкъ, проведеншій большую часть своей жизни за конторкой, не могъ бы по крайней мѣрѣ удовлетворить своей прихоти; и лучшій, и самый священный смыслъ милостыни былъ бы окончательно искаженъ, если бы мысль о нравственномъ правѣ заступила въ умѣ получающаго милостыню мѣсто сердечной благодарности.

ченія той поснѣжности, съ какой въ настоящее время люди привыкли осматривать. Я употребилъ три года упорнаго и непрерывнаго труда на разсмотрѣніе хронологіи венеціанской архитектуры и двѣ зимы посвятилъ срисовыванію подробностей ея на мѣстѣ; а между тѣмъ я постоянно вижу, что архитекторы, которые три или четыре дня катались въ гондолѣ по большому каналу, находятъ, что ихъ первыя впечатлѣнія такъ же вѣрны, какъ и мои терпѣливо выработанныя заключенія. Г. Стритъ, напр., мелькомъ взглянулъ на дворецъ дожей,—до того мелькомъ, что даже не замѣтилъ, какой тамъ рисунокъ, и ошибается относительно чередованія красныхъ и черныхъ цвѣтовъ въ центрѣ квадратовъ,—и однако жъ онъ смѣло рѣшается высказывать свое мнѣніе относительно хронологіи капителей, что представляетъ собою одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ всей готической археологіи. Правда, съ большей вѣроятностью можно принти къ правильному заключенію по этому вопросу, усиленно проработавъ надъ нимъ въ течение мѣсяца, но отнюдь не иначе.

Иъкоторая разица естественно существуетъ въ этомъ отношеніи между заработаннымъ и унаслѣдованнымъ богатствомъ; унаслѣдованное налагаетъ преимущественно строгую отвѣтственность, въ особенности, если оно состоитъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ земли. Форма обложенія, составляющая земельную ренту, обуславливаетъ то обстоятельство, что ежегодно извѣстное количество національнаго богатства поступаетъ въ руки лордовъ или другихъ землевладѣльцевъ, подѣ условіемъ, какъ бы преднамѣренно рассчитаннымъ на то, чтобы побудить ихъ возможно лучше озаботиться ея дѣйствительнымъ управленіемъ. Недостатокъ знанія даже относительно самыхъ простыхъ принциповъ промышленности и экономіи, позорящій наши школы и университеты, былъ причиной гибели или безсмысленности жизни множества нашихъ владѣльцевъ имѣній, но этотъ недостатокъ въ нашемъ общественномъ воспитаніи не можетъ болѣе существовать и, повидимому, крайне выгодно для государства, чтобы извѣстное количество лицъ, высокопоставленныхъ по своему происхожденію, подавали бы примѣръ разумнаго употребленія своихъ доходовъ какъ на содѣйствіе успѣхамъ наукъ, такъ и на покровительство искусству и литературѣ; только они должны позаботиться о томъ, чтобы быть тверже въ своемъ правильномъ взглядѣ, чѣмъ были до сихъ поръ, такъ какъ положеніе богатаго человѣка въ отношеніи къ окружающей его средѣ въ нашей современной жизни, даже по мнѣнію политико-экономовъ, является діаметральной противоположностью того, чѣмъ оно должно быть. Богатый человѣкъ долженъ всегда обдумать и разсмотрѣть, какъ ему употребить свои деньги на пользу другимъ, въ настоящее же время эти другіе постоянно обдумываютъ, какъ бы обольстить его мнимой тратой его денегъ на себя. Въ настоящее время богачъ представляется міру въ видѣ человѣка, держащаго въ сжатомъ кулакѣ мѣшокъ съ деньгами и рѣшившаго разстаться съ нимъ только насильно, и вотъ всѣ люди кругомъ его сговариваются, какъ бы принудить его разстаться съ этими деньгами, т. е. какъ бы убѣдить его, что онъ нуждается въ той или другой вещи, или какъ бы имъ произвести такія вещи, которыя плѣнили бы его и которыя онъ бы купилъ. Одинъ старается увѣрить его, что онъ нуждается въ духахъ, другой, — что ему нужны брилліанты, третій, — что ему крайне необходимы конфекты, четвертый плѣняетъ розами къ Рождеству. Каждый человѣкъ, при-

думывающій ему новую потребность, считается благодѣтелемъ общества, и, такимъ образомъ, энергія людей, болѣе бѣдныхъ, чѣмъ онъ, постоянно направлена на производство желаемыхъ имъ, но не нужныхъ ему вещей, а богатый человѣкъ имѣетъ вообще видъ дурака, противъ котораго весь остальной міръ въ заговорѣ съ цѣлю одурачить его. Тогда какъ, въ дѣйствительности, онъ долженъ былъ бы представлять собою человѣка болѣе умнаго, чѣмъ остальные, которому ввѣрено завѣдываніе болѣе обширнымъ капиталомъ на пользу всѣхъ, направляя каждого человѣка къ такой работѣ, которая наиболѣе здорова для него и наиболѣе полезна для всего общества.

Примѣчаніе 8-ое. „Шельз и виссонъ“.

Во многихъ мѣстахъ этихъ лекцій мнѣ приходилось дѣлать намеки на различіе между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ и между истиннымъ и ложнымъ богатствомъ. Здѣсь я постараюсь по возможности ясно выяснить то различіе, которое я имѣю въ виду.

Собственность можетъ вообще быть раздѣлена на производящую жизнь и на производящую предметы жизни. Собственность, производящая или поддерживающая жизнь, состоитъ изъ пищи, поскольку она питательна; изъ одежды и жилищъ, поскольку они служатъ для защиты; изъ топлива, изъ земли, изъ орудій производства и изъ матеріала, необходимаго для производства пищи, жилищъ, одежды и топлива. Все это въ тѣсномъ смыслѣ и правильно называется полезной собственностью.

Собственность, производящая предметы жизни, состоитъ изъ всего, доставляющаго удовольствіе или возбуждающаго и поддерживающаго мысль: изъ пищи, жилищъ и земли, поскольку они доставляютъ удовольствіе вкусу и зору; изъ роскошной одежды и изъ другихъ предметовъ роскоши—книгъ, картинъ и архитектурныхъ произведеній. Но, въ силу соотношенія нѣкоторыхъ низшихъ формъ собственности къ человѣческому труду, желательно подраздѣлить собственность болѣе, чѣмъ на двѣ группы. Поэтому собственность можетъ подраздѣляться на пять разрядовъ.

1. Собственность, нужная для жизни, но не производимая трудомъ и потому принадлежащая по праву и до извѣстной степени

каждому человѣку съ момента его рожденія и нравственно неотчуждаемая отъ него. Папр., воздухъ, необходимый для дыханія, и вода—для утоленія жажды; то количество земли, какое нужно, чтобы прокормиться, также неотчуждаемо; но въ правильно регулированныхъ обществахъ это количество земли можетъ часто быть замѣнено другими владѣнiями, или нужды удовлетворяются платой или преимуществами.

2. Собственность, необходимая для жизни, но производимая исключительно трудомъ и обладаніе которой нравственно связано съ трудомъ, такъ что человѣкъ, способный къ труду, необходимо для ея производства, не имѣетъ на нее никакого права пока не выполнитъ этой работы: „не трудящійся не достоинъ пропитанiя“. Она состоитъ изъ простой пищи, одежды и простого жилища, изъ сѣмянъ и матеріаловъ, орудій и машинъ; животныхъ, нужныхъ для тяги или передвиженія, и т. п. Относительно этого рода собственности нужно замѣтить, что увеличеніе ея обыкновенно не можетъ превышать извѣстной границы, потому что она зависитъ не только отъ труда, но и отъ предметовъ, количество которыхъ ограничено самой природой. Возможное накопленіе хлѣбнаго зерна зависитъ отъ количества земли, пригодной для произрастанія хлѣба, количество стали — отъ доступнаго количества угля и руды. Изъ естественной ограниченности этого рода собственности слѣдуетъ, что накопленіе ея въ значительныхъ количествахъ на одномъ пунктѣ или въ однихъ рукахъ обыкновенно вызываетъ болѣшую или меньшую нужду въ нихъ въ другихъ мѣстахъ и у другихъ людей; такъ что обстоятельства или усилія, содѣйствующія накопленію значительнаго количества ихъ въ рукахъ одного человѣка, могутъ по всеѣмъ вѣроятiямъ отчасти препятствовать другимъ имѣть ихъ въ нужномъ количествѣ, сколько бы они ни желали работать для добыванія ихъ. Поэтому способы накопленія и распредѣленія этого рода собственности должны быть въ извѣстной степени урегулированы закономъ и международными договорами съ цѣлью обезпечить справедливое пользованіе ими для всехъ людей.

Другой пунктъ, который слѣдуетъ отмѣтить по отношенію къ этому рода собственности, состоитъ въ томъ, что трудъ, идущій на производство ея, никогда не можетъ быть безцѣльнымъ, если только производимые продукты могутъ сохраняться и распредѣлять-

сл, такъ какъ каждая крупица этого рода собственности даетъ возможность большому количеству жизней существовать на землѣ *).

Хотя мы можемъ быть увѣрены, что трудъ людей, идущій на производство этого рода собственности, всегда полезенъ употребленъ, но не можемъ сказать, что онъ примѣненъ самымъ полезнымъ образомъ; потому что можно направить на производство жизни столько труда, что его останется мало или даже совсѣмъ не станетъ на производство жизненныхъ предметовъ и такимъ образомъ можно увеличить самое населеніе въ ущербъ цивилизаціи, знанію и нравственности; съ другой стороны, точно такъ же можно—и къ этому заблужденію міръ проявляетъ, въ общемъ, большую склонность—направлять трудъ на жизненные предметы, такъ что для самой жизни его останется слишкомъ мало и тогда роскошь или знаніе увеличатся въ ущербъ народонаселенію. Правильная политическая экономія ставитъ своей задачей предохранять общество отъ обѣихъ крайностей, но желая, съ одной стороны, переполнять страну толпами дикарей, а, съ другой, воздвигать дворцы и учреждать академіи среди пустынной, безлюдной страны.

*) Этотъ пунктъ иногда оспаривается. Такъ, на дняхъ, раскрывъ политическую экономію Милля, я случайно попалъ на то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что человѣкъ производящій одежду, если носящій эту одежду не дѣлаетъ ничего полезнаго пока носитъ ее, оказалъ обществу не больше пользы, чѣмъ тотъ, кто вырастилъ только ананасъ. Но это ошибочное заключеніе, вызванное погоней за чрезмѣрной тонкостью анализа. Никто не въ правѣ сказать, что жизнь человѣка бесполезна для него, хотя она и не приноситъ намъ никакой пользы; и человѣкъ, сдѣлавшій одежду и тѣмъ самымъ содѣйствующій продолженію жизни другого человѣка, сдѣлалъ добрую и полезную работу, что бы ни вышло изъ той жизни, продолжительности которой онъ помогъ. Мы можемъ сказать человеку, носящему эту одежду: вы, носящій эту одежду и ничего полезнаго не дѣлающій въ ней, бесполезно тратите и свою жизнь, и жизнь другихъ людей,—но мы не имѣемъ никакого права сказать, что его существованіе, какъ бы оно ни было бесполезно, есть даромъ потраченная жизнь. Можетъ быть, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ничто не зависитъ отъ нея, она тонкими золотыми нитями вплетаетъ себя въ общую цѣпь, когда тысячи другихъ жизней станутъ зависѣть отъ нея. Тѣмъ временемъ по отношенію къ портному самый фактъ сводится къ тому, что онъ просто содѣйствовалъ жизни существъ, результаты которой онъ заранѣе опредѣлить не въ состояніи, но которые, очень можетъ быть и по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ такъ или иначе безконечны. Человѣкъ же, занимавшійся выращиваніемъ ананасовъ, доставлялъ только пріятное вкусовое ощущеніе и можетъ довольно ясно опредѣлить заранѣе, чѣмъ кончится это вкусовое ощущеніе и возможныя отъ этого послѣдствія.

3. Третьяго рода собственность содѣйствуетъ тѣлеснымъ удовольствіямъ и удобствамъ, не имѣя непосредственной цѣлью поддерживать жизнь и даже иногда косвенно разрушая ее. Всѣ лакомства (въ отличіе отъ питательной пищи) и средства для производства ихъ; всѣ ароматы, не нужные для здоровья; вещи, цѣнимыя по ихъ вѣнѣжности и рѣдкости (золото и драгоценныя камни); цвѣты, трудно выращиваемые; животныя, разводимыя для удовольствія (напр., скаковыя лошади), и т. п. предметы составляютъ этого рода собственность, и къ нимъ-то и долженъ исключительно относиться терминъ— „роскошь или предметы роскоши“.

Относительно этого рода собственности мы должны прежде всего замѣтить, что она приноситъ сомнительную выгоду даже ея владѣльцамъ. Обстановка, располагающая къ праздности, нѣжащіе ароматы, лакомая пища—болѣе или менѣе вредны для здоровья; и въ то же время драгоценныя камни, вычурныя одежды и т. п. обыкновенныя принадлежности богатыхъ людей конечно не окупаютъ своей стоимости тѣмъ количествомъ удовольствій, которыя онѣ доставляютъ ихъ владѣльцамъ.

Далѣе, подобнаго рода собственность по большей части исчезаетъ при употребленіи. Драгоценныя камни составляютъ исключеніе, но лакомая пища, богатая одежда, лошади и экипажи,—все это потребляется самимъ владѣльцемъ. Слѣдуетъ почаще напоминать богатымъ о той суммѣ процентовъ, которую они платятъ къ концу жизни за предметы роскоши, потребленные ими въ серединѣ ея. Было бы, напримѣръ, очень интересно опредѣлить точную цифру денегъ, израсходованныхъ за послѣднія двадцать лѣтъ въ Лондонѣ на мороженое для различныхъ угощеній и баловъ, и что получилось бы, если бы вся эта сумма съ сложными процентами, наросшими на нее, была бы теперь употреблена на какое-нибудь полезное дѣло.

Наслажденіе такой собственностью къ тому же вполне эгоистично и ограничено ея владѣльцемъ. Блестящіе экипажи и одежды, если они дѣйствительно отличаются красотой, могутъ стать средствомъ скорѣе великодушнаго, чѣмъ эгоистическаго расходованія. Но въ такихъ случаяхъ они неизбѣжно потребуютъ примѣненія къ нимъ искусства и потому будутъ относиться къ болѣе возвышенной категоріи, чѣмъ къ разряду простыхъ предметовъ роскоши:

4. Къ четвертой категоріи собственности относятся предметы,

доставляющіе умственное или духовное наслажденіе, напр., тѣ участки земли, которые предназначены для доставленія восторга, а не для земледѣлія, затѣмъ — книги, произведенія искусства и предметы естественно-историческіе.

Конечно нельзя съ точностью разграничить собственность послѣдней категоріи отъ предыдущей, такъ какъ предметы, являющіеся роскошью для однихъ, могутъ другимъ служить умственной пищей. Цвѣты, являясь роскошью въ лондонской залѣ, предназначенной для баловъ, служатъ въ ботаническомъ саду предметомъ умственного наслажденія, а у себя на родинѣ, гдѣ они произрастаютъ въ дикомъ состояніи, они — и то и другое; самыя благородныя произведенія искусства становятся почти постоянно предметами пошлой роскоши или преступной гордости; но при правильномъ пользованіи только собственность этой четвертой категоріи и составляетъ дѣйствительную, реальную собственность; это единственный родъ собственности, которою человѣкъ дѣйствительно обладаетъ. То, что онъ ѣстъ, пьетъ, носитъ, поскольку это исключительно необходимо для жизни, составляетъ такую же его собственность, какъ и тотъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ. Воздухъ такъ же необходимъ ему, какъ и пища, но мы не говоримъ о томъ, что человѣкъ богатъ воздухомъ, и тотъ излишекъ пищи или одежды, которымъ обладаетъ человѣкъ сравнительно съ тѣмъ, что ему нужно, долженъ быть потребленъ другими и является, собственно говоря, не собственностью, а только средствомъ для пріобрѣтенія путемъ обмѣна какой-нибудь дѣйствительной собственности. Тогда какъ предметы, доставляющіе умственное или духовное наслажденіе, могутъ быть накапливаемы и не уничтожаются отъ употребленія, но постоянно доставляютъ новыя наслажденія и новыя силы для наслажденія другимъ. И потому это — единственные предметы, о которыхъ можно сказать, что они составляютъ „богатство“ или „благосостояніе“. Пища служитъ только для существованія, а этого рода собственность — къ благому существованію. И самое широкое общее различіе между людьми высшаго и низшаго порядка основано на обладаніи ими этой реальной собственностью. Человѣческій родъ можетъ вполне правильно быть раздѣленъ зоологами на людей, „имѣющихъ сады, библіотеки или предметы искусства“, и на людей, „неимѣющихъ ихъ“, и первая группа будетъ заключать въ себѣ всѣхъ благородныхъ личностей, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, для которыхъ весь міръ есть садъ

или музее; тогда какъ люди, неимѣющіе или, что то же самое, ни мало не заботящіеся о садахъ и библіотекахъ, а только интересующіеся деньгами и предметами роскоши, будутъ составлять вторую группу неблагородныхъ людей; необходимо только пояснить, что подъ словомъ „сады“ я разумѣю столько же клочекъ земли въ пятнадцать квадратныхъ футовъ, находящійся между колоннами картезіанскаго монастыря, какъ и земли Чатсворта или Кью, а подъ словомъ „искусство“, столько же, и даже больше, рисунокъ стараго моряка, изображающій Аретузу, пускающуюся въ путь за Belle Poule, чѣмъ Disputa Рафаэля; такъ какъ чрезмѣрное, прекрасное обладаніе послѣдними почти всегда связано съ пошлой роскошью и служитъ только для прославленія благороднаго характера ихъ владѣльцевъ. Идеаломъ человѣческой жизни должно быть соединеніе спартанской простоты нравовъ съ чуткостью и богатствомъ фантазіи афинянъ, но дѣйствительнымъ результатомъ этого является то, что мы постоянно принимаемъ новѣжеество за простоту и чувственность за изысканность вкуса.

5. Пятаго рода собственность состоитъ изъ предметовъ, служащихъ представителями собственности, т. е. изъ документовъ и денегъ или, вѣрнѣе, изъ однихъ бумагъ, такъ какъ деньги являются только ходячими документами, имѣющими обращеніе въ обществѣ людей и доставляющими какъ бы опредѣленнаго рода выгоду или преимущество, обыкновенно представляя собою право на извѣстное количество дѣйствительной собственности, существующей въ этихъ обществахъ. Деньги — дѣйствительны, когда собственность, право на которую онѣ представляютъ собою, дѣйствительно существуетъ или когда преимущества или выгоды, представляемые ими, не фиктивны; въ противномъ случаѣ это не настоящія, а фальшивыя деньги, — выпускаетъ ли ихъ правительство, банкъ или частное лицо. Такъ, напр., если дюжина людей выброшенныхъ на берегъ необитаемаго острова соберутъ извѣстное количество камушковъ, помѣтатъ ихъ краснымъ пятномъ и издадутъ законъ, въ силу котораго каждый камушекъ, помѣченный краснымъ пятномъ, даетъ право на гарпець пшеницы, то все же до тѣхъ поръ, пока нѣтъ пшеницы и ея не можетъ быть, эти камни не деньги. Но съ того момента, какъ на островѣ появится такое количество пшеницы, что общество всегда будетъ въ состояніи выдавать за каждый помѣченный камушекъ по гарпцу пшеницы, эти камушки становятся деньгами, и владѣльцы могутъ обмѣ-

нивать ихъ на любой предметъ, стоящій гарниецъ пшеницы, который они представляютъ собою. Если бы выпущено было большее количество камней, чѣмъ имѣется гарницевъ пшеницы, то цѣнность отмѣченныхъ камней пала бы въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько ихъ число превысило количество гарницевъ пшеницы.

Далѣе предположимъ, что изъ числа выброшенныхъ на берегъ людей нѣсколько человѣкъ по жребію или въ силу какого-нибудь соглашенія осуждены исполнять всю грубую работу, нужную для всего общества, сами получая за это опредѣленное количество пищи, одежды и т. п. Тогда, если бы всѣ люди сговорились, что камни, отмѣченные краснымъ пятномъ, будутъ служить знакомъ правительственнаго ордера на трудъ этихъ рабочихъ и что каждый человѣкъ, предъявляющій помѣченный камушекъ въ контору рабочихъ, имѣлъ бы право требовать взамѣнъ его недѣльный или дневной трудъ рабочаго, то камни эти были бы деньгами и могли бы быть, и вѣроятно были бы, ходячей монетой на островѣ, взамѣнъ которой можно было бы получить извѣстное количество пищи, одежды, желѣза или любого продукта человѣческаго труда. Но если бы правительство выпустило столько камней, что за нихъ рабочимъ немыслимо было бы отплатить своимъ трудомъ, напр., если бы рабочихъ было двѣнадцать человѣкъ, а правительство ежедневно выпускало бы по восемнадцати камней, отмѣченныхъ пятнами, изъ которыхъ каждый былъ бы представителемъ рабочаго дня, то шесть лишнихъ были бы фальшивыми или недѣйствительными и обезцѣнили бы всю вычеканенную монету на одну треть ея цѣнности въ періодъ несостоятельности при исполненіи такихъ обязательствъ. Много случайной работы можетъ быть произведено въ обществѣ при помощи выпуска фальшивой монеты или ложныхъ обѣщаній, какъ стимуловъ; и плодъ этого труда, если попадетъ въ руки обѣщающаго, можетъ иногда дать возможность выполнить ложныя обѣщанія; вотъ почему правительства и банки такъ часто выпускаютъ излишнія деньги и не рѣдко не подвергаются неизбѣжнымъ послѣдствіямъ такихъ неоправданныхъ обѣщаній,—что и ведетъ къ смутному представленію о дѣйствительномъ свойствѣ денегъ въ умахъ большинства людей. Я не увѣренъ въ томъ, не позволителенъ-ли въ обществѣ нѣкоторый излишекъ денегъ, вполне соотвѣтствующій минимуму средней продуктивности труда, порождаемаго имъ; но всѣ такіе приемы—нездоровы, и понятіе о безграничномъ выпускѣ денежныхъ знаковъ есть

одно изъ самыхъ нелѣпыхъ и чудовищныхъ изъ всѣхъ, когда-либо порожденныхъ свихнувшимся умомъ человечества.

Употребленіе въ видѣ денежныхъ знаковъ предметовъ имѣющихъ дѣйствительную или предполагаемую цѣнность, какъ напр., золота, драгоценныхъ камней и т. п., есть признакъ чистѣйшаго варварства и указываетъ или на степень недовѣрія общества къ своему правительству или на варварство тѣхъ націй, съ которыми ему приходится вести сношенія. Металлъ, не легко подвергающійся порчѣ или фальсификаціи, желателенъ для денежныхъ знаковъ по своему удобству и по чистотѣ, но—при возможности избѣжать поддѣлки—самый бесполезный металлъ былъ бы выстѣ съ тѣмъ и наиболѣе желательнымъ. Употребленіе ходячихъ знаковъ, не имѣющихъ никакой цѣны и неограниченныхъ употребленіемъ цѣнныхъ представителей, всегда до сихъ поръ вело къ неограниченному или по крайней мѣрѣ усиленному выпуску денегъ, что считается какъ-бы неизбѣжнымъ результатомъ; но мы точно такъ же въ правѣ были бы предполагать, что человѣкъ долженъ неизбѣжно давать неограниченное количество обѣщаній, такъ какъ слова ему ничего не стоятъ. Торговля сношенія съ другими націями должны при современномъ направленіи прогресса и въ будущемъ вестись на цѣнные денежные знаки; но такія сношенія представляютъ не болѣе, какъ обмѣнъ извѣстнаго рода. Золото, употребляемое теперь въ видѣ ходячей монеты, есть въ сущности не денежный знакъ, а дѣйствительная собственность *), которой ходячая монета предоставляетъ право опредѣлять ея количество и быть при обмѣнѣ примѣшаннымъ къ дѣйствительнымъ денежнымъ знакамъ.

*) Или, вѣрнѣе, является эквивалентнымъ такой реальной собственности, такъ какъ всѣ люди привыкли смотрѣть на золото, какъ на имѣющее цѣнность, и потому охотно давать въ обмѣнъ на него свой трудъ или его продукты. Но дѣйствительная собственность состоитъ въ концѣ концовъ только изъ предметовъ, питающихъ тѣло или духъ; золото было бы бесполезно для насъ, если бы мы не могли въ обмѣнъ на него добыть себѣ баранины или книгъ. Въ концѣ концовъ всѣ промышленныя ошибки и затрудненія возникаютъ отъ людей, рассчитывающихъ добыть предметы, нужные для жизни, не трудясь надъ производствомъ ихъ или бесполезно тратя ихъ послѣ того, какъ они произведены. Нація, работающая и заботящаяся о плодахъ своего труда, была бы богата и счастлива, хотя бы во всемъ мѣрѣ не было золота. Нація, лѣнивая и бесполезно тратящая продукты своего труда, была бы бѣдна и несчастна, хотя бы всѣ горы ея были изъ золота, а ледники наполнены брилліантами, а не льдомъ.

Зло, неизбежно происходящее отъ употребленія безцѣнныхъ ходячихъ монетъ, было ярко иллюстрировано въ то время, какъ эти листы находились въ печати; я не имѣлъ времени рассмотреть различныя условія безчестной и нелѣпой промышленности, которыя повели къ послѣдней паникѣ въ Америкѣ и въ Англіи; я знаю только одно, что ни одинъ промышленникъ или торговецъ, заслуживающій это названіе, не долженъ, какъ и солдатъ, испытывать паническаго страха, такъ какъ его подписи не должно быть на обязательствѣ, котораго онъ не можетъ всегда, въ любой моментъ выполнить. Говоря это, я въ то же время отлично чувствую, какъ трудно при существующей промышленности опредѣлять правильныя границы между духомъ предпріимчивости и спекуляціи. Тотъ же духъ, который побуждаетъ англійскаго солдата дѣлать всевозможное и даже рисковать на невозможное, соединяясь со скупостью, побуждаетъ англійскаго купца пускаться въ рискованныя предпріятія, которыхъ онъ не въ силахъ выполнить, и на усилія, которыхъ онъ не въ состояніи выдержать до конца; и та же страсть къ приключеніямъ, которая заставляетъ нашихъ путешественниковъ каждое лѣто гибнуть отъ снѣжныхъ обваловъ или въ безднахъ, подернутыхъ туманомъ облаковъ, придаетъ романтическую привлекательность краху пустого предпріятія и позлащаетъ туманъ, витающій надъ пучиной разоренія. Даже болѣе возвышенное и болѣе серьезное чувство часто примѣшивается къ этому разнообразному искушенію; люди отдаются задачѣ богатѣть, какъ задачѣ предопредѣленной имъ Провидѣніемъ, отъ которой они не могутъ отрѣшиться безъ чувства виновности или устранились безъ сознанія своего безчестія. Наши крупныя промышленныя города представляются мнѣ чѣмъ-то въ родѣ монастырей, въ которыхъ ревъ фабричныхъ машинъ и колесъ замѣняетъ молитвенныя пѣснопѣнія и гдѣ поклоненіе мамонѣ и молоху совершается съ трогательною почтительностью и по точному ритуалу: купецъ встаетъ къ своей заутренѣ съ самоотверженностью отшельника, и искупаетъ тѣ искушенія, которымъ онъ могъ подвергнуться въ теченіе дня, за поздней вечерней, посвященной той же мамонѣ. Но при всемъ снисхожденіи къ этимъ добросовѣстнымъ и романтическимъ особамъ, непоколебимымъ остается тотъ фактъ, что громадное большинство сдѣлокъ, приводящихъ къ этимъ промышленнымъ затрудненіямъ, могутъ быть подведены подъ двѣ главныя группы: игры и кражъ и при томъ въ ихъ са-

мой отвратительной формѣ, такъ какъ игра ведется на чужія деньги, а обворовываются люди, довѣрившіеся имъ. Я думалъ иногда, что настанетъ наконецъ день, когда нація пойметъ, что хорошо образованный человѣкъ, ворующій милліоны и пускающій сотни семей по міру, заслуживаетъ въ общемъ такого же строгаго наказанія, какъ и необразованный человѣкъ, ворующій кошелекъ изъ кармана или кружку изъ кладовой. Но, не надѣясь даже на успѣхъ такого простаго пониманія, мы можемъ по крайней мѣрѣ выработать систему большей честности и добросовѣстности при болѣе скромныхъ коммерческихъ сношеніяхъ въ нашей повседневной жизни, такъ какъ крупная безчестность крупныхъ покупателей и продавцевъ есть не что иное, какъ естественный ростъ и порожденіе мелкой безчестности мелкихъ покупателей и продавцевъ. Каждый человѣкъ, пытающійся купить какую-нибудь вещь ниже ея дѣйствительной стоимости, или пытающійся продать ее выше ея стоимости; каждый погребитель, заставляющій промышленника или торговца ждать за собою деньги, и каждый промышленникъ, кредитомъ обременяющій потребителя входить въ излишніе расходы, — каждый изъ этихъ людей, говорю я, по мѣрѣ своихъ силъ, поддерживаетъ систему подлой и безчестной промышленности и ведетъ свою страну къ разоренію и позору. И люди, обладающіе среднимъ достаткомъ и заурядной духовной силой, оказали бы неизмѣримо больше дѣйствительной пользы, поддерживая и проводя строгіе принципы справедливости и честности въ обычныхъ торговыхъ сношеніяхъ, чѣмъ самыми остроумными планами широкой филантропіи или крикливыми провозглашеніями богословскихъ ученій. Есть „три важнѣйшихъ вещи въ законѣ: судъ, милость и вѣра“; изъ нихъ нашъ Учитель ставитъ вѣру послѣдней, потому что познать ее можно только дѣлами справедливости и любви; люди же стараются изъ всѣхъ силъ поставить вѣру первой, разумѣя подъ ней свои личныя мнѣнія; и вотъ міръ, имѣя много людей, готовыхъ претерпѣть страданія изъ-за такъ называемой ими вѣры, имѣетъ очень немного такихъ людей, которые готовы были бы пожертвовать незначительными удобствами ради дѣлъ справедливости и любви.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Образованіе въ искусствѣ.

Читано авторомъ въ Національномъ Обществѣ Поощренія Соціальной Науки осенью 1858 года и издано въ протоколахъ Общества того же года, стр. 311—16.

Я не буду пытаться въ этой статьѣ входить въ общее разсмотрѣніе возможнаго вліянія искусства на народныя массы. Съ этимъ связанъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ относительно полезности и опасности роскоши; къ тому же мы не имѣемъ достаточно данныхъ для оправданія себя на основаніи предположеній относительно того, насколько занятіе искусствомъ совмѣстимо съ суровымъ или механическимъ трудомъ. Вопросъ этотъ, хотя и трудный, долженъ разсматриваться съ той же точки зрѣнія, какъ и вопросъ о пользѣ чтенія и письма, потому что живопись, насколько она доступна для большинства, должна быть разсматриваема, главнымъ образомъ, какъ средство пріобрѣтенія и сообщенія знанія. Тотъ, кто можетъ точно изобразить форму предмета и подобрать его цвѣтъ, безспорно владѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ большей силой для изображенія и описанія, чѣмъ сила слова; а на это изученіе изображенія должно смотрѣть, какъ на нѣчто относящееся къ записыванію формы точно такъ же, какъ ариметика относится къ записыванію чиселъ. Конечно, злоупотребленія и опасности сопровождаютъ пріобрѣтеніе всякой силы. Всѣмъ намъ, вѣроятно, извѣстны люди, которые, не умѣя ни читать, ни писать, исполняютъ важныя жизненныя обязанности мудро и честно, — какъ извѣстны, конечно, и люди, способные читать и писать, но которые своимъ чтеніемъ и письмомъ не приносятъ добра ни себѣ, ни другимъ. Но мы вслѣдствіе этого не сомнѣваемся въ цѣлесообразности пріобрѣтенія знаній въ этихъ искусствахъ; точно такъ же мы не должны сомнѣваться и въ цѣлесообразности усвоенія искусства рисованія, если

только признаемъ, что оно дѣйствительно можетъ быть практически полезнымъ.

Мы не долго колебались бы признать это, если бы не привыкли смотрѣть на изученіе искусствъ, главнымъ образомъ, какъ на средство развитія такъ называемаго „вкуса“ или диллетантизма и другихъ духовныхъ склонностей, которыя, въ ихъ самомъ современномъ развитіи, были въ Европѣ, конечно, не полезны для націй и не свидѣтельствовали объ ихъ достоинствахъ. Тѣмъ не менѣе истинный вкусъ, или постоянное предпочтеніе вещей благородныхъ вещамъ низкимъ, есть необходимая принадлежность высокаго достоинства какъ въ націяхъ, такъ и въ людяхъ, только этого развитія вкуса не нужно добиваться, какъ главнаго для насъ предмета, потому что первый вопросъ какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для массы людей, заключается совсѣмъ не въ томъ, что имъ нравится, а въ томъ, что они должны дѣлать; и это — къ счастью, потому что истинный вкусъ, насколько онъ зависитъ отъ врожденнаго инстинкта, не можетъ одинаково передаваться всѣмъ людямъ, и, насколько онъ зависитъ отъ увеличенія возможности сравнивать, недостижимъ для людей, вращающихся въ узкихъ сферахъ жизни. Мы не добьемся успѣха, указывая крестьянину на достоинства Египскаго и Ликейскаго мрамора, или совѣтуя ему отдавать предпочтеніе въ саду левкоямъ или розамъ, но я вѣрю, что мы можемъ сдѣлать искусство средствомъ для доставленія ему полезнаго и пріятнаго удовольствія, изъ котораго онъ почерпнетъ пригодное для жизни знаніе.

Такимъ образомъ я надѣюсь, что въ нашихъ простыхъ программахъ школьнаго обученія мѣстная естественная исторія будетъ занимать когда-нибудь первое мѣсто, такъ что наши крестьянскія дѣти будутъ изучать природу, полезное употребленіе травъ, растущихъ на ихъ лугахъ, и больше заинтересуются наблюденіемъ и ухаживаніемъ за безобидными животными ихъ родины, чѣмъ убійствомъ и травлей ихъ. Предположимъ, что будетъ рѣшено ввести преподаваніе мѣстной естественной исторіи, тогда рисованіе послужитъ сосредоточенію вниманія и испытанію памяти. „Нарисуйте такой-то и такой-то цвѣтокъ чашечкой къ себѣ. Нарисуйте его бокомъ къ себѣ. Нарисуйте крапинки на немъ. Нарисуйте утипую голову, ея ногу. Теперь реполова, дрозда, и потомъ крапинки на груди дрозда“. Вотъ какого рода задачи должны, по моему

мнѣнію, быть предложены молодому крестьянину—ученику. Несомнѣнно, что занятіе, служащее такимъ образомъ на пользу знанію и состраданію, не будетъ больше считаться низкимъ, и можетъ быть мы найдемъ со временемъ, что связь италіанскаго искусства съ *diletto*, или восторгомъ, находилась въ извѣстномъ соотношеніи или даже въ непосредственной тѣсной связи съ *arete*, или добродѣтелью, завися отъ нея.

Можетъ быть, найдутъ, что умѣнье удовлетворительно изображать естественные предметы, подобные вышеприведеннымъ, слишкомъ трудно достижимо, чтобы можно было стремиться къ нему въ элементарныхъ школахъ. Но я имѣлъ практическія доказательства неосновательности такого мнѣнія. Отъ рабочаго, который можетъ располагать очень незначительнымъ количествомъ времени, да и то послѣ утомительнаго рабочаго дня, я получалъ, черезъ три или четыре мѣсяца послѣ того, какъ онъ впервые бралъ въ руку кисть, очень полезные и во многихъ отношеніяхъ удивительные рисунки съ натуры. Но для достиженія такого результата необходимо, однако, чтобы стремленіе учащагося было абсолютно ограничено изображеніемъ видимыхъ фактовъ. Болѣе же разнообразныя и болѣе сложныя упражненія должны быть отложены до тѣхъ поръ, пока въ простыхъ приемахъ не будутъ достигнуты вѣрность взгляда и правдивость изображенія; да и вообще, если дѣти принадлежать къ низшему классу, мнѣ кажется, что часто умѣстно стремленіе къ чему-нибудь большому. Во всякомъ случаѣ ихъ уроки рисованія должны быть обставлены какъ можно привлекательнѣе. Подвергаясь должной дисциплинѣ тяжелаго труда въ другихъ направленіяхъ, подобныя дѣти могутъ быть легко посвящены въ занятія, рассчитанныя на отдыхъ въ трудѣ. Для нихъ не имѣетъ большого значенія знаніе принциповъ искусства, но очень важно, чтобы ихъ вниманіе было пріятно возбуждено. Въ нашихъ высшихъ общественныхъ школахъ, напротивъ, рисованіе нужно преподавать правильно, т. е. съ должной послѣдовательностью и полнымъ усвоеніемъ первоначальныхъ шаговъ. Здѣсь не важно, достигнетъ ли студентъ значительной или незначительной ловкости, лишь бы онъ ясно понималъ, какой степени искусства онъ достигъ, лишь бы уважалъ то, что стоитъ выше его, и зналъ принципы правды, которыми долженъ руководствоваться. Нельзя каждаго мальчика сдѣлать художникомъ или знатокомъ, но вполне возможно научить его понимать значеніе

искусства въ его основахъ, вполне возможно сдѣлать его настолько скромнымъ, чтобы въ послѣдствіи онъ воздерживался отъ выраженія мнѣній, которыхъ, по недостатку знаній, не можетъ передать вѣрно.

Однако, такое математическое преподаваніе представляетъ въ настоящее время большія трудности, потому что публика не вѣритъ, что принципы искусства опредѣленны и никоимъ образомъ не зависятъ отъ того или другого мнѣнія. Она не вѣритъ, что хорошая живопись хороша, а дурная дурна, независимо отъ того, какое количество людей думаютъ и заявляютъ противное; что для произведенія эффекта есть правильный или наилучшій способъ наложенія красокъ, точно такъ же, какъ есть правильный или наилучшій способъ окрашиванія одежды въ данный цвѣтъ, и что Тиціанъ и Веронезъ не случайно только прекрасны, а вѣчно правы.

Публика, конечно, не можетъ убѣдиться въ единствѣ и устойчивости принципа, пока художники, которыхъ она уважаетъ, не дадутъ ей яснаго подтвержденія на этотъ счетъ; а художники, которыхъ она уважаетъ, слишкомъ скромны вообще, а иногда и слишкомъ горды, чтобы сдѣлать это. Я увѣренъ, что главная причина, почему они еще не объявили, по крайней мѣрѣ, объ основныхъ законахъ труда въ связи съ изученіемъ искусства, заключается въ извѣстнаго рода сознаніи съ ихъ стороны, что „cela va sans dire“, т.-е. само собой понятно. Великіе живописцы настолько хорошо знаютъ, что для достиженія даже низшихъ степеней искусства необходимъ упорный и систематическій трудъ, что у нихъ естественно является предположеніе, что если люди серьезно не стараются рисовать, то очевидно не заботятся и о приобрѣтеніи этого искусства, и что трудъ, употребляемый на правильное изученіе этого искусства, превышаетъ всѣ силы, какія масса народа когда-либо расходовала и какія она, по видимому, желаетъ употребить на него. Чувствуя такимъ образомъ,—какъ чувствуетъ каждый настоящій художникъ,—что его превосходство есть настолько же результатъ дарованія, насколько и труда, и можетъ быть отчасти не желая признаваться въ томъ, какихъ усилій стоило ему усовершенствованіе этого дарованія, онъ поиливъ отчаявшись въ бесполезности такого признанія, презрительно предоставляетъ учителямъ рисованія извлекать возможную пользу изъ ихъ двѣнадцати уроковъ и съ любезной жестокостью допускаетъ молодыхъ англичанокъ оставаться при ихъ увѣренности,

что онѣ съ меньшимъ трудомъ могутъ научиться рисованью, чѣмъ танцамъ. Я, однако, убѣжденъ, на основаніи опыта, что подобное отношеніе къ ученику-любителю несправедливо. Молодые дѣвушки станутъ работать съ упорной настойчивостью, лишь только признаютъ необходимость труда и убѣдятся, что рисованіе есть въ своемъ родѣ языкъ, которому, для обыденныхъ цѣлей, такъ же легко научиться, какъ французскому или нѣмецкому; но, съ другой стороны, этотъ языкъ имѣетъ также свою грамматику и свои правила произношенія, овладѣть которыми можно только при помощи настойчивыхъ, скучныхъ упражненій, при чемъ неправильность въ формѣ будетъ вполне соответствовать неправильному сопряженію въ языкѣ, а дурно нарисованная линія будетъ такъ же непристойна, какъ вульгарное произношеніе.

И я придаю большое значеніе основательному обученію нашихъ дѣвочекъ искусству, предполагая, что въ Англіи дѣтскія и гостинныя являются можетъ быть самыми вліятельными изъ всѣхъ академій. Тщетно станемъ мы толковать о воспитаніи художника, пока спросъ на его трудъ отличается неопредѣленностью и неразумностью, и не можемъ разсматривать искусство, какъ нѣчто, имѣющее серьезное вліяніе на націю, пока позолоченая бумага является главной роскошью нашихъ гостиныхъ, а плохо выдѣланныя, но дорогія бездѣлушки—главнымъ предметомъ разговора въ будуарахъ.

Итакъ, несомнѣнно, достойно сожалѣнія, что художественное воспитаніе въ нашихъ правительственныхъ школахъ окончательно поручено руководству ремесленниковъ и поэтому такъ мало извѣстно изъ этой области нашей публикѣ и въ особенности высшимъ классамъ. Я недостаточно знакомъ съ практическимъ примѣненіемъ этой системы, чтобы рискнуть выразить свое мнѣніе относительно ея цѣлесообразности вообще; но я убѣжденъ, что пока въ нихъ читаются лекціи относительно рисованія образцовъ, которые могутъ быть воспроизведены машиннымъ способомъ, такія лекціи существенно уменьшаютъ ихъ пользу, какъ общей системы преподаванія.

Мы пришли, слѣдовательно, все къ тому же пункту, а именно, къ необходимости авторитетной рекомендаціи какого-нибудь метода обученія для публики, метода, выработаннаго при содѣйствіи нашихъ лучшихъ живописцевъ и открыто утвержденнаго ими, такъ чтобы не оставалось мѣста для сомнѣній и колебаній при его примѣненіи.

Не слѣдуетъ также думать, что трудно получить общее согласіе живописцевъ на систематизацію элементарныхъ правилъ, вслѣдствіе того, что конечные методы работы, употребляемые ими, разнообразятся, сообразно съ особенностями эффектовъ, производимыхъ каждымъ. Факты, въ которыхъ студенту необходимо быть увѣреннымъ въ самомъ началѣ, такъ просты, такъ не многочисленны, такъ хорошо извѣстны всѣмъ способнымъ рисовальщикамъ, что, какъ я только что сказалъ, скорѣе можетъ явиться сомнѣніе въ необходимости опредѣлять то, что кажется имъ очевиднымъ, чѣмъ нежеланіе обсуждать авторитетно спорные пункты, которые могли бы помѣшать имъ оформить принципы общаго обученія. Возьмемъ только два примѣра: можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, что среди любителей-учениковъ, какъ-бы они ни преуспѣвали въ исполненіи того, что наиболѣе бросается въ глаза, едва-ли найдется однако одинъ изъ ста, который могъ бы тщательно нарисовать по масштабу. Хорошо, если они умѣютъ срисовать что-нибудь хоть приблизительно вѣрно дѣйствительной величины. Эта невѣрность глаза, припятствующая ученику рисовать по масштабу, есть въ сущности не что иное, какъ полная неспособность оцѣнки отношенія частей, а слѣдовательно и композиціи. Тотъ, кто измѣняетъ въ своей копіи отношенія размѣровъ между собою, показываетъ тѣмъ самымъ, что его не плѣнили эти отношенія въ оригиналѣ, иначе сказать, что всякая оцѣнка благороднаго замысла (основаннаго на самыхъ изысканныхъ отношеніяхъ величины) невозможна для него. Слѣдовательно, навыкъ въ передачѣ съ математической точностью контура сложной формы есть одно изъ первыхъ и даже одно изъ самыхъ важныхъ средствъ развитія вкуса учащагося. Ученикъ, который можетъ точно установить главныя точки птичьяго крыла, распростертаго въ неподвижномъ положеніи, и потомъ нарисовать безъ малѣйшей ошибки его отдѣльныя перья, больше подвинулся въ пониманіи замысла великаго мастера, чѣмъ подвинулся бы, прочитавъ многочисленные томы критики или посвятивъ многіе мѣсяцы беспорядочному обзору произведеній искусствъ.

Кромѣ того, среди учениковъ замѣчается почти всеобщій недостатокъ въ умѣнii изобразить округлость поверхности. Они часто рисуютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и силой, но никогда не достигаютъ тонкаго пониманія тѣхъ измѣненій въ формѣ, которыя могутъ быть выражены только градаціями тѣни. Они

оставляют острые края для своих пятнистых красок, острые углы въ своих контурахъ линий, и скрываютъ отъ себя свою неспособность къ законченности при сложности предмета. Пониманіе подобными господами того, что нельзя правильно видѣть и рисовать какой бы то ни было предметъ, пока рисовальщикъ не будетъ въ состояніи справиться съ градаціями измѣняющихся поверхностей, отдѣлывая ихъ какимъ-нибудь остроконечнымъ орудіемъ (перомъ, кистью или карандашемъ), сразу избавило бы отъ многихъ напрасныхъ трудовъ и положило бы конецъ многимъ самымъ прискорбнымъ заблужденіямъ, которыя не только задерживаютъ успѣхи учащагося, но и ослабляютъ его, мѣшая и самому достигать совершенства и понимать его въ другихъ.

Было бы легко, если бы позволяло время, привести примѣры и другихъ правилъ, одинаково важныхъ для начинающаго и несомнѣнно подтверждаемыхъ знаменитыми живописцами, а если и существуютъ сомнѣнія относительно ихъ примѣнимости при законченномъ образованіи, то все же они остаются вполнѣ опредѣленными, какъ руководство для начинающаго. Можетъ, напримѣръ, возникнуть вопросъ, насколько удобно пользоваться мѣстной краской, какъ элементомъ *chiaro-oscuro* при рисованіи мастеромъ человѣческой формы; но несомнѣнно, что ею долженъ пользоваться юноша при этюдахъ тюльпана или форели.

Еще болѣе важная цѣль была бы достигнута, если бы авторитетное подтвержденіе такого же рода было дано относительно достоинства и особеннаго соотвѣтствія какой-нибудь серіи образцовыхъ художественныхъ произведеній, находящихся подъ руками у учителей школъ, — потому что современный ученикъ, окруженный въ галлерейхъ и музеяхъ множествомъ образцовъ совершенно различныхъ стилей, работаетъ вслѣдствіе этого при тяжелыхъ, невыгодныхъ для себя условіяхъ, которыя на первый взглядъ могутъ даже показаться благопріятными для него. Его умъ смущаютъ противорѣчія различныхъ знаменитостей и его собственное пристрастіе къ ложнымъ красотамъ второразрядныхъ и третьеразрядныхъ произведеній. Онъ лишенъ такимъ образомъ возможности наблюдать какой-нибудь экземпляръ достаточно долго, чтобы понять его достоинство, и не можетъ слѣдовать какому-нибудь методу въ теченіе продолжительнаго времени, чтобы вполнѣ легко примѣнять его на практикѣ. Поэтому крайне желательно,

чтобы нѣкоторые изъ подобныхъ образцовъ были въ распоряженіи всѣхъ нашихъ школъ, и не надо забывать, что образцы эти не должны быть обязательно наивозможно лучшими, лишь бы они были наивозможно правильными. Нѣтъ нужды мечтать, чтобы учащійся подражалъ произведеніямъ наивысшаго достоинства, но очень желательно, чтобы руководствомъ ему служили работы, имѣющія наименьше ошибокъ.

Итакъ, вѣроятно, самый пригодный образецъ, который мы можемъ поставить передъ юношей, найдется скорѣе въ этюдахъ и рисункахъ, чѣмъ въ картинахъ перворазрядныхъ мастеровъ; а фотографія дастъ намъ возможность помѣстить на стѣнахъ каждой школы въ королевствѣ снимки съ этихъ этюдовъ, которые для большей части практическихъ цѣлей такъ же хороши, какъ и оригиналы. Предположимъ (я просто привожу это, какъ примѣры), что образцомъ свѣто-тѣневого рисунка будетъ этюдъ Леонардо № 19 изъ коллекціи фотографій, недавно изданныхъ съ картинъ галлерей, находящейся во Флоренціи; что образцомъ рисунка перомъ съ тушовой—эскизъ Тиціана за № 30 изъ той же коллекціи; образцомъ гравюры—Рембрандта—пятнистая чешуя, а рисунка пунктиромъ—гребешокъ и пѣтухъ.

Каждое усиліе ученика, чѣмъ бы онъ ни рисовалъ, будетъ неизбѣжно направлено на вѣрный путь, а когда будетъ достигнуто полное пониманіе достоинствъ этихъ четырехъ произведеній, или другихъ подобныхъ имъ, то стараніе, хотя бы неудачное и безнадежное, срисовать часть ихъ приведетъ неминуемо въ свое время къ одѣлкѣ особенностей ихъ и превосходства.

Я не могу, конечно, въ предѣлахъ этой статьи, приступить къ обзорѣнню современныхъ потребностей англійскаго ремесленника въ художественномъ образованіи. Но я не сожалею объ этомъ, потому что мнѣ кажется крайне желательнымъ, чтобы все вниманіе наше въ настоящее время было сосредоточено на болѣе безотлагательномъ предметѣ общаго образованія. Художникъ немедленно дастъ то, на что публика предъявить спросъ, но лучшее образованіе, которое можетъ получить ремесленникъ, заключается въ умѣннѣ отказываться отъ дурной работы и распознавать хорошую. Среди насъ нѣтъ недостатка въ геніальности, а еще менѣе въ трудолюбіи. Наименьшее изъ того, что мы производимъ, носитъ отпечатокъ трудолюбія и наихудшее—все же дивно. Но мы глубоко

и широко нуждаемся въ осмотрительномъ направленіи труда и въ наслажденіи, доставляемомъ воображеніемъ. Въ былое время, хотя масса народа была менѣе свѣдуща, чѣмъ теперь, люди, вслѣдствіе этого, были болѣе простыми судьями и болѣе счастливыми зрителями; мы же должны, взаимѣя широкой благодарности, отплатить невинности любезной симпатіей истиннаго пониманія. Художникъ всегда можетъ хорошо рисовать для тѣхъ, кто легко удовлетворяется или разумно неудовлетворяется произведеніями искусства; но онъ не можетъ рисовать для тѣхъ, кто является бессмысленнымъ въ похвалахъ и несправедливымъ въ порицаніяхъ.

О художественныхъ школахъ.

*Замѣтки, обращенныя къ Мансфельдскимъ вечернимъ художественнымъ классамъ, 14 октября 1873 года. *)*

Необходимо помнить, что раздача премій можетъ быть оправдана только въ качествѣ награды за особенное прилежаніе и за покорное, внимательное отношеніе къ указаніямъ преподавателя. Но никогда не надо считать ихъ опредѣленіемъ высшей даровитости, потому что практически онѣ никогда и не могутъ сдѣлаться имъ, — за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда даровитый ученикъ оказывается болѣе внимательнымъ и прилежнымъ, чѣмъ въ состояніи быть его бездарные товарищи.

Но часто случается, что побужденія тщеславія, дѣйствуя на умы низшаго калибра, вызываютъ временно трудолюбіе, превосходящее спокойное и сдержанное проявленіе дѣйствительной силы, такъ что можно задать себѣ вопросъ: нельзя ли совершенно прекратить обычай раздачи премій въ нашихъ высшихъ школахъ художествъ, — оставивъ ихъ только въ видѣ существеннаго пособія достойнымъ ученикамъ, нуждающимся въ немъ, — какъ родъ преміи, претензіи на которую, по существу своему, будутъ больше зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ и общаго хорошаго поведенія, чѣмъ отъ даровитости.

*) Эта рѣчь была написана для вечернихъ художественныхъ классовъ Мансфельда, но не произнесена мною. Во время моего отсутствія — неизбѣжнаго, не помню по какой причинѣ, — герцогъ С. Альбанскій сдѣлалъ мнѣ честь, прочитавъ ее на митингѣ.

Но, безъ всякаго отношенія къ мнѣнію другихъ и безъ риска быть пристрастнымъ къ вашему собственному, я утверждаю, что есть мѣрило, посредствомъ котораго вы можете опредѣлить степень вашего дѣйствительнаго успѣха.

Разсмотрите послѣ каждаго періода обновленнаго трудолюбія, насколько расширилась ваша способность къ восхищенію.

Разсмотрите, насколько увеличилась въ васъ способность поклоненія произведеніямъ мастеровъ и насколько возросла любовь къ созданіямъ природы.

Вотъ единственно постоянное и безошибочное мѣрило прогресса: большее удивленіе передъ произведеніями великихъ людей и большая заботливость объ естественныхъ предметахъ.

Ваши учителя часто призывали васъ надѣяться на этотъ окончательный выводъ; но я боюсь, что современная мысль стремится отвергнуть идею этой существенной разницы въ достоинствахъ между однимъ интеллектомъ и другимъ, возрастающее уваженіе чего и составляетъ мудрое знаніе.

Вы можете, по крайней мѣрѣ въ молодости, точно измѣрить вашу способность дѣлать что-нибудь вполнѣ правильно — увеличивающимся въ васъ убѣжденіемъ, что вы никогда не будете въ состояніи сдѣлать это такъ же хорошо, какъ это было сдѣлано другими.

Это правило, повторяю, сильно отличается отъ того, чему васъ обыкновенно учатъ. Вульгарная и въ высшей степени невѣрная мысль Маколея, что интеллектуальные гиганты одной эпохи являются интеллектуальными пигмеями въ слѣдующую эпоху, послужила текстомъ для слишкомъ многихъ проповѣдей, проповѣдуемыхъ вамъ за послѣднее время.

Каждому изъ васъ кажется, что вы создадите лучшія вещи, чѣмъ создали Тиціанъ и Фидій, напишете лучше Virgilія и нѣчто болѣе мудрое, чѣмъ Соломонъ.

Милые юноши, это самое глупое и, можетъ быть, почти самое опасное сужденіе, какое только можно было вбить въ ваши нѣсколько пустыхъ скорлупки головъ. Изъ милліона васъ не найдется ни одного, который можетъ когда-нибудь быть въ чемъ-нибудь великимъ. Стать выше тѣхъ высочайшихъ, которые уже были, можетъ быть придется одному человѣку въ Европѣ въ два или три столѣтія. Но изъ за того, что вы не можете быть ни Генделемъ, ни Мопартомъ, нѣтъ ни

какого основанія для васъ не учиться пѣть, какъ слѣдуетъ, то, что вамъ нравится? Неужели же ваша сестра, не имѣя возможности стать примадонной италіанской оперы, не будетъ вслѣдствіе этого учиться, чтобы спѣть въ удобное время фугу своимъ сестрамъ и братьямъ, или какой-нибудь нѣжный мотивъ—усталой матери, или, наконецъ, неужели она не станетъ пѣть для собственнаго удовольствія на зарѣ майскаго утра? Повѣрьте мнѣ, что радость, скромность и полезность всегда идутъ рука объ руку, какъ наглость съ несчастіемъ сопутствуютъ гибели.

Надменные учителя могутъ научить васъ, какъ низвергнуть Вандомскую колонну или сжечь Лувръ, но никогда не научатъ васъ, какъ сдѣлать вѣрный штрихъ, или какъ сложить правильно твердый камень. Если же между вами дѣйствительно найдется истинный гений, то,—повѣрьте мнѣ,—онъ отличится прежде всего не наглостью и презрѣніемъ, а безошибочнымъ умѣньемъ распознавать то, чему слѣдуетъ поклоняться и кому повиноваться.

Надѣюсь, что благодаря интересу къ искусству, недавно пробудившемуся во всѣхъ нашихъ провинціяхъ, каждый значительный городъ пріобрѣтетъ въ полную собственность нѣсколько—и даже желательно, чтобы ихъ было немного—экземпляровъ законченныхъ художественныхъ произведеній: одну или двѣ гравюры Дюрера, одинъ портретъ Рейнольдса, одну картину флорентинской живописи пятнадцатаго столѣтія, одинъ образецъ живописи по стеклу тринадцатаго столѣтія и тому подобное; я увѣренъ также, что каждый городъ, занимающійся извѣстнымъ производствомъ, выставитъ въ своихъ городскихъ музеяхъ отличающіеся неоспоримыми достоинствами образцы этой мануфактуры.

Я долженъ просить васъ, однако, обратить вниманіе, что я употребляю слово мануфактура въ его буквальномъ значеніи, т. е., въ смыслѣ *ручного* производства вещей. Оно не подразумеваетъ машиннаго производства. И когда я добиваюсь отъ васъ истиннаго смиренія въ соревнованіи съ произведеніями другихъ, я добиваюсь также, чтобы вы справедливо гордились тѣмъ, что дѣйствительно можете добросовѣстно сдѣлать сами. Вы не должны видѣть въ своей работѣ нѣчто наилучшее изъ всего, когда-либо создавшаго человѣкомъ, а съ другой стороны, не должны также думать, что клещи и кочерга могутъ сдѣлать лучше васъ, и что, несмотря на то, что вы мудрѣе Соломона, весь блескъ вашей мудрости можетъ затмиться лопатой жокса.

Я возьму для примѣра производство кружевъ, которымъ, я думаю, славится сосѣдній съ вами городъ Ноттингамъ. Существуетъ до сихъ поръ еще нѣкоторая разниа между машиннымъ и ручнымъ производствомъ ихъ; но я предположу, что разниа доведена до такого ничтожества, что вы, имѣя изобрѣтенный образецъ, можете прясть кружево такъ же скоро, какъ теперь прядете нитки. Тогда всякій имѣлъ бы возможность носить не только кружевные воротнички, но и кружевные платья. Но, какъ вы думаете, было ли бы людямъ удобнѣе въ нихъ, чѣмъ теперь въ обыкновенныхъ матеріяхъ и гордился ли бы кто-нибудь своимъ платьемъ, если бы каждый носилъ такое-же? Паукъ, пожалуй, можетъ гордиться своей паутиной, хотя бы всѣ поля кругомъ были покрыты подобной же, потому что онъ сдѣлалъ ее самъ, но предположите, что для него сдѣлала бы ее машина?

Предположимъ, что вся паутина была бы соткана въ Ноттингамѣ, какъ вы думаете, былъ ли бы чувствительный паукъ довольнѣе и счастливѣе отъ этого? Чувствительный паукъ! Вы, пожалуй, не можете себя вообразить подобнаго созданія. Несомнѣнно, однако, что паукъ достаточно разуменъ для своихъ собственныхъ цѣлей.

Вы считаете его нечувствительнымъ паукомъ потому только, что онъ не понимаетъ вашихъ цѣлей и способенъ препятствовать имъ. Хорошо, держитесь этого мнѣнія, но смыслъ въ человѣческихъ существахъ проявляется также не въ достиженіи ихъ собственныхъ цѣлей и удовлетвореніи ихъ интересовъ, а въ тонкомъ пониманіи цѣлей и интересовъ другихъ людей и въ гармоничномъ сочетаніи съ ними своего труда и своихъ желаній.

Но я возвращаюсь къ моему вопросу о дешевизнѣ. Находите-ли вы удобнымъ или даже приличнымъ, чтобы женщина мыла пороги или служила за обѣдомъ въ кружевномъ платьѣ? Нѣтъ; но даже при наиболѣе благородныхъ занятіяхъ—при чтеніи, письмѣ или игрѣ со своими дѣтьми—считаете-ли вы кружевное платье или даже кружевной воротничокъ большимъ преимуществомъ или признакомъ достоинства для женщины? Подумавъ объ этомъ, вы найдете, что вся цѣнность кружева, какъ собственности, зависитъ отъ его красоты, явившейся результатомъ усидчивости и внимательности.

Что эта вещь является отличіемъ, которое не каждый можетъ имѣть; что она своимъ видомъ доказываетъ искусство ея произво-

дителя, своей рѣдкостью—достоинство особы, носящей ее, котора или была такъ трудолюбива, что сберегла деньги на покупку драгоценной вещицы, золотой ткани или изящнаго кружева, или настолько благородна, что сосѣди уступаютъ ей, какъ честь, привилегію быть одѣтой лучше ихъ.

Если же они всѣ захотятъ имѣть кружево и оно перестанетъ быть отличіемъ, то развѣ оно не станетъ простой паутиной? Итакъ, вы найдете, что кусокъ кружева дѣйствительно хорошъ тѣмъ, что обнаруживаетъ, во-первыхъ, изящную фантазію его изобрѣтателя, затѣмъ искусныя пальцы его производителя и, наконецъ, показываетъ, что тотъ, кто его носить, достаточно способенъ и могущественъ, чтобы приобрести трудно приобретаемое, и достаточно здраво-мыслящъ, чтобы не носить его всегда. Я буду сдержанъ и ограничусь вопросомъ о мануфактурѣ, даже одной только важной вещью въ мануфактурѣ, которую я только что называлъ изящной фантазіей.

Какъ вы думаете, что я подразумѣваю подъ изящной фантазіей? Не думаете-ли вы, что, учась рисованію и разсматривая цвѣты, вы достигнете когда-нибудь умѣнья составить образецъ красиваго кружева? Никимъ образомъ. Если бы это было такъ, то каждый скоро обучался бы рисовать, каждый составлялъ бы прелестныя узоры для кружевъ и никто ни получалъ бы платы за это. До нѣкоторой степени, это дѣйствительно будетъ результатомъ современныхъ стараній научиться составлять узоры. Но несмотря на всѣ такія старанія, природный здравый смыслъ, въ концѣ концовъ, возьметъ свое.

А тотъ, кто имѣетъ этотъ природный здравый смыслъ, можетъ сдѣлать процессъ его развитія пріятіе для себя и полезнѣе для другихъ, обучаясь рисованію.

Индійскій работникъ золотыхъ издѣлій, скандинавскій работникъ издѣлій изъ желѣза и старинный французскій работникъ издѣлій изъ нитокъ могли дѣйствительно производить прекрасныя узоры исключительно только изъ группъ узелковъ и спиралей; вы же, правильно обученные, можете расположить ваши узелки и спирали гораздо замысловатѣе, приблизивъ ихъ къ естественнымъ формамъ и обогативъ элементами истиннаго знанія.

Вы знаете, напримѣръ, что образецъ, бывшій въ теченіе столѣтій основнымъ украшеніемъ индійскихъ шалей, состоялъ изъ

выпуклаго листа, кончающагося спиралью. Индійцы производятъ прекрасные узоры, пользуясь только этой спиралью. Вы не можете превзойти ихъ въ способности къ этому, но можете развить свою способность и сдѣлать ее болѣе полезной, прибавивъ къ изобрѣтательности знаніе природы.

Предположите, что вы правильно обучаетесь рисованію, а слѣдовательно знакомитесь основательно съ спиралями растущихъ папортниковъ, не для того, чтобы сумѣть дать безобразныя названія каждому виду ихъ, а для того, чтобы сумѣть понять грацію и жизненность каждого часа ихъ существованія. Предположите, что у васъ найдется достаточно смысла и чувства, чтобы передать главный характеръ этой красоты въ формахъ, выражаемыхъ простыми линіями—слѣдовательно и нитями—вѣдь вы будете имѣть тогда цѣлыя серіи образцовъ папортника, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ пункты относительнаго интереса, красоты и научной истины, разнообразясь фантазіей такъ же свободно, какъ и безсодержательныя образцы индійцевъ.

Не подумайте только, что подобнаго рода обученіе будетъ когда-нибудь „оплачиваться“ въ вульгарномъ смыслѣ.

Оно сдѣлаетъ васъ мудрѣе и счастливѣе. Но не предполагаете-ли вы, что по законамъ Божьимъ и законамъ природы люди должны получать деньги за то, что стали мудрѣе и счастливѣе? Они получаютъ ихъ за честное дѣло, а такъ какъ каждое честное дѣло дѣлаетъ людей разумнѣе и счастливѣе, то и выходитъ, что дѣйствительно они какъ будто вознаграждаются деньгами за пріобрѣтеніе мудрости.

Но если вы ищете мудрости ради того только, чтобы пріобрѣсти деньги, то повѣрьте мнѣ, что вы поступаете, какъ самый безумный изъ безумцевъ. „Она дороже рубиновъ“—но не думаете ли вы, что это только потому, что мудрость вамъ поможетъ купить рубины?

„Всѣ вещи, которыхъ ты желаешь, не могутъ сравниться съ нею“. Вы думаете, что это потому только, что она дастъ вамъ возможность пріобрѣсти все желаемое? Она дается вамъ, какъ блаженство, сама по себѣ. Она—награда за доброжелательность, за скромность и трудолюбіе. Она—высшая награда изъ всѣхъ наградъ и какъ въ бѣдности, такъ и въ богатствѣ, является силой въ настоящей жизни и залогомъ въ жизни грядущей.

Соціальная политика, основанная на естественномъ подборѣ.

Рѣчь, читанная въ Метафизическомъ Обществѣ 11 мая 1875 г.)*

Мнѣ всегда казалось, что Общества, подобныя вашему, счастливо составленные изъ различныхъ по знанію и не вопліѣ единомыслящихъ членовъ, могли бы быть полезнѣе для публики, чѣмъ они были до сихъ поръ, если бы употребляли разносторонность своихъ силъ больше на поддержку умственныхъ выводовъ концептрическими опорами, чѣмъ на разшатываніе ихъ пращами остроумія, — скромно стараясь содѣйствовать воздвигаемымъ стѣнамъ Брачнаго зданія града Науки, въ которомъ никто не станетъ стараться отмѣчать только тѣ камни, которые онъ самъ кладетъ, и продолжать по прежнему мириться съ существующимъ эффектнымъ, но пагубнымъ, обыкновеніемъ каждаго мнимаго рыцаря науки воздвигать феодальныя замки собственныхъ мнѣній, — замки, поддерживаемые только при помощи самой энергичной сварливости и пролизынные бойницами, изъ которыхъ можно досаждать своимъ сосѣдямъ, а не окнами для свѣта и воздуха.

Статья, читанная на нашемъ послѣднемъ митингѣ, была безспорно, — въ предѣлахъ, которые поставилъ себѣ ея авторъ, — до такой степени здрава и логична, что я (ободренный также подстрекательствомъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе вліятельныхъ нашихъ членовъ) постараюсь сдѣлать содержаніе нашего сегодняшняго чтенія послѣдовательнымъ продолженіемъ ся, пригоднымъ для дальнѣйшихъ полезныхъ выводовъ.

Припомнимъ, что относительно положенія, высказаннаго въ докладѣ епископа Петерборо о нравственномъ безразличіи извѣстнаго рода дѣйствій, основанномъ на предположеніи существованія только механической основы нравственности, докторъ Адамъ Клеркъ замѣтилъ, что даже на такой механической основѣ слово „нравственность“ все же можетъ быть примѣнено къ любой системѣ дѣйствія, стремящейся къ развитію человѣческой расы. На это я рѣшился задать вопросъ о томъ, въ какомъ на-

*) Надѣюсь, что Общество не сочтетъ за нарушеніе его привилегій опубликованіе этой рѣчи, которую для такой аудиторіи я написалъ необыкновенно тщательно.

правления предполагалось, что подобное развитіе имѣть мѣсто; и такъ какъ разсужденіе объ этомъ вопросѣ было прервано за недостаткомъ времени, то я попрошу позволенія Общества снова затронуть его въ нѣсколько болѣе пространной формѣ. Дѣйствительно, вопросъ, касающійся развитія людей, можетъ быть поставленъ двояко: во-первыхъ, въ какомъ направленіи, а во-вторыхъ, въ формѣ какихъ общественныхъ отношеній слѣдуетъ домогаться его?

Теперь, слѣдовательно, я спрошу болѣе обдуманно, чѣмъ могъ спросить на послѣднемъ нашемъ митингѣ: въ какомъ направленіи желательно развитіе человѣчества? Желательно-ли, чтобы оно, какъ въ Греціи, было развитіемъ физической красоты путемъ соревнованія, великодушія (вторая Ирида Гезіода) и патріотизма? или, какъ въ современной Англіи, развитіемъ физическаго безобразія, зависти (первая Ирида Гезіода), трусости и себялюбія? или же оно должно идти вполне человѣчнымъ, но безпримѣрнымъ, путемъ и домогаться физической красоты, мужества и доброжелательства, чтобы превратить весь міръ въ единую родину и *πᾶσα γῆ τὰς φας*?

Я не сомнѣваюсь, что первымъ безсознательнымъ движеніемъ всѣхъ нашихъ безсознательныхъ друзей, здѣсь присутствующихъ, будетъ горячее отрицаніе вѣрности моего опредѣленія стремленій современнаго англійскаго воспитанія.

Не пытаясь защищать его, я только замѣчу, что это автоматическое развитіе солнечнаго теплорода въ научныхъ умахъ должно быть основано на автоматическомъ ощущеніи несправедливости, оказанной членамъ Училищнаго Совѣта и многимъ другимъ автоматически благонамѣреннымъ и великодушнымъ людемъ; и это чувство обиды и оскорбленія, вызванное моимъ опредѣленіемъ, не можетъ имѣть другого основанія (да будетъ мнѣ позволено продолжать свои профессиональныя уподобленія), какъ въ видѣ обрушившихся обломковъ прекрасныхъ камней, не оставленныхъ теперь одинъ на другомъ, но представляющихъ неподвижную груду развалинъ,—вѣчная Вавилонская башня Неврода на мѣстѣ древней колокольни христіанской нравственности, вершина которой когда-то почти какъ-бы касалась самаго неба.

Опредѣленіе мое можетъ быть оскорбительнымъ только при твердомъ убѣжденіи, что безобразіе, хотя и не поддающееся опредѣленію; что зависть, хотя и естественная, и что малодушіе, хотя и выгодное для торговли, — тѣмъ не менѣе всегда позорны,

иначе сказать, всегда противны милосердію Господа нашего Христа, если среди насъ есть Христосъ; милосердію Великаго Царя, если среди насъ есть царь, и даже милосердію человѣчества, не признающаго ни Христа, ни царя, если мы только не лишены человѣчества.

Къ этому опредѣленному понятію о разницѣ между худшимъ и лучшимъ или, идя далѣе, между добромъ и зломъ въ поведеніи, мы всѣ, мнѣ кажется, инстинктивно, а слѣдовательно и правильно, примѣняемъ названіе „нравственное чувство,“—чувство, подсказывающее намъ, на примѣръ, что было бы лучше, если бы члены Общества, обыкновенно безсознательно отсутствующіе, безсознательно присутствовали бы; или, что было бы лучше, чтобы эту статью (что можетъ быть слишкомъ вѣроятно), если она кажется дерзкой, молекулярное движеніе моихъ мозговыхъ частицъ превратило бы въ статью приличную.

Довѣряя, слѣдовательно, безъ дальнѣйшаго разъясненія силѣ защиты древняго Sacrum'a нравственнаго чувства, хотя и превращеннаго современнымъ паровымъ плугомъ въ неопредѣленные насыпи, я рѣшаюсь предположить, что на первый изъ моихъ двухъ вопросовъ уже данъ отвѣтъ предпочтеніемъ, по крайней мѣрѣ большинствомъ нашего совѣта, третьяго направленія развитія изъ выше обозначенныхъ, которое собственно и называется нравственнымъ, и перейду ко второму предмету изслѣдованія, болѣе трудному и болѣе практически важному при политическомъ кризисѣ, переживаемомъ Европой, а именно, къ вопросу о томъ, какія отношенія между людьми желательны или должны быть свободно допускаемы во время ихъ нравственнаго развитія.

Должны ли мы пытаться дѣлать нѣкоторыхъ людей прекрасными цѣною безобразія другихъ, и нѣкоторыхъ людей добродѣтельными цѣною порочности другихъ, или же мы должны стараться дѣлать всѣхъ людей прекрасными и добродѣтельными въ возможной для cadaго изъ нихъ степени при помощи системы общедоступнаго воспитанія? Очевидно, что прежде всего мы обязаны обсудить, до какихъ предѣловъ природа предоставляетъ намъ для этого возможность. Что можемъ мы сдѣлать, если захотимъ? Что мы должны сдѣлать, несмотря на то, хотимъ или нѣтъ? Какъ высоко можемъ мы поднять уровень развитія просвѣщенія и нравственности? Какъ далеко принуждены мы будемъ зайти въ преуве-

личеніи прсимуществъ и невыгодныхъ сторонъ нашей системы? Готовы ли мы, въ томъ случаѣ, если крайность неизбѣжна, довести до послѣднихъ предѣловъ подразумѣваемые отношенія, когда мы снимаемъ шляпы другъ передъ другомъ, утраемъ тіару святого на небѣ и въ то же время оставляемъ грѣшника съ неприкрытой головой въ рѣкѣ плача и стenanій—Коцитѣ?

Можетъ быть, не мѣшаетъ мнѣ сразу сознаться, что я придерживаюсь принципа ограниченія до крайнихъ его предѣловъ и сомнѣваюсь не въ правильности моего идеала, а только въ его возможности. Я не чувствую себя спокойнымъ при неувѣренности, будетъ ли нашъ глубоко уважаемый бывшій предсѣдатель когда-нибудь папой, или нѣкоторые изъ извѣстныхъ мнѣ лицъ (конечно не изъ числа членовъ нашего Общества) останутся навсегда въ Коцитѣ?

Но при желаніи быть вполне искреннимъ намъ нѣтъ никакой необходимости разбирать этотъ вопросъ во всей суровости его примѣненія, — какъ и надлежащаго метода распредѣленія пищи при предположеніи, что различіе между парижскимъ обѣдомъ и тарелкой шотландской похлебки ведетъ къ тому, что одной половинойъ человечества предстоить умереть отъ чрезмѣрной ѣды, а другой отъ голода.

Я возьму поэтому для примѣра случай, въ которомъ разница менѣе поразительна. Утромъ я пріостановилъ свои письменныя метафизическія занятія, чтобы выбрать для одной молодой леди рисунокъ для копированія. Это были листки прекрасно иллюстрированной рукописи. Я потратилъ, и еще потрачу, все свое послѣобѣденное время на объясненіе ей, къ чему она должна стремиться при копированіи ихъ.

Но я не далъ бы этихъ листковъ какой-нибудь другой знакомой мнѣ молодой дѣвушкѣ и посвятилъ бы свое послѣобѣденное время можетъ быть не болѣе, какъ двумъ или тремъ изъ своихъ знакомыхъ. Но, дорожа первой, я одолжилъ ей свои книги, отдалъ свое время и постарался какъ можно лучше вести свое преподаваніе, потому что она въ настоящее время рисуетъ бабочекъ лучше, чѣмъ какая-либо другая изъ знакомыхъ мнѣ дѣвушекъ, и обладаетъ выдающеюся способностью придавать мягкость перьямъ и тонкость усикамъ. Признайте меня хорошимъ преподавателемъ, а въ ней признайте ту степень способности, какую я предполагаю, и въ

результатъ будетъ то, что можетъ на первый взглядъ показаться вопіющимъ неравенствомъ, а именно, что эта дѣвушка, обладавшая уже прекраснымъ дарованіемъ и воспользовавшаяся превосходнымъ преподаваніемъ, сдѣлается, можетъ быть, лучшимъ въ Англіи живописцемъ бабочекъ, между тѣмъ какъ мириады другихъ дѣвушекъ, менѣе способныхъ и не привлечшихъ къ себѣ вниманія профессора, окончательно утратятъ теперь еще пригодныя для развитія способности къ энтомологическому искусству и унизятся до вульгарнаго положенія женъ и матерей, обреченіе на которое молодыхъ дѣвушекъ можно считать, опираясь на авторитетъ Милля, жестокой несправедливостью.

Мнѣ нѣтъ необходимости подробно перечислять примѣры, аналогичные съ этимъ, гдѣ естественный подборъ, о которомъ мы недавно слышали, — можетъ быть, слишкомъ достаточно — вызываетъ и совершенствуетъ профессиональный выборъ, который я осмѣливаюсь защищать; и если мы должны прислушиваться къ бессознательнымъ инстинктамъ справедливости и равенства, возмущающимся въ насъ противъ великаго закона природы и человѣческаго практическаго его примѣненія, гласящаго „тому, кто много имѣетъ, дано будетъ больше“, когда рѣчь идетъ только о мудрости и добродѣтели, — то пусть по крайней мѣрѣ докажемъ свою искренность исправленіемъ прежде всего несправедливости, укоренившейся по отношенію къ болѣе осязательной и лелѣмой собственности; пусть положимъ конецъ странному порядку, господствующему въ коммерческой Европѣ и въ силу котораго человѣкъ съ сотнею фунтовъ въ карманѣ получаетъ ежегодно еще три, человѣкъ съ тысячею — еще тридцать фунтовъ, а человѣкъ, ничего не имѣющій, не получаетъ ничего.

Я удовольствуюсь тѣмъ, что представилъ сегодня вечеромъ на ваше усмотрѣніе мое общее положеніе о томъ, что человѣческое развитіе, когда оно нравственно, сопряжено со спеціальными усиліями въ извѣстномъ данномъ направленіи и безнравственно, когда эти усилія направлены къ выгодѣ ограниченаго класса людей, — и теперь злоупотреблю еще на нѣсколько минутъ вашимъ терпѣніемъ съ цѣлью отмѣтить, что принятіе этого второго принципа все еще оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, до какого предѣла могутъ благоразумно простирались невзгоды отверженнаго класса и привилегіи избраннаго. Я же, съ своей стороны, не могу не со-

чувствовать тому, чтобы насущный хлѣбъ нравственнаго воспитанія былъ подѣленъ толпѣ по крайней мѣрѣ хоть на такіе куски, которые бы предохранили ее отъ окончательной нищеты и пауперизма въ сферѣ добродѣтели, такъ чтобы даже самые простые и низшіе члены общества не были абсолютно сынами погибели, но чтобы каждый могъ сказать о себѣ: „Я, съ своей стороны,—не въ обиду будь сказано господину генералу или кому-либо изъ почтенныхъ особъ — надѣюсь однако спастись“. Между тѣмъ какъ, напротивъ, въ обычныхъ выраженіяхъ мудрѣйшихъ аристократовъ подразумѣвается, что вполне развитые люди, справедливость и благородство которыхъ полярны къ основнымъ пунктамъ добродѣтели и достаточно вѣрно характеризуются великимъ римскимъ моралистомъ въ его фразѣ „Justus, et tenax propositi“,—будутъ съ гражданскимъ пыломъ противопоставляться въ жизни не только невиннымъ и невѣждамъ, но и людямъ развитымъ въ направленіи, противоположномъ тому, которое я осмѣлился назвать „нравственнымъ, а слѣдовательно не только неспособнымъ желать справедливости и одобрять ее, но съ чувствомъ злого единодушія, grava iuventium, громко требующимъ несправедливости.

Степень строгости, до которой дозволить намъ дойти и естественный, и божественный подборъ относительно этого нечестиваго класса, для котораго терпѣніе „Ессе Ното“ или проявленіе вполне человѣческаго чувства личности должно быть всегда инстинктивно отвратительными,—эта степень, повидимому, окончательно указана слѣдующимъ повелѣніемъ въ притчѣ о талантахъ: „А негоднаго раба выбросятъ во тьму вѣшнюю“. Съ другой стороны, не кажется ли разумнымъ болѣе узкое ограниченіе фаворитизма, потому что, если даже погрѣшимые смертные, въ качествѣ справедливыхъ людей, и имѣютъ часто основаніе для колебаній въ вопросѣ о произнесеніи смертнаго приговора своимъ врагамъ, за то самый лучший рассказъ изъ всей древности, какой я знаю,—рассказъ о Клеобисѣ и Битонѣ, можетъ внушить имъ пригодность въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ колебаній предавать смерти своихъ друзей. И логическій выводъ епископа Петерборо относительно должнаго отношенія къ старымъ женщинамъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго, еще болѣе примѣнимъ, когда рѣчь идетъ о старухахъ, обладающихъ всѣмъ сверхъестественнымъ; и если для нѣкоторыхъ изъ насъ все еще можетъ оставаться нерѣшеннымъ вопросъ

о томъ, имѣемъ ли мы право лишать бездушную старуху даже ничтожнаго остатка мучительнаго земнаго существованія, то безспорно, что въ силу самыхъ религіозныхъ основаній и нашей привилегіей, и нашей обязанностью будетъ переселить безпокойнаго страдальца, обладающаго душой, въ дальнюю и безвредную небесную обитель.

Однако я думаю, что мои слушатели не одобрятъ меня за то, что я снова стремлюсь нарушить невозмутимое спокойствіе ихъ повседневной дѣятельности этими отвлеченными разсужденіями, доводимыми до крайности. Практически полезное заключеніе, котораго, какъ мнѣ кажется, мы не можемъ избѣжать, состоитъ однако въ томъ, что, не доходя до признанія необходимости изгонять неприлично-злыхъ и переселять неудобно-больныхъ въ подходящіе для нихъ духовныя обители, мы должны по крайней мѣрѣ быть увѣренными, что не тратимъ на размноженіе недуговъ силы, которыя могли бы быть употреблены на охраненіе здоровья; что мы въ роскоши госпиталей, разукрашенныхъ балнями, не усыпляемъ нашего чувства состраданія, которое при должномъ направленіи совѣмъ избавило бы насъ отъ необходимости въ какихъ-либо больницахъ; что мы не тщеславимся тѣмъ христіанскимъ милосердіемъ, которое оставляетъ хижины безъ кровлей и занимается устройствомъ образцовыхъ тюремъ, съ ревностнымъ стараніемъ тратя свои силы на то, что, по мѣткому выраженію Карлейля, даетъ самый „наглядный примѣръ наибольшей траты средствъ и усилій при полученіи наименьшихъ результатовъ“.

Въ заключеніе я не могу не выразить самымъ почтительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ серьезнымъ образомъ моей надежды, что духовные вожди Англіи вскорѣ примутъ мѣры, чтобы прекратить свои сомнѣнія и убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи того сверхъестественнаго откровенія основъ нравственности, на которое епископъ Петерборо намекнулъ въ заключеніе своего доклада или, по крайней мѣрѣ, объяснить ея сбитому съ пути народу дѣйствительное значеніе силы десяти заповѣдей, начертаны ли онѣ первоначально перстомъ Бога или человѣка. Сознаюсь, что я лично, какъ одинъ изъ числа членовъ этого сбитаго съ пути народа, нахожу, что отвѣтъ христіанской вѣры, сдѣланный однимъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ нашего Общества, нуждается въ ясномъ и точномъ отвѣтѣ со стороны нашихъ богослововъ; если же общепринятое примѣненіе термина „слово Божіе“ къ книгамъ священнаго

писанія, ниѣ всякаго сомнѣнія, вѣрно, то тѣмъ болѣе обязательно для истолкователей этого писанія слѣдить за тѣмъ, чтобы это слово Божіе не обратилось—въ силу нашихъ традицій—въ пустой звукъ *) и чтобы смертные грѣхи—корыстолюбіе, обманъ, лихоимство и распри—не составляли сущности жизни націи, исповѣдующей на словахъ подчиненіе законамъ Христа и блаженство въ его любви.

Д. Рёскинъ.

*) Ты не долженъ красть: но традиціи
Одобряють всякаго рода соперничество.

Артуръ Клу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ИСКУССТВА	
Чтение I	5
Лекция II	41
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Примечание 1. Отцовская власть	84
Примечание 2. Право на общественную поддержку	88
Примечание 3. Испытательные школы	88
Примечание 4. Симпатии публики	100
Примечание 5. Продумывание новых потребностей	101
Примечание 6. Экономия литературы	104
Примечание 7. Кормчий государства	105
Примечание 8. Шелк и виссон	107
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ	
Образование в искусстве	117
О художественных школах	125
Социальная политика, основанная на естественном подборе	131

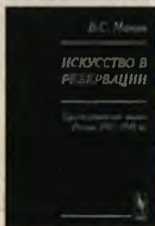
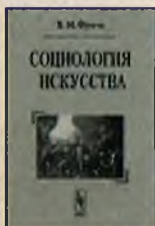

Джон РЁСКИН
(1819–1900)

Крупнейший английский теоретик и историк искусства, писатель, поэт, художник, литературный критик и публицист, блестящий лектор-популяризатор, автор работ по естествознанию и социальный реформатор. Окончил Оксфордский университет (1839), много путешествовал по странам Европы. Своими лекциями, школами и музеями в Оксфорде содействовал развитию художественного вкуса во всех отраслях английской жизни. В 1869 г. избран первым почетным профессором искусств Оксфордского университета.

В своих трудах выступал с романтической критикой капиталистической цивилизации, враждебной искусству как синтезу природы, красоты и высокой нравственности, призывал к возрождению средневекового ручного труда, коллективных форм художественного творчества. Его эстетика была синтезом искусствоведческих идей античности, романтизма и просветительства. Рёскин считал, что искусство любой страны является выражением ее нравственной, социальной и политической жизни. Взгляды Рёскина оставили глубокий след в творчестве не только английских писателей и художников, но и таких великих мыслителей, как Лев Толстой, Махатма Ганди и другие.

Наше издательство предлагает следующие книги:

4299 ID 40412

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (495) 135-42-16
Тел./факс: 7 (495) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>